

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ

ТЕРРИТОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

**А.К. Аликберов, Б.А. Алимжанов, Т. Атабаки, В.О. Бобровников,
А.В. Воробьев, С.М. Джунусбаев, П.И. Дятленко,
А.Ш. Кадырбаев, Л.С. Перепелкин, Л.М. Раванди-Фадаи,
И.С. Савин, А.Ю. Скаков, П.И. Тахнаева**

Коллективная монография

**Ответственный редактор и составитель
А.К. Аликберов**

**Москва
ИВ РАН
2020**

УДК
ББК

Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций:
коллективная монография / отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. — М.: ИВ РАН,
2020. — 264 с. — ISBN

© А.К. Аликберов
© Институт востоковедения РАН

ISBN

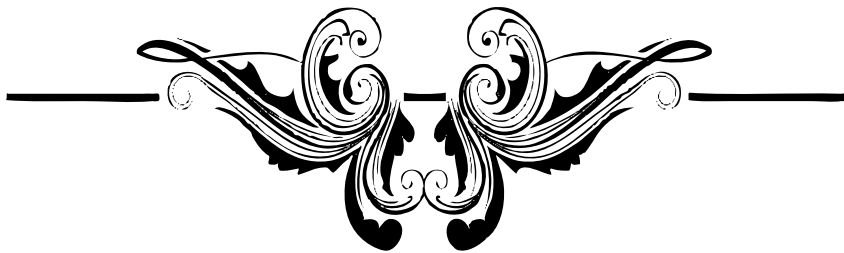
Оглавление

6	ВВЕДЕНИЕ Центральная Евразия и ее связующая роль в истории евразийских коммуникаций. <i>А.К. Аликберов</i>
17	ГЛАВА I. КОММУНИКАЦИЯ ИДЕЙ: ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕАЛЫ, КОНЦЕПЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
18	§ 1. Россия и тюрко-монгольские народы в евразийских концепциях. <i>А.Ш. Кадырбаев</i>
28	§ 2. Роль «русского мусульманства» в социокультурном пространстве евразийских коммуникаций <i>А.К. Аликберов</i>
53	§ 3. Коммуникация идей в родо-племенной среде: биографические истории киргизских просветителей конца XIX — первой трети XX века. <i>П.И. Дятленко</i>
64	§ 4. Идея государства в культурном наследии народов Южного Кавказа: динамика трансформации. <i>А.Ю. Скаков</i>
72	§ 5. Евразийские музейные коммуникации: от общих идей к конкретным проектам. <i>Л.С. Перепелкин</i>
98	ГЛАВА II. ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА КОММУНИКАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ
99	§ 1. Роль Российского государства в расширении пространства евразийских коммуникаций в XVI–XXI вв. <i>Л.С. Перепелкин</i>
110	§ 2. Имперская интеграция или колониальная сегрегация в управлении восточными инородцами? (военно-народное управление на Кавказе и в Туркестане в 1860-х–1917 гг.) <i>В.О. Бобровников</i>
142	§ 3. Проблемы трудовой миграции из Ирана в Центральную Евразию в конце XIX — начале XX в. <i>Л.М. Раванди-Фадаи, Т. Атабаки</i>
164	§ 4. Политика сохранения военной администрации Туркестанского генерал-губернаторства: Андижанское восстание 1898 г. <i>Б.А. Алимжанов</i>

174	ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ
175	§ 1. Использование опыта традиционных коммуникаций на Северном Кавказе на современном этапе. <i>П.И. Тахнаева</i>
188	§ 2. Интернет-коммуникации в Центральной Азии. <i>А.В. Грозин</i>
220	§ 3. Возможности и барьеры социальной коммуникации в Центральной Евразии (<i>на примере инклюзии мигрантов из Центральной Азии в России и Казахстане</i>). <i>И.С. Савин, С.М. Джунусбаев</i>
246	§ 4. Многовекторность политических коммуникаций в постсоветской Центральной Евразии: пример Узбекистана <i>А.В. Воробьев</i>
263	Сведения об авторах

ВВЕДЕНИЕ

А.К. Аликберов

**Центральная Евразия и ее связующая роль
в истории евразийских коммуникаций**

Настоящая коллективная монография, написанная в рамках проекта «Культурно-сложные общества на Кавказе и в Центральной Азии» (рук. А.К. Аликберов) программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (рук. акад. В.А. Тишков), развивает перспективное направление коммуникативных исследований, расширяющее пространство формирующейся научной дисциплины — истории коммуникаций. Если история европейских коммуникаций имеет солидную историографию, несмотря на свой юный (по меркам глобальной историографии) возраст, который чуть больше возраста самой европейской интеграции, то евразийская интеграция никогда прежде не описывалась в категориях коммуникации. А между тем область коммуникативных исследований (*Communicative Studies*) успешно развивается и в России, в том числе для изучения русской древности и Средневековья. В частности, на фоне евразийских коммуникаций IX–X вв. успешно представлена история Древней Руси¹.

¹ Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М.: Весь мир, 2018. 276 с.

Коммуникативный дискурс особенно актуален для анализа культурно-сложных обществ Новой и Новейшей истории, поскольку он позволяет избегать комплекса вопросов, связанных с противоречивыми и, как правило, идеологически перегруженными оценками постимперских, постколониальных (как и вообще субальтерных) исследований. Понятие «коммуникация», будучи идеологически нейтральным, потому имеющим больший познавательный потенциал, гораздо шире, многозначнее, богаче, чем понятие интеграции. В концепциях интеграции любая дезинтеграция рассматривается, как правило, не как часть сложного процесса коммуникации, в котором открываются новые возможности и перспективы, а как нечто противоположное интеграции, разрушительное и потому крайне нежелательное явление. Социальная коммуникация, создающая посредством взаимодействия конкретных людей различные формы социальной общности — не только общественные, политические и иные союзы и объединения, но и политические или экономические альянсы и партнерства, представляет собой гораздо более глубокий и многомерный процесс для системного анализа, чем интеграция, которая сама является плодом коммуникации.

Базовой категорией для истории евразийских коммуникаций является евразийское историко-культурное пространство, как она понимается в концепциях евразийства, поэтому для изучения евразийских идей и коммуникаций можно использовать методологические принципы перекрестной истории (*Histoire croisée*) М. Вернера и Б. Циммерман¹, основанной на диалогизме, транснациональной истории и культурного трансфера (М. Эспань, М. Вернер), «насыщенного описания» К. Гирца² и культурного анализа Дж. Александера³, а также децентрированной истории Н. Земон Девиса, основанной на анализе писем, автобиографий, мемуаров, жизненных историй конкретных людей. Познавательная сила принципов глобальной и

¹ Werner, Michael; Zimmermann, Bénédicte. Beyond Comparison. *Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity* // *History and Theory*. Band 45, 2006.

² Geertz, Clifford. *Thick Description: Towards an Interpretive Theory of Culture*. New York: Basic Books, 1973.

³ Alexander, Jeffrey C. *Theoretical Logic in Sociology*. In 4 vols. Berkeley: Univ. of California Press, 1982–1984.

перекрестной истории, и культурного трансфера, выработанных гуманитарной наукой, убедительно показана на примере истории Центральной Азии¹, истории сопряжений (*Entagled histories*), истории заимствований (*Transfer histories*), истории связей и обменов (*Connected histories*) и особенно коммуникативной истории (*Communicative history*)². Это те области познания прошлого, в которых «мы сталкиваемся с исторической проекцией проблем коммуникации и межкультурного диалога»³, историей памяти.

Проблему межкультурных коммуникаций в Центральной Евразии в существенной мере актуализируют интеграционные процессы, связанные прежде всего с появлением и развитием такого важного геополитического проекта современности, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и его сопряжением с другими геополитическими проектами (ОДКБ, ШОС, «Один пояс — один путь» и др.). Евразийское пространство, бывшее на протяжении почти ста лет утопией или интеллектуальным вызовом для исследователей и философов, пытавшихся осмыслить симбиоз культур, возникший в географических границах северо-восточной части евразийского континента, сегодня стало социально-экономической реальностью. Сотни миллионов людей, живущих в странах ЕАЭС, могут ощущать евразийскую общность не только умозрительно, в рамках единого информационного пространства, существующего во многом благодаря отсутствию проблем языковой коммуникации, но и непосредственно, в виде использования в своей повседневной жизни возможностей единого рынка потребительских товаров или трудовых ресурсов в условиях отсутствия пограничных барьеров и визовых процедур. Регион становится местом пересечения интересов различных стран и альянсов, зоной оживленной трансгра-

¹ Мустафаев Ш., Эспань М., Горшенина С. и др. Теория «культурного трансфера» в приложении к Центральной Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж, Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 12.

² The Handbook of Communication History / ed. by P. Simonson, J. Peck, R.T. Craig, & J.P. Jackson. New York, NY: Routledge, 2013.

³ Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. С. 306.

ничной торговли и сотрудничества, и перспективным транспортным хабом, объединяющим Россию, Китай, Индию, Японию, Евросоюз, другие страны в общую сеть взаимодействия и обмена, сотрудничества и конкуренции. Эта новая ситуация требует переопределения задач и осмысления вызовов, возникающих в ходе выстраивания эффективных моделей взаимодействия отдельных сегментов огромного полотна евразийского пространства, сотканного из многочисленных актов человеческой коммуникации.

Авторы этой коллективной работы предлагают комплексный подход к осмыслению социальных процессов Евразии, как завершенных, в виде имперского проекта, но по-прежнему влияющих на устроения и поступки живущих сегодня людей, так и тех, что, подобно межстрановой миграции, только разворачиваются, меняя социокультурный облик всех без исключения стран, входящих сегодня в ЕАЭС. Концептуальная проработка столь значимых для коммуникационных исследований понятий, как национальная и религиозная политика, территориальная экспансия, представлений о государстве и его роли в жизни культурно-сложных обществ, сочетается с подробным анализом конкретных явлений, которые, несмотря на свое возникновение в разных, с точки зрения пространства и времени условиях, представляют собой преломления единого в своей основе процесса общественного развития на части территории Евразии.

Связующая роль Центральной Евразии в отношениях глобального Запада и глобального Востока выражается в концепции «коннективности», взаимосвязанности и взаимозависимости различных обществ, народов, культур, которые складываются на этой территории вследствие ее особого географического положения между Европой и Азией. В историографии «коннективный поворот» (*Connective turn*) выделяется как органичная часть «коммуникативного поворота» (*Communicative turn*), поэтому коммуникативный дискурс является важнейшим для изучения евразийских коммуникаций. Как раз в рамках этого «коннективного поворота» под эгидой «Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии» в феврале 2019 г. в Ташкенте была проведена масштабная международная конференция «Взаимосвя-

занность в Центральной Азии: вызовы и новые возможности» (*Central Asian Connectivity: Challenges and New Opportunities*). Коннективность в Центральной Евразии подразумевает в первую очередь восстановление исторических связей, в том числе торговых и транспортных, в том числе сквозных, которые бы соединили Европейский Союз с активно развивающимися странами Востока — Китаем, Индией, здесь без посредничества Евразийского экономического союза и стран Центральной Евразии не обойтись¹. Кроме того, само трансграничное сотрудничество должно стимулировать развитие на обширных внутренних районах Евразии.

Следуя концепции Хартленда (*Heartland*) Х.Дж. Маккиндера, обнародованной в самом начале XX в., еще до Первой мировой войны, политологи часто называют Центральную Евразию «сердцевинной землей». В поисках «географической оси истории» Маккиндер определял «сердцевинную землю» в пределах центральной части Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа — Аравия — Индокитай, т.е. вся Юго-Восточная Азия, но без Океании) и периферийная дуга (Северная и Южная Америка — Африка — Океания)². Сегодня понятие Хартленда успешно прижилось и в других областях научного знания, в том числе вне связи со специфической геополитической коннотацией Маккиндера³.

В концепции евразийцев (Г.В. Вернадского, Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева и др.) Евразия понимается как особое географическое и историко-культурное пространство, а не просто место соединения Европы и Азии. Отделяя этот мир как от Европы, так и от Азии, Г.В. Вернадский, по существу, предлагал расширительное толкование Центральной Евразии, которая совпадала у него с территорией Российской империи, сферами ее влияния и землями, на которые империя имела

¹ Connectivity in Central Asia. Reconnecting the Silk Road // European Parliament. [Электронный ресурс] // URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637891/EPRS_BRI\(2019\)637891_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637891/EPRS_BRI(2019)637891_EN.pdf)

² Mackinder, Halford J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. P. 421–437.

³ См.: Martínez-Cruz, Begoña, and Renaud Vitalis, Laure Segurel, Frédéric Austerlitz. In the Heartland of Eurasia: The Multilocus Genetic Landscape of Central Asian Populations // European Journal of Human Genetics. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 216–223.

виды. В более детальных описаниях это территория культурного синтеза «славянских и туранских» (или монгольско-тюркских) народов, Срединный Материк, расположенный между западной Евразией и восточной Евразией, иначе говоря, между западноевропейской цивилизацией (*Pax Romana*) и «китайским миром» (*Pax Sinica*).

Противопоставление Европы и Азии как частей света самого большого в мире континента, Востока как места восхода солнца (как раз именно это значение и фиксируется в этимологиях «пограничных» восточных топонимов: Хорасана, Хорезма, Анатолии и др.) и Запада как места захода солнца во многом исторично и культурно обусловлено. Это также результат разделительных концепций, в реальности евразийский континент в физико-географическом смысле представляет собой единое целое. В разные эпохи граница между Востоком и Западом определялась по-разному. Завоевания Александра Македонского в IV в. до н.э. раздвинули в сторону Востока вплоть до Бактрии пределы греческого культурного влияния. Византия успешно реализовывала проект православной евразийской державы, создав уникальное евразийское пространство для обмена и коммуникации. Завоевание Константинополя турками в 1453 г. привело к включению в состав Османской империи ряда европейских народов и ее претензиям на особую и непосредственную связь с богатейшим историко-культурным наследием Византийской империи (по принципу территориальной преемственности). На основе духовной преемственности на то же самое претендовала и Россия (концепция «Москва — третий Рим»). Сегодня Россия и Турция являются самыми крупными по территории и ресурсам евразийскими странами, но Россия при этом не только имеет самые протяженные границы в Центральной Евразии, но и является ключевой страной в регионе.

В западной научной литературе определение «Центральная Евразия», подчеркивающее особую связующую роль «сердцевинной земли» Евразии, одним из первых предложил Д. Синор в 1969 г. в своей работе «Внутренняя Азия: История — Цивили-

зация — Языки»¹. Естественно, сразу возникает вопрос о соотношении этого понятия с гораздо более признанными определениями Центральной Азии, Средней Азии, Внутренней Азии и даже Верхней Азии. Под Центральной Азией обычно понимается западная, исламская часть Внутренней Азии: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан, причем Афганистан иногда также включается в этот ряд. В дореволюционной российской и по традиции советской историографии Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан объединялись под собирательным названием Средней Азии.

М. Россابي высказал мнение, что недостатком общепризнанного термина «Внутренняя Азия», внешние контуры которого довольно подвижны и нестабильны, является отсутствие для него понятной дихотомии в виде «Внешней Азии»². В истории евразийских коммуникаций Внутренняя Азия рассматривается как восточная часть Центральной Азии, соответственно, и Центральной Евразии. Помимо Монголии, в его состав включаются не только такие сопредельные ей территории, как Алтай, Бурятия и Тува, но и Восточный Туркестан (Синьцзян), Внутренняя Монголия, Тибет и Маньчжурия, завоеванные Китаем и ставшие частью *Rex Sinica*. Верхней Азией обычно называются Монголия и Тибет, но в это определение могут быть включены также Тянь-Шань, Памир и даже Гималаи³. С. Сучек определяет пределы Внутренней Азии в узком смысле пятью постсоветскими странами Центральной Азии (историческим Мавераннахром), а также Монголией и Синьцзяном, а в широком смысле — добавляет к ним такие субъекты РФ, как Татарстан, Башкортостан, Калмыкию, Горный Алтай, Туву, Бурятию и Якутию, а также Внутреннюю Монголию (Китай)⁴. The Routledge Atlas of Central Eurasian Affairs присоединяет к Синьцзяну и Тибету еще одну западную область Китая — Цинхай, которую исторически

¹ Sinor, Denis. Inner Asia: History — Civilization — Languages: a Syllabus. Bloomington: Indiana University Press, 1969. P. 4.

² Rossabi, Morris. China and Inner Asia: from 1368 to the present day. Flossmoor, IL: Pica Press, 1975. P. 10.

³ Sinor, Denis. Introduction: The Concept of Inner Asia // The Cambridge History of Early Inner Asia. Ed. by Denis Sinor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 3; Soucek, Svat. A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 2.

⁴ Soucek, Svat. A History of Inner Asia. P. x–Xii.

заселяли сяньби-монголы (монгоры), тумат-монголы и позже т.н. «кукунорские монголы»¹.

Западная часть Центральной Евразии, которая охватывает Урал, Поволжье вплоть до Калмыкии, а также весь Кавказ, может быть доведена до Крыма, с которой связана история Крымского ханства, а северо-восточная — до Западной Сибири, где в свое время сформировалось Сибирское ханство. Если начать с истории скифов, сарматов, савроматов, алан, гуннов, авар, савилов, тюркютов и перейти от них к Хазарскому каганату, который был завоеван Древнерусским государством, и Золотой Орде, с середины XIII в. вплоть до XV в. включившей в сферу своего влияния большую часть разрозненных русских земель, не говоря уже о постоянных столкновениях русов с половцами и печенегами, то евразийское понимание Срединного Материка как особого историко-культурного пространства между западноевропейской и китайской цивилизациями представляется, по крайней мере, вполне оправданным.

В отечественной историографии Казахстан традиционно отделялся от Средней Азии, а Дагестан — от Северного Кавказа, поскольку в Российской империи Дагестанская область, включавшая в себя и северную часть Азербайджана, прежде всего Кубинское ханство, географически находился на Восточном Кавказе. В западной историографии в понятие Центральной Азии нередко включается весь Кавказ — это некорректно хотя бы потому, что Северный Кавказ географически относится к Восточной Европе, так же как Поволжье и западная часть Урала: согласно большинству авторитетных источников (Большой Российской энциклопедии, CIA Factbook, Всемирному атласу National Geographic и др.), граница между Европой и Азией определяется по Уралу и Большому Кавказскому хребту².

В новейших разработках темы исследователи различают Большую Центральную Азию (ЦА + Афганистан и Монголия) и Большую Центральную Евразию, в состав которой включают все постсоветские, включая прибалтийские + все восточно-

¹ Brun, Stanley D., and Stanley W. Toops, Richard Gilbreath. The Routledge Atlas of Central Eurasian Affairs. London — New York: Routledge, 2012. P. 117–118.

² См., например: National Geographic Atlas of the World. 7th Ed. Washington, DC: National Geographic, 1999. P. 68–69, 90–91.

европейские государства + Большая Центральная Азия¹. Такая интерпретация мало отличается от концепции Срединного Материка евразийцев. Очевидно, в расширительном толковании понимает Центральную Евразию и Б. Резвани, когда относит к ней и Иран, который является одновременно и частью Среднего Востока².

В рамках настоящего коллективного исследования Центральная Евразия не совпадает полностью с Внутренней Азией, поскольку население в самой Монголии, Тибете и тем более Цинхае и Маньчжурии³, в целом в гораздо большей степени сохраняет аутентичность своей культуры, чем смешивает ее с основными евразийскими культурами (здесь не учитываются общие для всего мира процессы вестернизации). В составе этого региона мы видим Синьцзян как неразрывную в историко-культурном отношении часть Туркестана, Северный Афганистан, в котором живут родственные для ЦА народы, северные области Ирана, заселенные иранскими азербайджанцами, часть Турции, в которой прежде обитало армянское население. Это деление совершенно не политическое, а историко-культурное, основанное на исторической и культурной общности народов, исторической памяти и исторических коммуникациях. Безусловно, точка зрения наблюдателя почти всегда зависит от точки его сидения, поэтому мы допускаем, что наблюдения из других точек могут добавить своего понимания этого макрорегиона.

В любом случае для изучения широкой проблематики культурно-сложных обществ в рамках истории евразийских коммуникаций Центральная Евразия представляется одним из важнейших регионов на континенте. Это не просто стык

¹ *Ismailov, Eldar & Papava, Vladimer* (2010). Rethinking Central Eurasia. 10.2139/ssrn.2196485. [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/256044062_Rethinking_Central_Eurasia.

² *Rezvani, Babak*. Conflict and Peace in Central Eurasia: Towards Explanations and Understandings. Leiden — Boston: Brill, 2014. P. vii.

³ В некоторых исследованиях столицей Внутренней Азии называется Чэндэ. В 1703 г. цинский император Канси выбрал это место для своей летней резиденции, здесь же основал полевой лагерь маньчжурских войск. См.: Chengde as Inner Asian capital // *New Qing Imperial History: The Making of Inner Asian Empire at Qing Chengde*. Ed. by James A. Millward, Ruth W. Dunnell, Mark C. Elliott, Philippe Forêt. London: Routledge, 2004. P. 13–52.

Европы и Азии, а место слияния, симбиоза культур, сформировавших особую культуру диалога — уважительного и действительно понимающего «Другого». Это в самом деле территория межкультурных коммуникаций России с Центральной Азией и Южным Кавказом, порождающая новые — евразийские — архетипы сознания, особые смыслы и значения. На этой территории «Другой» никогда не станет в полном смысле этого слова «Чужим», поскольку еще совсем недавно он был «Своим» — соотечественником. Это также пространство согласованных рациональных и конструктивных действий и маневров, направленных на модернизацию и развитие экономики и социальной сферы, взаимно дополняющих экономические и человеческие потенциалы, возможности и ресурсы для обеспечения стратегической безопасности, устойчивости и стабильности, а также высокой конкурентоспособности на мировом рынке.

ГЛАВА I

КОММУНИКАЦИЯ ИДЕЙ: ЕВРАЗИЙСКИЕ ИДЕАЛЫ, КОНЦЕПЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Коммуникация идей на обширных культурно разнородных территориях Российской империи, СССР, стран СНГ, наконец, Евразийского Экономического Союза рассматривается в контексте идеологии евразийства и евразийской интеграции. На современном этапе принципиально важны векторы национальной политики этих стран, а также связанные с ними задачи дальнейшего углубления и развития интеграционных процессов, исходя из прагматических интересов экономического развития, с учетом общих исторических, культурных и гуманитарных ценностей Центральной Евразии в ее широком понимании.

В воззрениях евразийцев первой половины XX века из числа российской эмиграции после Октябрьской революции 1917 г. в России отразились взгляды на историю и будущее России как содружества, прежде всего восточнославянских и степных народов — тюркских и монгольских. Этот дискурс позволяет перейти к анализу особенностей коммуникаций кочевых и оседло-земледельческих обществ.

В господствующих нарративах Центральной Евразии на примере стран Южного Кавказа описана чрезвычайно актуальная проблема конструирования собственной истории путем присвоения или отторжения чуждого культурного или исторического наследия. Это достаточно типичный дискурс размежевания «Своего» от «Чужого», характерный для периодов архаизации обществ, а не их модернизации, которая, напротив, требует от личности как субъекта социального действия большего понимания «Другого», взаимодействия с ним, конструктивного обмена и коммуникации.

А.Ш. Кадырбаев

§ 1. Россия и тюрко-монгольские народы в евразийских концепциях

Концепция евразийства возникла между двумя мировыми войнами в среде российской эмиграции на Западе, после Октябрьской революции 1917 г. Первыми объектами внимания евразийцев были почти совершившийся в 1918–1919 гг. распад Российской империи, а затем воссоздание этого государства под новым названием Союз Советских Социалистических Республик. Однако, по мнению евразийцев, воссоздание было проведено большевиками на основе их ложной коммунистической идеологии, а потому будет недолговечным. Исходя из данной посылки, они ставили перед собой задачу осознать и обосновать историческое единство огромных пространств, получивших тогда название СССР. Им казалось важным подчеркнуть основную идею защищаемого ими исторического единства — органического соединения Востока и Запада, Азии и Европы — «Евразии». Для евразийцев терминологическое определение «Евразия» было началом разносторонних (исторических, географических, этнографических, культурных, экономических) исследований евразийского единства¹.

¹ *Вилента И.В.* Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вестник Московского Университета. Серия 8: «История». 1988. № 1. С. 27–40.

В годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны в России и на территориях стран и народов, ранее входивших в состав Российской империи, евразийцы обнаружили слабость старых российских традиций, хрупкость казавшихся вековыми устоев. Идеолог российского евразийства Н.С. Трубецкой писал: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “русской культурой”. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось, и многие задумывались над причинами этого явления»¹.

Поэтому евразийцы выдвинули как основополагающую идею — концепцию «России — Евразии», объясняя историческую ситуацию России быть Евразией — целостным единением многих народов, но в первую очередь — славянских и тюркских, населяющих ее «степи и леса». Выразитель евразийских идей П.Н. Савицкий указывал на резкое отличие истории России от истории стран Западной Европы и призывал освободиться от европоцентризма в сознании и противопоставить культуре стран Запада культуру народов России. Евразия, по мысли П.Н. Савицкого, как самодостаточный культурно-исторический мир объединяет славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские, монгольские, иранские и другие народы. Евразия является областью равноправия и братства народов, не имеющих аналога в межнациональных соотношениях колониальных империй Запада. А евразийскую культуру можно представить себе в виде культуры, являющейся в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии.

Таким образом, именно П.Н. Савицкому принадлежит авторство в применении термина «Евразия» и его обоснование². Самой постановке вопроса «Россия — Евразия», объяснению предназначения России быть Евразией принадлежит важное место в исторических теориях евразийцев, основателей концепции евразийства.

«Становым хребтом истории Евразии» названа евразийцами в их коллективном труде «Евразийство» степная зона, тянущаяся от устьев Дуная до Тихого океана и населенная пре-

¹ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920. С. 4

² Савицкий П.Н. Европа и Евразия. Русская мысль. София, 1921, вып.1. С. 127, 135.; Он же. Евразийская концепция русской истории. Государственный архив Российской Федерации, ф.5783, оп.1, ед.хр.28, л.2

имущественно тюркскими и, отчасти монгольскими народами, львиную долю которой занимают Казахские степи¹.

Евразийцы настаивали на особом значении Евразии, указывая на ее пространственные масштабы и географическую природу. В связи с этим они обосновывали ключевое влияние географических и социальных факторов на образование централизованного Российского государства. Учитывая то, что Русь располагалась в основном в лесной зоне и ей постоянно приходилось иметь дело с тюркскими народами степи, евразийцы положили в основу деления на периоды истории России «соотношение между лесом и степью» или восточнославянским и тюркским миром. По этому принципу российская история делится на пять периодов.

Первый период — с древности до 972 г. — можно, вероятно, охарактеризовать как попытку объединения леса и степи. Во время этого периода славяне и тюрки впервые выходят на историческую арену, причем, как свидетельствуют византийские источники, это происходит почти в одно и то же время. Так, византийский хронист Менаандр сообщает в 579 г. о «важнейших князьях склавинского (славянского. — *Авт.*) народа»². А с тюрками, впервые упоминаемыми в китайских хрониках в 542 г. и в 551 г. создавшими степную империю — Тюркский каганат от Кореи до Черного моря с центром на Тянь-Шане, Византия уже в 567 г. обменивалась посольствами. С этого времени славяне и тюрки сражаются против общего врага — Византии. В 907 г. князь Древней Руси Олег «прибывает свой щит к вратам Царьграда», как в древнерусских летописях называлась столица Византии Константинополь, ныне Стамбул. В княжение его сына Игоря в 941 и 944 гг., а затем и при его внуке князе Святославе, восточные славяне совершают походы на Византию. В свою очередь, тюрки уже в IX в. сражаются с византийцами в Малой Азии, а в X в. волны тюркских кочевников до основания сотрясают «Второй Рим», ставя под вопрос само существование Византии. Тюркские племена печенегов, огузов с северо-запада из причерноморских степей и сельджуков с востока, тревожили

¹ Савицкий П.Н. Евразийство. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. Антология, М., 1993. С. 100–101, 135.

² Менаандр. История. «Вестник древней истории». 1941. № 1. С. 247.

Византию. Казалось, из степей Центральной Азии, прародины упомянутых тюркских степных народов, из коренных огузских степей Приаралья протянулись две огромные клешни: на севере печенеги и на востоке — сельджуки, которые грозили, сомкнувшись с восточными славянами раздавить Византию.

Это и произошло в 965 г. с союзником Византии — тюркским Хазарским каганатом в Нижнем Поволжье, чья правящая верхушка приняла иудаизм, подданными которого вместе со степными тюрками-хазарами, горскими народами Северного Кавказа была и часть восточнославянских племен, когда обитавшие в прикаспийских степях, где ныне Казахстан, тюрки-огузы (торки древнерусских летописей) в союзе с Древней Русью при правлении князя Святослава сокрушили Хазарское государство¹

Второй период начинается с 972 г. и длится до нашествия монгольского Бату-хана, Батия древнерусских летописей — внука Чингисхана на Русь в 1237 г. Он характеризуется борьбой леса и степи, когда Русь испытала натиск тюркских степных народов — печенегов, половцев древнерусских летописей (кыпчаков мусульманских источников, команов европейских и византийских хроник, цзиньча китайских династийных историй), что нашло отражение как в древнерусских летописях, так и в бессмертном творении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Войны древнерусских князей с половцами, как и с их тюркскими предшественниками, сменялись союзами с ними, участием древнерусских князей и половецких ханов в междоусобицах друг друга, династийными браками. Примером последних может служить родословная основавшего в 1147 г. Москву князя Юрия Долгорукого, чья жена была половецкой. В 1223 г. половцы выступили в поход на монголов в составе объединенного войска древнерусских княжеств и вместе с ними испытывали горечь поражения на реке Калке².

Третий период длился с 1238 до 1452 г. — года основания Касимовского ханства в составе Российского государства и олицетворяет победу степи над лесом, когда после монголь-

¹ Федоров-Давыдов Г.Ф. Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 47–48; Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 70–90.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 45, 118, 126, 191.

ского завоевания Руси и создания империи Золотая Орда, 250 лет повелевавшей древнерусскими землями, в которой тюркские степняки со временем растворили в своей среде монгольских завоевателей-пришельцев и унаследовали их традиции государственности, восточные славяне и тюркские степные народы разделили общую историческую судьбу, развиваясь в единой системе связей, что сближало их и при всех ужасах ордынского владычества приводило к взаимообогащению их культур, определяя во многом сходство их жизненного уклада и духовных ценностей. По мнению евразийцев, объединение русских земель в единое государство произошло в эпоху Золотой Орды и осуществлено это было не «русскими славянами, а монголо-туранцами (монголами и тюрками. — *Авт.*)»¹. Н.С. Трубецкой считал, что подлинное начало России как великого государства было положено не славянами и не варягами — выходцами из Скандинавии, сформировавшими первые древнерусские правящие княжеские династии в Киевской Руси, а степными народами — тюрками и монголами. Евразийцы опровергали распространенное мнение о том, что, оказавшись в составе Золотой Орды, Русь остановилась в своем развитии. По их мнению, были радикально изменены пути этого развития и в итоге они привели страну к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в будущей евразийской державе, каковой и стала Россия. Поэтому евразийцы положительно оценивали период, когда Русь находилась в составе Золотой Орды: «Правда, сначала северо-восточная Русь была в этой (золотоордынской. — *Авт.*) системе вассалом. Но, как известно, к концу XIV в. Русь в лице Московского государства с полной несомненностью стала решающей силой в великом состязании “царств-наследников” Золотой Орды»².

Четвертый период — 1452–1696 гг. (от возвышения Москвы и падения Золотой Орды до взятия Петром Великим города Азова, тогда османской крепости) — время побед леса над степью, когда «Русский Север» наступает на монголо-турецкий (монголо-тюркский. — *Авт.*) Восток: завоевание Ка-

¹Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993. С. 59.

²Там же. С. 95.

занского, Астраханского, Сибирского на Тоболе ханств, поглощение башкирских владений и Ногайской Орды, а позднее, в XVIII–XIX вв., и Казахских жузов, Крымского ханства, ханств Средней Азии — Хивинского, Кокандского, Бухарского, благодаря чему постепенно из Великого княжества Московского образуется великая евразийская держава — Российская империя, включившая в свой состав земли своей предшественницы — Золотой Орды, от которой она многое унаследовала. Например, наследие Золотой Орды в области государственной организации стало прообразом в первую очередь российской имперской государственности, где по ордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий. До конца XVII в. русские цари вели переписку с мусульманскими государями с использованием стиля и формул, свойственных парадно-канцелярскому производству Золотой Орды, а в дальнейшем Крымского ханства. Направлявшиеся правителям мусульманских стран грамоты украшались, во всяком случае, до начала XVIII в., не заимствованным у Византии изображением двуглавого орла как герба России, а особого геральдического знака — тугры, взятой с грамот крымских ханов, с которыми у московских государей была активная переписка. Правители России привычно и органично использовали мусульманскую символику, не воспринимая ее как нечто чуждое. Иначе чем объяснить, что тугра первых Романовых не только была хорошо известна тюркским правителям Бахчисарая и Стамбула, империи Великих Моголов в Индии, но и украшала документы выезжавших на Восток российских купцов. Заметно было золотоордынское и более раннее тюркское влияние на русский язык, что нашло свое отражение в современном русском языке, где пятая-шестая часть словарного запаса — тюркского происхождения¹.

Золотоордынское наследие проявилось в относительной веротерпимости и в обыкновении не ассимилировать новые, включавшиеся в состав Российской империи территории, не изменять жизнь, религию и язык присоединенных народов, хотя

¹ Ланда Р.Г. Тюркская знать (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. Acta-Eurasica. 1998. №1–2(4–5). С. 101–112.

и были заметные отклонения от этих принципов в отдельные периоды истории России. Помимо этого, Русь была вовлечена в находящуюся на более высоком уровне финансовую систему Золотой Орды и унаследовала от нее ямскую систему путей сообщения и сеть почтовых организаций¹.

Трудно переоценить роль в истории России тюркской служилой знати, переходившей в православие, сформировавшую заметную часть российского высшего общества, хотя нередко и сохранявшей мусульманскую веру, что не мешало ей преданно служить русскому престолу, и выходцы из которой становились не только номинальными русскими царями, как тюркские князья Петр Ибрагимович и Симеон Бекбулатович, марионетки в руках первого русского царя Ивана IV Грозного, чья мать Елена Глинская принадлежала к знатному роду потомков выходцев из Золотой Орды, но и подлинными властителями России, как потомок ордынца Чет-мурзы царь Борис Годунов,² «татарин, нехристь», — как писал о нем А.С. Пушкин. Хотя и роль Симеона Бекбулатовича, его краткое пребывание на русском троне, вероятно, не столь однозначны, как было сказано выше, поскольку он был Чингисидом, статус которых как представителей династии, в свое время правящей в Золотой Орде и постордынских государствах, был высок и в России XVI в. Тем более в правление Ивана Грозного судьба российской государственности оказалась под вопросом из-за войн с Крымским ханством, где правили Чингисиды — ханы Гирей, поэтому временное пребывание на русском троне Симеона Бекбулатовича в силу указанных обстоятельств, видимо, не случайно.

Пятый период — «распространение Российского государства до естественных пределов Евразии» (1696–1917 гг.) — объединение леса и степи в «отношении хозяйственно-колониационном». Социальное и политическое развитие евразийской общности определялось борьбой между «лесом» и «степью», где «лес» постепенно брал верх. Однако эта борьба выявила значение тюркских кочевых народов в создании политической, материальной и духовной цивилизации, которая органически охватывала всю территорию Евразии.

¹ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927. Ч. 1. С. 8.

² Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1985. С. 145.

Евразийцы стремились связать изучение географического фактора с постановкой исторических проблем, что им в полной мере удалось. Согласно евразийской точке зрения, большие евразийские территории, содержащие в себе колоссальные природные богатства, диктуют необходимость контроля, что неизбежно приводило к жестко централизованной системе управления.

Таким образом, вполне правомерно, что евразийцы начали переосмысливать роль восточных, прежде всего тюркских кочевых, народов в истории России. Их заслуга состоит не только в том, что они включали тюркский степной мир в ее историю, но и в том, что посмотрели на саму эту историю не с Запада, глазами европейцев с позиции европоцентризма, а как бы из другого мира — тюркского, степного, азиатского. Это обогатило российскую науку, позволило осознать некоторые стороны русского исторического процесса, в частности, взаимоотношений России с тюркскими культурами. В связи с этим приверженцы российской концепции евразийства придавали большое значение географическому фактору, особенно огромным степным пространствам Евразии (где прародина всех, а не только степных, тюркских народов, несмотря на современные места их обитания) на формирование русского национального характера. Именно в степной, а не в «лесной» или «речной» зоне, подобно тому, как это было и у тюркских степных народов, по мнению евразийцев, вырабатывались формы владения, мышления и психологии, не свойственные другим культурам. В русском национальном типе можно обнаружить азиатские мотивы поведения: массовость и довольно часто иррациональность политических акций, наблюдаемые до сегодняшнего дня. Богатство природы и обширность территории повлияли на национальный характер русских, которым свойственны поистине материковый размах (русская широта), осознание органической связи общественной жизни с природной, взгляд на любые формы политической жизни как на нечто относительное. Формирование нации шло одновременно с образованием империи на огромных пространствах двух, и даже, какое-то время, трех материков, (до уступки Северо-Американским Соединенным Штатам Русской Америки в 1860-х гг.), что наложило свой отпечаток на ход российской истории.

Исторический миф о «собирании» земель предполагает, что единый народ якобы существовал как бы сам по себе, а затем объединился в едином государстве. На самом деле и на Руси, и в любой другой стране все происходило с точностью до наоборот. Государство, тем более имперского уровня, объединившее изначально под своей властью разнородные племена и общины, постепенно превращало их в единый народ.

Следовательно, российская концепция евразийства включает в себя ряд исходных позиций: о существовании особого континента Евразии с особыми природными условиями, климатом и ландшафтом; о месте, где развивается народ, как категории, отражающей синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет; об определенном типе менталитета и нравственности народа, обусловленного местом, где он развивается; об особых условиях жизни и мировоззрении, порождающих и особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

В евразийской концепции истории впервые в российской историографии поднимается проблема многонационального государства, что и поныне актуально, как для России, так и для стран тюркского мира, особенно Казахстана.

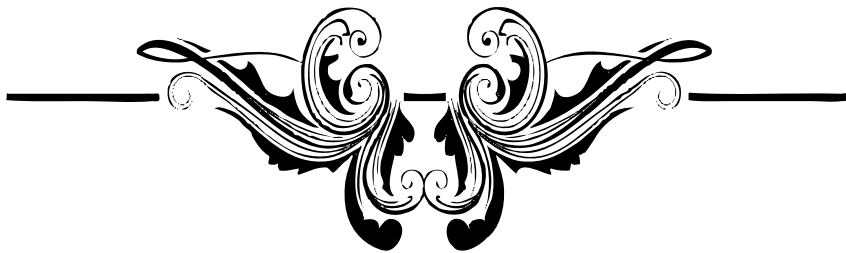
Последователи российской концепции евразийства выделяли туранский (тюркский) тип как оказывающий определяющее влияние на евразийскую культуру вплоть до эпохи Петра Великого. Главная черта психологии тюркских степных народов, по их мнению, стремление к экстенсивности, что обеспечивало относительную культурную устойчивость данному типу, создававшую условия для сбережения национального потенциала. В целом евразийцы положительно оценивали влияние туранцев (тюрков) на развитие русского национального менталитета и государственности и вместе с тем указывали — «мы не славяне и не туранцы (тюрки), хотя в ряду наших предков есть и те и другие, а — русские»¹.

Политическое и культурное развитие евразийских народов, в первую очередь славянских и тюркских, сроднившихся в те-

¹ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993. с. 59; Савицкий П.Н. Миграция культуры. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 4–7.

чение веков совместного проживания, при всех противоречиях в их непростых взаимоотношениях, обеспечивало им существование в рамках единого евразийского государства — России, название которого в разное время звучало по-разному — Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация. Поэтому «национальным субстратом» Российского государства «может быть только вся совокупность народов, населяющих государство, рассматриваемая как особая многонародная нация»¹.

¹ Трубецкой Н.С. Наследие Чингис-хана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока). М.: Эксмо, 2007; Трубецкой Н.С. Общероссийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 95; Савицкий П.Н. — Гумилеву Л.Н. от 13 февраля 1963 г. // Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 535; Евразийство. Опыт систематического изложения. Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1972. С. 374, 381.

А.К. Аликберов

**§ 2. Роль «русского мусульманства»
в социокультурном пространстве
евразийских коммуникаций**

Понятие «русское мусульманство» впервые было введено в общественно-политический лексикон русского языка одним из основоположников джадидизма Исмаилом Гаспринским¹, оказавшим огромное влияние на прогрессивное развитие исламской мысли на всей территории Российской империи². С тех пор это понятие нередко использовалось в языке социального описания общественно-политических процессов в мусульманских обществах Евразии, но с особой коннотацией, сохранившейся от джадидизма, — обновленческого движения российского ислама в конце XIX — начале XX вв. Утверждение самого понятия «русский ислам» в отечественной и мировой историографии во многом связано с публикацией одноименной монографии, написанной нами совместно с В.О. Бобровниковым, А.К. Бустановым и М. Кемпером³.

¹Гаспринский И. «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина». Симферополь: Тип. Спиро, 1881.

²Абдирашидов З. Исмаил Гаспринский и Туркестан в начале XX века: связи — отношения — влияние. Ташкент: Akademnashr, 2011.

³Аликберов А.К., Бобовников В.О., Бустанов А.К., [Кемпер М.]. Российский ислам: Очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2018.

Первоначально под «русским мусульманством» в первую очередь подразумевались мусульманские народы, которые компактно жили на Кавказе, в Крыму, Урало-Поволжье, Туркестане и Степных областях, а также Западной Сибири и исповедовали т.н. традиционный ислам. Несмотря на географическую разбросанность этих народов друг от друга, их объединяли общие границы империи, единое общественно-политическое пространство. Именно поэтому Исмаил Гаспринский отмечал общие и отличительные особенности традиционного ислама на этой территории, выделяющие его как особый историко-культурный феномен. Выдающийся просветитель характеризовал этот феномен, прежде всего как духовную целостность мусульманских народов Евразии, обусловленную общностью их исторических судеб. Важнейшим условием этой общности он считал распространение и повседневное использование мусульманами русского языка, объединяющего различные народы империи вокруг русского народа и позволяющего им понимать друг друга.

Методология исследования: системно-коммуникативный подход к изучению российского ислама

Будучи целостной религиозной системой, ислам, как и другие монотеистические религии, является важнейшим фактором консолидации и интеграции локальных обществ, а также их дезинтеграции и деформации, иначе говоря, общественный трансформации. В сравнительно-историческом измерении консолидация под исламскими лозунгами всегда была строго избирательной, поскольку затрагивала только мусульманские сообщества. Более того, этот процесс происходил, как правило, не сам по себе, а под действием внешнего влияния и внутренней потребности противостоять этому влиянию, которое со стороны консервативных сил мусульманских обществ признавалось разрушительным в религиозно-идеологическом смысле, но в еще большей степени — по политическим соображениям. Противопоставление мусульман немусульманам в

отдельных обществах на определенных исторических этапах было обусловлено прежде всего политической мотивацией мусульманских правителей, претендовавших на роль защитников ислама, особенно на окраинах мусульманского мира.

На различных этапах исторического развития роль и значение ислама в общественной эволюции менялись. При всей многозначности своей роли ислам стал важнейшим компонентом полиэтнических и поликонфессиональных обществ во многих регионах Российской империи. Это обстоятельство обусловило общий характер религиозного синкретизма на большей части империи, историко-культурное единство народов на этой обширной территории, основанное на соединении позитивного опыта взаимодействия православия и ислама с постепенным распространением русской культуры среди мусульман.

Как известно, компаративный метод, в том числе сравнительно-исторический, исходит из того, что при анализе конкретных обществ необходимо оперировать точным понятийным аппаратом, избегая семантически неопределенные собирательные понятия. К исламу это утверждение относится в полной мере, поскольку в реальной действительности приходится иметь дело не с исламом вообще, а с локальной формой его бытования, которая стала местной традицией. В связи с этим исследователи различают нормативный ислам, зафиксированный в основных принципах, основах, официальный ислам, распространяющийся от имени правителей или муфтиев, и региональные формы бытования, имеющие различия в пределах не только отдельных народов, но и даже родов (тейпов, тухумов и др.)¹.

С точки зрения коммуникаций в исламе как целостной религиозной системе нет четкого его разделения на официальный и неофициальный, религиозный и светский, нормативный и народный. Подобные разделения представляют собой исследовательские конструкторы, которые позволяющий выделять отдельные подсистемы многообразной религиозной практики ислама для дальнейшего выявления и анализа их внутренних связей и отношений. В реальной действительности религиозный компонент общественных процессов

¹Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. Т. 2. М.: Наука — Вост. лит-ра, 2016.

не существует сам по себе — он всегда и везде тесно взаимодействует с политическим, этническим, правовым, этическим и другими аспектами общественных процессов, имея в своей основе как интересы власти, так и материальные и духовные потребности обществ. Религия служит источником удовлетворения этих духовных потребностей, общественным регулятором и медиатором, и одновременно инструментом влияния власти на общество, и наоборот.

Предлагаемый методологический подход позволяет переосмыслить многие внутренние процессы в мусульманских обществах, в том числе дискуссии между джадидами, или джадидистами (от араб. джадид — «новый») и кадимистами (от араб. кадим — «старый»), а также деполитизировать понятие «русского мусульманства», которое в наше время также представляется в его буквальном смысле как сообщество этнических русских, принявших ислам. Общепринятый не только среди этнологов, но и социологов фактор множественной и многоступенчатой идентичности, если его рассматривать через призму принципа историзма, позволяет избавиться от упрощенного черно-белого восприятия истории, множества несправедливых ярлыков и стереотипов, которые осложняют практическое использование ценного евразийского опыта для решения сегодняшних задач. В некоторой степени это относится и к характеристике И. Гаспринского как панкюркиста, несмотря на то что идею этнической (тюркской) и религиозной (исламской) солидарности он подчинял идее гражданского, т.е. политического единства.

Заявленная тема имеет непосредственное отношение к реальному содержанию такого уникального феномена России и постсоветского пространства, как традиционный ислам — феномена не столько религиозного или этнического, сколько религиозно-политического. Такая характеристика традиционного ислама является ключевой и универсальной: она позволяет отсекают любые дискуссии, связанные с интерпретациями источников исламского вероучения, если они возникли за пределами этой традиции и/или противоречат ее духовным ценностям (религиозный аспект) и гражданским ориентирам (политический аспект). Для выявления природы «русского мусульманства» необходимо проследить историю

формирования и взаимодействия мусульманских сообществ на территории бывшей Российской империи, прежде всего в Центральной Азии, Урало-Поволжье и на Кавказе. Поэтому в данной статье найдет свое отражение прежде всего интегративная роль «традиционного ислама» в формировании общего евразийского наследия.

Степень изученности проблемы

Богатое этнокультурное наследие традиционного ислама на территории Евразии, называемого в экспертных кругах «русским мусульманством», изучалось достаточно детально, причем с разных сторон. Наиболее интересным является международный опыт изучения этого наследия, предпринятый в энциклопедическом словаре «Ислам на территории бывшей Российской империи» под руководством С.М. Прозорова. С 1998 г. опубликовано уже 5 выпусков этого продолжающегося научного издания, ведется работа над подготовкой 6-го выпуска. В 2006 г. вышел 1-й том этого издания¹. Зарубежная историография, как правило, больше предпочитает анализировать историю, чем наследие ислама в Центральной Евразии, используя колониальные и постколониальные дискурсы, бинарную оппозицию «империя — колонии» («империя — Восток»), с вытекающими отсюда «пограничными столкновениями» (*frontier encounters*), в том числе и с участием казаков². Евразийское наследие в таких исследованиях во многом рассматривается как культурное наследие русского колониализма, а его изучение — как разновидность ориентализма³. В отличие от отечественных подходов, этот междисциплинарный

¹ Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / сост., отв. ред. С.М.Прозоров. Т. I. М., 2006.

² См.: Muslim National Communism in the Soviet Union: a revolutionary strategy for the colonial world. Edited by Alexander Bennigsen and S. Enders Wimbush. Chicago, 1970; Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Ed. by Daniel Brower and Edward Azzerinini. Bloomington: Indiana University Press, 1997 и др.

³ См. дискуссию по этой теме в книге, подготовленной в научной серии Института востоковедения РАН: Ориентализм vs ориенталистика / сост. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М., 2015; См. также: Аликберов А.К. Исламский взгляд на западное исламоведение // *Ал-Вири М.* Изучение ислама на Западе. М., 2016. С. 6–21.

подход в достаточной мере не учитывает того, что исламская культура для народов России, Центральной Азии и Кавказа не является чуждой, и что она органично вписана в ткань как российского, так и евразийского культурного кода¹.

Механическое перенесение пусть даже хорошо зарекомендовавших себя методов изучения классического колониализма с его жестким противопоставлением метрополии и колоний на Россию в значительной мере затушевывает отличительные особенности русского колониализма, развивавшего вширь за счет включения в состав метрополии прилегающих к империи территорий. Народы на этих территориях становились подданными государя, гражданами страны, хотя и с разным статусом, оказывались в общей системе налогообложения и юрисдикции Российского государства, которая для большинства мусульманских народов была гораздо более прогрессивной. Аристократия этих народов получала равные права и включалась в состав дворянства империи, в соответствии с «Табелем о рангах». Оседлые мусульмане в правовом отношении приравнивались к русским тяглым сословиям — мещанам и государственным крестьянам. Общественно-политические и конфессиональные особенности новых владений на Кавказе и Закаспийской области учитывались в т.н. военно-народном управлении, о котором более подробно рассказывается в одной из статей настоящего сборника².

Изучению отдельных исторических аспектов темы и более широким обобщениям посвящены работы Д.Ю. Арапова, С.Н. Абашина, Т.В. Котюковой, А.Ю. Хабутдинова, Д.В. Мухетдинова, Д.З. Хайретдинова, Ф.А. Асадуллина, В.А. Ахмадуллина и др. Однако в современном актуальном преломлении, для использования этого опыта при выполнении практической задачи воссоздания отечественной богословской школы ислама тема «русского мусульманства» прежде не поднималась. Не изучалась также взаимосвязь традиционного ислама в России и на постсоветском пространстве с обновленческим движением суфизма, с одной стороны, и идеологией «Мухаммадова пути» — с другой.

¹ Подробнее об этом см.: Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию. М., 2016.

² Подробнее об этом см. статью В.О. Бобровникова.

Предыстория появления феномена «русского мусульманства»

Обычно отсчет истории ислама в России большинство мусульманских и светских ученых начинают с 644 г., когда, согласно ат-Табари, арабы впервые появились на территории современной России. В 735 г. Маслама б. Мухаммад построил в Дербенте, одном из старейших российских городов, мечети, одна из которых, соборная, и поныне не только сохранилась, но и функционирует со дня основания с небольшими перерывами во время разрушений и восстановительных работ.

Не менее значимым событием для истории ислама в Урало-Поволжье исследователи признают факт принятия ислама ханом Алмушем в качестве государственной религии Волжской Булгарии в 922 г. Безусловно, это событие, как и основание Джума-мечети в Дербенте, имеет непосредственное отношение к истории российских народов, но с «русским мусульманством» может быть ассоциировано лишь опосредованно.

Еще одно событие, важное для формирования общего пространства евразийского культурного наследия, связано с принятием Узбек-ханом ислама в качестве государственной религии в Золотой Орде в 720 г. х, что соответствует 1320–21 г. христианского летоисчисления. Золотая Орда впервые в таких масштабах и географических пределах объединила территории Руси, Урало-Поволжья, Кавказа, Крыма, Западной Сибири, Хорезма, большей части современного Казахстана, создав благоприятные условия для формирования евразийского наследия, превзойдя Хазарию по степени интенсивности межплеменного и межкультурного взаимодействия. Однако не только и не столько эти события обусловили конкретное содержание традиций «русского мусульманства».

О природе т.н. «традиционного ислама» на постсоветском пространстве в современной историографии написано достаточно много работ. Обычно исследователи ссылаются на сочинения поздних джадидов, другие упоминают о дискуссиях этих джадидов с кадимистами (от араб. кадим — «старый»)¹. При этом мало кто

¹ Khalid, Adeeb. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, CA: University of California Press, 1998.

вспоминает об исламских (преимущественно суфийских по своему содержанию) традициях, которые восходят к раннему Средневековью, в качестве основного источника традиционного ислама. Именно тогда, в период существования Арабского халифата, формировались основы исламских традиций как в Центральной Азии, так на Кавказе. Духовные процессы, которые имели место в Арабском халифате, безусловно, влияли также на развитие ислама в политических образованиях региона. Не менее важным представляется развитие исламских традиций в Османской империи, в силу того огромного влияния которая эта империя показывала на народы на Кавказе, в Урало-Поволжье и Средней Азии.

Исламизация народов Центральной Азии и Кавказа происходила по-разному, но ее объединяет многое: во-первых, по времени она восходит к раннему этапу арабских завоеваний, т.е. VII–VIII вв.; во-вторых, первоначальная исламизация на окраинах мусульманского мира, в том числе в Центральной Азии и на Кавказе проходила в форме суфизма. Активная фаза исламизации Центральной Азии совпала с деятельностью сельджукского вазира ал-Кундури, поддерживавшего ханафитский мазхаб. На Кавказе процессы взаимодействия различных исламских школ и оживления духовных и религиозных контактов также усилились после того, как Кавказ стал частью эфемерного сельджукского государства. Произошло это только после сражения при Манцикерте в 1071 г. Однако к этому времени в сельджукской империи наступили другие времена: на место ханафита ал-Кундари пришел великий вазир Низам ал-Мулк, придерживавшийся шафи'итских взглядов, при том, что они оба были аш'аритами по своим богословским взглядам. Это обстоятельство обусловило тот факт, что утверждение ислама в Мавераннахре происходило преимущественно в ханафитской форме, а на Восточном Кавказе — в шафи'итской. Достаточно сказать, что здесь при поддержке Сельджукидов было создано два медресе университетского типа ан-Низамийя с отдельным государственным финансированием, в которых преподавалось мусульманское право именно шафи'итской школы¹.

¹ См.: Муджам ас-сафар ли-ш-шайх ал-хафиз Мухаммад б. Ахмад ал-Исбахани ас-Силафи. Багдад, 1978; Yacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford. Hrsg. von F. Wüstenfeld. I–IV. Lpz., 1866–1873. Подробнее см.: Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.

Роль ислама в формировании духовной основы общего евразийского наследия в этот ранний период (VII–XIII вв.) была значительной, наряду с иудаизмом и христианством. Часть Кавказа и Урало-Поволжья в этот период находилась в сфере влияния Хазарского каганата, на территории которого проживали представители разных народов — не только центральноазиатского и кавказского происхождения, но и северные, в том числе русы и славяне. Монотеистические религии играли в Хазарском каганате большую роль. Согласно источникам, правитель Шандана в пятницу молился с мусульманами, в субботу с иудеями, а в воскресенье — с христианами. Ибн Хаукал (вторая половина X в.), основываясь на сведениях более раннего ал-Истахри, сообщал, что Семендер, первую столицу Хазарии, «насеяли мусульмане и другие; они (мусульмане) имели в нем мечети, христиане — церкви, и евреи — синагоги»¹. Как и в Дербенте, мечеть в Семендере находилась рядом с храмом и синагогой. Ислам стал составной частью религиозного многообразия Хазарии, при том что правящая верхушка Хазарии, как известно, официально исповедовала иудаизм. Согласно ал-Мас'уди, ал-ларисийа, ядро хазарского войска, состояло из мусульман. Можно сказать, что хазарский период истории ислама предопределил особый характер традиционного ислама в России: после завоевания в XI в. князем Святославом территории Хазарии вошли в состав Древнерусского государства.

После падения Хазарии вплоть до монголов большое влияние на процессы исламизации Кавказа оказывало среднеазиатское государство Хорезмшахов, просуществовавшее в IX–XIII вв., а после XI в. — государство Сельджукидов. Монгольские завоевания в XIII в. политически разделили единое духовное пространство (единое в своем этнокультурном многообразии) мусульманской культуры. Кавказ стал частью государства Хулагуидов, а Центральная Азия вместе с большей частью русских земель вошли в состав Золотой Орды. После XIII в. процесс исламизации принял более интенсивный характер. Особо следует выделить деятельность двух наиболее важных для истории ислама монгольских правителей: хана Узбека в Золотой Орде и Газан-хана в государстве Хулагуидов.

¹ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII в. до конца X в. по Р.Х.) / собрал, перевел и объяснил А.Я. Гаркави. СПб., 1870. С. 220.

Немаловажным фактором, объясняющим формирование общего евразийского наследия после распада Золотой Орды, являются религиозные войны Сефевидов, которые они вели в XV–XVII вв. на Кавказе. За 300 с лишним лет этого религиозно-политического противостояния местные исламские традиции и духовное наследие во многом были утрачены. Описывая арабскую литературу на Северном Кавказе, акад. И.Ю. Крачковский пришел к выводу о том, что зарождение местной оригинальной литературы на арабском языке в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти в Кабарде и Черкессии связано лишь со второй волной арабского влияния, «медленно нараставшей с XVI в.», т.е. до этого времени на Северном Кавказе не было собственной литературы¹. При этом он ссылаясь на местную историческую традицию в лице Хасана Алкадари, который в XIX в. констатировал, что в Дагестане «со стороны правителей не было особой заботы о науке и школах, так как ни в одном селении или городе из многочисленных старинных книг нет заметных остатков, и в течение тысячи лет после хиджры нигде здесь не было собранной библиотеки. Даже выяснить, какие были ученые, получить о них письменный документ или достоверное предание стало предметом обследования. Из древних книг, встречающихся в местных школах и мечетях, видно лишь, что большинство их собрано и составлено в последние времена, главным образом в начале XII в. (XVIII в.), в эпоху корифея среди ученых — Хаджи Мухаммед эфенди ибн Мусы Кудутлинского»².

Высказывание Хасана Алкадари наглядно демонстрирует, что даже в Дагестане, обеспечивавшем мусульманскими богословами Северный Кавказ, была утрачена не только преемственность культурных традиций, восходящих к периоду классического ислама, но и даже память о корнях, питавших эти традиции. Это обстоятельство имеет для нашего исследования принципиально важное значение, поскольку оно касается такого сложного и противоречивого вопроса, как истоки «русского мусульманства» — исторические и духовные. Сегодня, когда выявлено множество сочинений более ранних авторов и неко-

¹ Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. VI. М. – Л., 1960. С. 612.

² Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан / пер. и коммент. Али Гасанова. Махачкала, 1929. С. 93.

торые из этих сочинений вводятся в научный оборот, возникает проблема их включения в ткань традиций «русского мусульманства». С одной стороны, это укореняет эти традиции, а с другой — создает сложности согласования смыслов средневековой религиозной аргументации с современным гуманистическим пониманием ислама как единства многообразия.

Начало формирования «русского мусульманства» и единой системы духовных управлений мусульман

Начало «русского мусульманства» положили события, связанные с расширением Российского государства и включением в него мусульманских владений: Казанского ханства в 1552 г., Астраханского ханства в 1566 г.; Крымского ханства в 1783 г. Начало освоение Сибири относится к 1581 г.; продолжительный процесс принятия казахским Средним жузом русского подданства восходит к 1731 г., а Младшим жузом — к 1787 г. В течение XIX в. почти вся Центральная Азия и Кавказ были присоединены к России — отчасти добровольно, отчасти насильственно. Проблема добровольного вхождения этих народов в состав России все еще остается одной из самых политизированных.

Мусульманские сообщества на территории империи жили в своих общинах, традиционный уклад жизни их менялся совсем незначительно. Новая административная система оказалась более современной и удобной по сравнению со старой системой феодальной власти. На смену деспотизму и самовластию местных правителей пришла новая административная система, которая, хотя и была значительно бюрократизированной, тем не менее давала больше свобод и возможностей. Достаточно отметить следующие факты: в России Коран впервые был издан Екатериной II на арабском языке не для изучения туземных народов, а для удовлетворения духовных потребностей мусульманского населения, прежде всего татарского; в Санкт-Петербурге и Москве появляются мечети, и ислам становится частью общероссийского городского ландшафта; русское правительство запрещало публиковать материалы, оскорбляющие религиозные чувства мусульман; изучение ислама в российских

университетах с самого начала проводилось с участием в том числе и мусульман — как по происхождению (например, Мирза Казем-Бек принял христианство), так и по вероисповеданию (профессор Шейх Тантави).

После присоединения к империи новых территорий с мусульманским населением там начались реформы, обусловившие изменение административного устройства, налогового законодательства, системы судопроизводства, образования и др. Изменился уклад жизни. Ислам не мог на это не отреагировать. Консервативная часть мусульман не принимала реформы, а мусульмане-рационалисты не только приняли, но и обосновывали их пользу для населения. И. Гаспринский даже соглашался с утверждениями о великой цивилизаторской миссии России на Востоке, но с особой оговоркой: «По доступным нам наблюдениям на обширном по времени и пространству поле деятельности русской власти мы усматриваем лишь одно хорошее деяние, достойное великой миссии, — это уничтожение рабства там, куда проникла эта власть». И далее — совсем удивительное явление, характеризующее условия появления «русского мусульманства»: «Странное дело, рабство уничтожалось русскими среди азиатов в то время, когда оно процветало еще в недрах коренной Руси».

Формирование нового организационного пространства ислама заключалось в установлении в России османского опыта управления религиозными организациями и движениями через систему муфтиятов — самоуправляющихся централизованных организаций, объединяющих мусульман на определенных территориях, через которые власть взаимодействовала с мусульманами. Система муфтиятов включала в себя все мечети и мусульманские общины на территории империи. Это было подобием синодального управления, но с исламской спецификой. Святейший правительственный синод был учрежден Петром I в качестве государственного органа церковного управления. В 1788 г. Екатерина II учредила с подобными целями Оренбургское мусульманское духовное управление для государственного взаимодействия мусульман. В его главе стоял верховный муфтий, который назначал имамов мечетей во всей империи. До 1817 г. верховный муфтий утверждался императором, пока эта практика не была отменена ввиду того, что муф-

тия должны выбирать сами мусульманские общины. По мере расширения империи новые области получали свои муфтияты. В результате на территории Российской империи сложился особый тип управления мусульманскими общинами, который хорошо описан в специальной литературе¹. Имперская система муфтиятов сохранила свою актуальность и в советский период, и даже после развала СССР и образования независимых государств. Сегодня в каждой стране СНГ существуют муфтияты, которые объединяют все мечети на своей территории; в России муфтиятов более 20. Единая организационная структура постсоветского ислама — один из интегральных элементов, обеспечивающих единство евразийского наследия традиционного ислама на всей этой территории.

Исламский традиционализм и традиционный ислам — далеко не одно и то же; более того, в Центральной Азии, на Кавказе и в Урало-Поволжье эти определения выступают в качестве антиподов, будучи по своему содержанию совершенно противоположными явлениями. Полемика между консерваторами, ратующими за сохранение традиции, неукоснительное следование религиозным авторитетам (*ат-таклид*) и недопущение новшеств в религии (*ал-бид'а фи-д-дин*), и реформаторами, готовыми развивать исламскую мысль, основываясь на рациональном толковании (*ат-та'вил*), существовала всегда, с тех самых пор, как ислам начал формироваться как религиозная система.

Соотношение 'адата и шари'ата, или народных и религиозных традиций (обрядов, ритуалов, праздников и др.) в каждом конкретном случае — один из важнейших показателей глубины исламизации того или иного общества, длительности и глубины происходивших в нем конфессиональных процессов. По указанной причине к идейным разногласиям внутри ислама нужно относиться как к естественному состоянию мусульманской религии, поскольку такие разногласия всегда имели место. Другой вопрос, что время от времени эти разногласия, основанные на противоречиях совершенно иного рода, обычно политического свойства, начинают резко усиливаться, представляя угрозу прежде всего для консолидации самих мусульман, но

¹ См.: Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004.

также и для их отношений с немусульманскими соседями.

Серьезные признаки раскола между народным исламом, допускающим различия, основанные на обычаях, и чрезмерно строгим фундаменталистским исламом, требующим неукоснительного и точного исполнения всех письменно зафиксированных в основных источниках (Коране, Сунне) норм религии, появлялись на разломах эпох и всегда были связаны с мощными внешними влияниями, вызывавшими диффузию в эволюционном развитии ислама. Так, они явственно обозначились в эпоху монгольских завоеваний, когда Арабский халифат был завоеван Хулагу-ханом, основавшим на этой территории государство Хулагуидов (Ибн Таймийя и его школа), затем — в XVIII в., когда основоположник ваххабитской идеологии Мухаммад б. ‘Абд ал-Ваххаб создал Саудовскую Аравию.

На евразийском пространстве эти споры оживлялись дважды — сначала после революции, в период Гражданской войны, а затем — уже в наше время, сразу после крушения СССР и bipolarного мира, в связи с наступившим после этих событий переустройством мирового порядка, начавшимся с мусульманского мира. Оба раза, как мы уже говорили, это был спор между условно «суфиями» и «ваххабитами»; условно — потому, что современные деструктивные идеологии, в том числе идеология так называемого исламского государства, связаны с официальной идеологией Саудовской Аравии только в своей основе. Во всем остальном это совершенно другая идеология.

Влияние обновленческого движения суфизма XVIII–XIX вв. на «русское мусульманство»

В самом общем виде традиционный ислам на постсоветском пространстве представляет собой обновленческое движение суфизма, приспособленное к сосуществованию в условиях политических и поликонфессиональных обществ, подчинённое при этом не только не мусульманской, но вообще не религиозной, то есть светской власти. Это суфизм суннитский, потому что суфизм в свое время развивался и в рамках шиизма; в религиозно-правовом отношении — ханафитский и шафиитский; в богословском отношении — ашаритский и муриридский.

Дж.С. Тримингэм писал, что возрождение ислама в Новое время связано с двумя важнейшими факторами: появлением на исторической сцене ваххабитского ислама и обновленческим движением суфизма¹. Ваххабитский ислам преобразовал Аравийский полуостров, привёл к созданию Саудовской Аравии. Трансформационный потенциал обновленческого движения суфизма оказался гораздо шире, вследствие объективных причин, прежде всего — широкого распространения суфизма по всему мусульманскому миру. Где-то это был народный ислам, имевший только структурную и организационную оболочку суфизма (например, на Северном Кавказе), а где-то — суфийские братства, которые в силу разных причин подверглись сильной политизации.

И в том и другом случае это была реакция мусульманских обществ на давление извне, поэтому такую реакцию можно назвать антиколониальной. Идеология братства ан-накшбандийа в России мобилизовала горцев под руководством имама Шамиля и других дагестанских имамов, которые выступили против русского царизма и включения этих территорий в состав Российской империи. Проблема заключается в том, что традиционные мусульманские общества перед лицом общественной трансформации, будучи консервативными по своей природе, выступили против каких бы то ни было изменений, опасаясь того, что эти изменения могут повлиять на характер и развитие ислама. В течение XIX века, в период от 1825 до 1864 г. и даже позже в Дагестане и Чечне было создано большое количество сочинений по суфизму, мусульманскому праву, основам вероучения. Большинство богословских трактатов представляло собой толкования известных суфийских сочинений предшествующего времени, однако были и оригинальные труды. Но во всех этих случаях за основу бралась традиция политизированного ислама в его суфийской форме: ан-накшбандийа, ас-санусийа, аш-шазилийа и др.

Под обновленческим движением Тримингэм имел ввиду прежде всего то обстоятельство, что суфийский ислам приспособился к потребностям мусульманских общин, которые находились под властью колонизаторов.

¹ Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.

Концепция «Мухаммадова пути»

Концепция «Мухаммадова пути» являются одной из важнейших для традиционного ислама на постсоветском пространстве. Эта концепция очень мало изучена, так же, как и роль объединительной исламской идеи, основанной на культе пророка Мухаммада. Речь идёт не только о своего рода экуменическом движении в исламе, которое отличается большой веротерпимостью и толерантностью к идейным разногласиям внутри ислама, в первую очередь между суннитами и шиитами. Одни исследователи называют его неосуфизмом, в то время как другие — обновленческим движением суфизма.

Изначально эта идея, возникшая в XVI в. в Османской империи, была призвана консолидировать всех мусульман, проживавших за пределами империи, главным образом на завоеванных землях, в численно преобладающем немусульманском окружении и принадлежавших к различным течениям и богословским школам. Мухаммад ал-Биргили в своем сочинении «Ат-Тарика ал-Мухаммадийа» обосновал возможность сближения двух основных направлений ислама, а именно — суннизма и шиизма, на основе суфизма. В то время суфизм, предлагая путь мистического, интуитивного познания Бога через постижение Его с помощью особых методов, был распространен как в суннизме, так и в шиизме. Ввиду этого суфийское знание, схематически обозначенное в виде триады шариат — тарикат — хакикат, было хорошо знакомо и распространено как среди суннитов, так и среди шиитов, хотя суфии и претендовали на название ахл-ас-сунна-ва-л-джама‘а — «людей сунны и согласия».

Собственно, события колониальной истории мусульманских народов в XVIII–XIX вв. потребовали еще большей консолидации идеологических разрозненных мусульманских общин, преимущественно суфийских, перед лицом колонизаторов. Эта объективная потребность обусловила радикальные реформы и изменения в суфизме, настолько радикальные, что характер этого суфизма сильно изменился. Сегодня теория неосуфизма, введенная исследователем Фазлуром Рахманом, полностью отвергнута, поскольку эти движения не отказывались от традиций раннего суфизма, а напротив, сохраняли с ними свою преемственность.

Братство ахмадийя, основанное Ахмадом б. Идрисом, изначально называлось «Ат-Тарика ал-Мухаммадийя». Движение *ас-санусийя*, основанное Мухаммадом ибн ас-Сануси, преемником Ахмада б. Идриса, продолжило эти же традиции. Идеология *ат-тиджанийя* также строится на концепции «Мухаммадова пути». В XVIII веке Ахмад ат-Тиджани стал одной из центральных фигур исламского реформаторства: он объединил культ Мухаммада с исламским мистицизмом и предложил опасную смесь политизированного ислама в суфийской форме и религиозного фанатизма. В XVIII–XIX вв. обновленческое движение освещало антиколониальную борьбу во всем мусульманском мире, в том числе на Кавказе. Однако растеряв со временем свой антиколониальный запал, по мере интеграции мусульманского населения в Российской империи, данное движение, тем не менее, сохранило свой консолидационный потенциал и редкую для исламского эксклюзивизма веротерпимость, толерантное отношение к различным религиозным течениям в исламе и даже другим религиям.

Влияние концепции «Мухаммадова пути» и ее видоизменной версии «Нур-и-Мухаммади» («Мухаммадова света») оказали большое влияние на обновление идеологии братства накшбандийя, кадирийя, шазилийя и др. еще до того, как они получили распространение на Кавказе и в Урало-Поволжье, а также Центральной Азии. В Российской империи происходит эволюция концепции «Мухаммадова пути», ее приспособление к повседневным нуждам мусульман. Конфронтационный потенциал этого обновленческого суфизма оказался востребованным только на Северном Кавказе, там, где опыт исторического взаимодействия между православием и исламом под русским протекторатом был минимальным. Спорадически возникавшие восстания, в том числе и хорошо известное, но малоизученное восстание северокавказских горцев 1877 г., а также контрреволюционное выступление имама Гоцинского в период Гражданской войны в Дагестане, были последними крупными актами использования данной идеологии против государства. В 1990 г. в период Чеченского конфликта некоторые суфийские братства попытались реанимировать идею газавата, однако сразу утонули в хоре осуждения со стороны других суфийских лидеров. Начиная с событий Гражданской войны идея *джихада* — «священ-

ной войны» с «неверными» (*кафирами*) постепенно уходит из арсенала суфиев к их оппонентам, представителям исламского фундаментализма (условно говоря, «ваххабитам»).

В суфийской триаде шариат представлял собой обычное общеисламское знание, отраженное в *фикхе* — мусульманском праве. *Тарикат* (букв. «путь») — представлял собой собственно суфийский путь, именно поэтому суфийские братства называются *тарикатами*. *Хакикат* (букв. «истина») — это результат мистического гносиса и успешного прохождения пути. Пройдя через все макамы — «стоянки», и испытав все мистические состояния — *ал-ахвал* — в результате мистик сливается с Богом и растворяется в Нем (*ал-фана'*), таким образом становится просветленным, «познавшим [Бога]» — (*ал-'ариф*). Некоторые из «познавших» научились сохранять это состояние, таким образом постоянно «пребывая» в Боге, и продолжать существовать, оставаясь в состоянии просветления (*ал-бака'*). Такие люди признаются совершенными, святыми (*ал-аулийа'*).

Концепция «Мухаммадова пути» идет еще дальше этой традиционной суфийской триады; она исходит из того, что высшей формой *ал-хакика*, третьего этапа суфийского знания, является *хакикат ал-Мухаммадийа*, стоящий над *хакикат* суфийских шейхов, потому что истина Пророка выше истины человека, пусть даже и «святого». Во-первых, Пророк есть образец «совершенного человека» (*ал-инсан ал-камил*); во-вторых, многие суфии верят, что человек создан из сгустка, а Пророк — из света Аллаха (*нур Аллах*). Безусловно, Мухаммад признается человеком, но не так, как обычные представители человечества. Как возглашал в своей *касиде* ал-Бусайри, «он [Мухаммад] является рубином, в то время как люди — [обычными] камнями». Ат-Тирмизи приводит хадис, который гласит, что «все пророки созданы из божественного света».

Культ пророка Мухаммада присутствовал и в движении имама Шамиля; он выразился не только в содержании многочисленных суфийских сочинений, созданных на Северном Кавказе, преимущественно в Дагестане, но и в поведении Шамиля, который подражал Пророку (красил бороду хной, писал письма на черенках и др.). Образцом суфийской литературы того времени служит Большая и Малая «Касиды *ат-Та'ийа*» (с общей рифмой на букву *та'*) Мухаммада ал-Йараги, духовного настав-

ника Шамиля, впервые объявившего *газават* и положившего начало продолжительной Кавказской войны. В этой суфийской *касиде* один раздел посвящен жизнеописанию пророка Мухаммаду, другой — его женам.

Интегративная роль исламской коммуникации в Российской империи

К концу XIX в. в мусульманских общинах Российской империи появляются мусульманские просветители, которые формируют общее духовное пространство ислама на всей территории империи на основе новых принципов, которые одни исследователи называют модернистскими¹, другие — либеральными², а третьи — реформистскими³. С одной стороны, они ощущают себя подданными российского государя, гражданами общего отечества, а с другой — представителями своего народа и мусульманами. Такая множественная идентичность характерна для большинства мусульман, но особенно ярко она выразилась в трудах мусульманских просветителей.

Все мусульмане империи назывались «русскими мусульманами»; ставились вопросы об их верноподданничестве в Российской империи; обсуждалась цивилизаторская роль России; изучались новые возможности, которые появились у «русского мусульманства» в его движении к образованности и прогрессу. Об этом лучше всего, пожалуй, пишет Исмаил Гаспринский: «Рождаясь и живя в России, под охраной и покровительством общегосударственных законов, неся, наравне со всеми, общие обязанности и повинности, русские мусульмане исполняют свой долг как верноподданные граждане России (здесь и далее имеются в виду мусульмане на территории всей Российской империи, а не только современной России. — А.А.). Но этого мало. Жела-

¹ См., например: Lazzarini E.J. Ismail Bey Gasprinskii (Gaspirali): the Discourse of Modernism and the Russians// Tatars of the Crimea. Their Struggle. Durham-London, 1988.

² Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. Симферополь, 2008.

³ Dudoignon S.A., Georgeon F. (Eds.) Le Réformisme Musulman en Asie Centrale. Du 'premier renouveau' à la Soviétisation 1788–1937" Cahiers du Monde Russe Vol. XXXVII (1–2) Jan-Jun 1996.

тельно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь приобретала все более и более нравственный характер; чтобы она неустанно укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу»¹.

Патриотический пафос не помешал И. Гаспринскому говорить о проблеме отчуждения в мусульманской среде, — проблеме, которая не потеряла своей актуальности и сегодня, несмотря на более чем вековой опыт совместного проживания в одной стране. В наше время эта проблема существует главным образом в среде мусульманских радикалов, которые ставят приоритеты религиозной консолидации выше приоритетов гражданского патриотизма. «Русское мусульманство не сознает, не чувствует интересов русского отечества, — сетовал Гаспринский, — ему почти неведомы его горе и радости, ему непонятны русские общегосударственные стремления, идеи. Незнание русской речи изолирует его от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры»².

Столь актуальными остаются и другие проблемы, выделенные Гаспринским, которые еще в XIX в. мешали объективному процессу «сближения мусульман с русскими и ознакомления их с Россией». Основным рецептом решения этих проблем называлось просвещение — как на русском языке, так и на языке мусульманских меньшинств.

Коммуникативное пространство «советского ислама»

Говоря о «советском исламе», мы имеем в виду следующие его особенности: после победы советской власти на всей территории СССР происходили общие процессы отхода от религии и

¹ Гаспринский И. Русское мусульманство. С. 8.

² Там же.

насаждения атеистической идеологии в сознании населения. Иначе говоря, происходило выхолащивание религиозного сознания. При этом, религиозная традиция продолжала существовать во многих других сферах повседневной жизни, будучи вытесненными только из официального контекста. С другой стороны, государство использовало ислам в качестве инструмента консолидации верующей части общества (в данном случае, мусульманской уммы). Параллельно шла унификация светской культуры на всем пространстве СССР. После Великой Отечественной войны религиозная политика государства несколько изменилась. Особую роль в консолидации «советского ислама» сыграла централизация мусульманского образования: практически вся мусульманская духовная элита страны, которая впоследствии возглавляла духовные управления, проходила подготовку в одних и тех же немногочисленных учебных заведениях, таких, например, как медресе Мир-Араб в Бухаре. Муфтияты на всех территориях преимущественного расселения мусульман имели централизованное, хотя и разветвленное, управление, которое осуществлялось органами государственной власти через систему сложных взаимодействий. Общими были и принципы утверждения муфтиев на должности, и требования к их политической лояльности советской власти.

Официальный «советский ислам», тем не менее, сосуществовал в СССР с неофициальным исламом, с которым государство боролось всеми доступными ему методами. Некоторые советологи эту борьбу абсолютизировали, называя ее борьбой комиссаров с мистиками¹. В Центральной Азии и на Кавказе это действительно были преимущественно суфийские *тарикаты*, но официальное мусульманское духовенство представляло те же традиции, но в их лояльной советской власти форме.

Хотя неофициальный ислам и не был инкорпорирован в общественно-политические процессы и развивался подпольно, обеспечивая передачу традиций через систему *иджаза*, он не был полностью оторван от официального ислама. Они вполне успешно сотрудничали, что в конечном счете привело их к альянсу. Мусульманские ученые работали в институтах и школах,

¹ См.: Bennigsen A. Mystics and Commissars, Muslims of the Soviet Empire. A Guide. Bloomington, Ind., 1985.

продолжая изучать рукописи. В крупных мечетях проводились богослужения. Услуги священнослужителей были всегда востребованы — особенно в такой консервативной сфере обрядности, как ритуально-погребальная.

От «русского мусульманства» к «российскому исламу»

«Российский ислам» представляет собой некую гипотетическую, точнее, концептуальную модель, в которой определяются границы традиционных для российских мусульман учений и социальных практик. Моделирование является одним из проверенных методов социального конструктивизма и инженерии в рамках коммуникативных подходов. Парадоксально, что основу «российского ислама» составили как раз те «мистики», суфии, которые, как писал А. Беннигсен, на заре советской власти боролись с комиссарами¹.

Дезинтеграционные процессы в СССР, обусловленные в том числе и коррозией коммунистической идеологии, по времени совпали с этническим и религиозным возрождением практически всех народов, входивших в его состав. В исламе это возрождение практически выразилось в усилении именно этого неофициального суфийского ислама. За короткий период суфийские шейхи и их *муриды*, вышедшие из подполья, превратились в оппозицию официальному исламу. Противоречия между официальным и неофициальным исламом, обострившиеся на начальном этапе исламского возрождения, описаны в научной литературе². Важно отметить, что этот процесс совпал с драматической трансформацией местных обществ, связанных с изменением общественного строя на территории всей страны. В регионах с преимущественно мусульманским населением эта трансформация происходила особенно болезненно.

Важно отметить и другой момент этой трансформации: когда в регионы с мусульманским населением хлынули нетрадиционные для данных мест течения ислама, имевшие чуждые

¹ См. там же.

² Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.

политические ориентиры, то оказалось, что в качестве реального союзника государственной власти в противодействии деструктивной идеологии этих сил в местных обществах выступили представители как раз неофициального ислама, которые, во-первых, были сравнительно лучше подготовлены к таким дискуссиям, а во-вторых, были неформальными лидерами в религиозной среде. Конфронтация с этими силами в условиях усиления радикализации мусульманской молодежи сделало официальных представителей духовных управлений и *муридов* суфийских *шайхов* союзниками, что привело к их союзу, а в конечном счете и слиянию.

За последние 25 лет существования независимых государств на постсоветском пространстве ислам претерпел заметную эволюцию. В течение этого периода происходило постепенное сближение официального и неофициального ислама, которое завершилось их слиянием; в значительной степени повысился уровень религиозности населения: если раньше верующих было не больше 10% населения, то сейчас к ним себя относят более 80%. Быть религиозным стало модным. В полной мере возродилась религиозная практика ислама, которая выражается не только в исполнении пятикратной молитвы, пятничном посещении мечети, соблюдении поста, других обязательных религиозных обрядов, но и в одежде, календаре праздников, обыденной речи, этике повседневной жизни. Иначе говоря, сформировалась новая религиозная субкультура. В некоторых местных обществах эта субкультура становится доминирующей и подавляет светскую культуру, которая в светском государстве должна быть определяющей.

Особой проблемой современного исламского возрождения является неприятие верующей частью населения людей, далеких от религии и ведущих светский образ жизни. Атеизм считается большим грехом, нередко можно наблюдать нетерпимое отношение к его представителям со стороны даже традиционного ислама. В этом смысле, конечно же, следует учитывать сложность и противоречивость традиционного ислама как фактора консолидации, если, конечно, он не будет меняться, опираясь на постепенное освоение гуманистического потенциала этой традиции, учитывающей в том числе и современные гражданские ценности.

Общности евразийского наследия ислама сегодня непосредственно угрожает его радикализация, связанная с распространением на постсоветском пространстве политически ангажированных псевдоисламских учений, опирающихся на идеологию исламского фундаментализма. Понятно, что радикализации подвергаются именно представители традиционного ислама, которые подвержены этой идеологии в силу самых разных причин: социальной неустроенности, отсутствия образования и социальных лифтов, экономического положения, отсутствия твердых знаний об исламской традиции. Практически исламский мир оказался снова разделен, так же как это было в XVII–XIX вв., и снова идеологическими полюсами этого разделения оказывается обновленческое движение суфизма и ваххабитское учение, однако оба — в переработанной, сильно модернизированной форме. Настолько модернизированной, что генетическая связь этих учений друг с другом не всем очевидна.

Практически все государства СНГ прошли одинаковую по своему характеру и содержанию эволюцию от полной свободы вероисповедания, не ограниченной никакими рамками, до курса на поддержку традиционных религий со стороны государства и общества. В России это православие, ислам (имеется в виду как раз традиционный ислам), иудаизм и буддизм. В странах Центральной Азии и на Кавказе также проводится во многом похожая религиозная политика. Более того, все страны СНГ в своей трансформации сталкиваются с одинаковыми угрозами и вызовами, в том числе и в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Во всех этих странах очень схожи также и проблемы с радикализацией ислама.

Серьезной проблемой «традиционного ислама» на постсоветском пространстве является отсутствие достаточного числа квалифицированных кадров, которые были бы способны сохранять его традиции и развивать их, способствуя тем самым углублению евразийской интеграции. Резкое увеличение численности мусульманских общин с конца 1980-х гг. остро поставил вопрос о подготовке таких кадров. Решить этот вопрос не смогли ни возникновение разнотипных, дублирующих друг друга мусульманских учебных заведений, ни массовый выезд молоде-

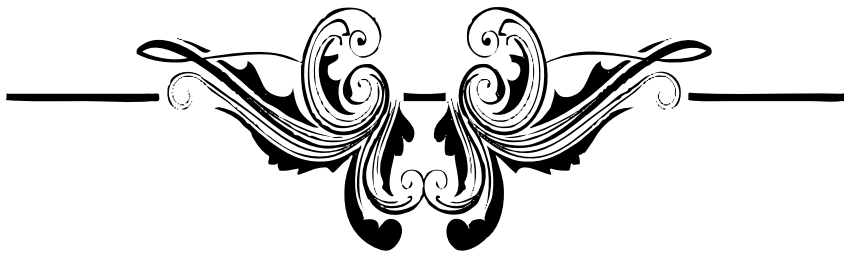

жи за рубеж, начиная с 1990-х гг., для получения там религиозного образования. Множество курсов, школ, центров исламского знания, созданных в первое постсоветское десятилетие при поддержке зарубежных мусульманских благотворительных организаций, не смогли вписаться в правовое и образовательное пространство постсоветских стран. Среди них оказались и идейные пропагандисты радикальных исламских движений.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые за последние десятилетия, система исламского образования в странах СНГ испытывает ряд сложностей организационного, учебно-методического и материально-технического характера. До настоящего времени не определен наиболее эффективный стандарт программ и учебных планов, отсутствует единая система мониторинга и контроля деятельности духовных учебных заведений. Между разными уровнями исламского образования имеются серьезные неувязки. Неравномерно идет развитие мусульманской школы в разных регионах и странах. Лояльные к государству и обществу исламские образовательные учреждения не всегда выдерживают конкуренцию не только со стороны зарубежных центров, но даже и неформальных религиозных школ (*худжра*).

Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, разработанная в России в 2014–2015 гг., предусматривает создание инклюзивной и конкурентоспособной образовательной системы на основе традиционных для страны форм ислама, которая должна гарантировать обеспечение доступного и качественного религиозного мусульманского образования для полноценного удовлетворения потребности в изучении ислама и просвещения мусульманского сообщества. Предполагается, что посредством этой системы должно формироваться гражданское самосознание мусульман и чувство гордости за принадлежность как к своей общине, так и государству, и обществу в целом. В случае успешного решения всех стоящих сегодня перед российским исламом проблем, слова Исмаила Гаспринского, высказанные более века назад, могут оказаться пророческими: «Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства»¹.

¹ Гаспринский И. Русское мусульманство. С. 43.

П.И. Дятленко

§ 3. Коммуникация идей в родо-племенной среде: биографические истории киргизских просветителей конца XIX — первой трети XX века

В конце XIX — начале XX в. у киргизов Тянь-Шаня появились свои собственные просветители. К ним можно отнести небольшое количество грамотных и прогрессивно настроенных интеллектуалов. Их появление связано с позитивными последствиями присоединения киргизов к Российской империи. Среди прочих последствий заметно увеличились различные контакты с российскими мусульманами. В первую очередь речь идет о поволжских татарах и башкирах. Это родственные для киргизов тюркские народы, контактов с которыми стало гораздо больше.

К тому же во второй половине XIX в. в Прииссыккулье вместе с русскими и украинскими крестьянами-переселенцами стали переселяться на постоянное жительство татары. Это были разъездные торговцы. Преимущественно они селились в городе Каракол (Пржевальске). По своему происхождению эти татары относились к татарам Поволжья. Но прибывали они в Прииссыккулье в основном с территории Западной Сибири и современного Восточного Казахстана¹.

¹ Абрамзон С.М., Антипина К.И., Васильева Г.П. и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 18.

Создаются первые регулярные школы со светскими дисциплинами для местного мусульманского населения. Речь идет о русско-туземных школах, татарских и узбекских новометодных школах. В основном названные школы были сосредоточены в крупных населенных пунктах (города и крупные поселки). Отметим, что были и сельские новометодные школы.

По состоянию на 1914 г. на территории нынешней Кыргызской Республики было 107 школ европейского типа с 216 учителями и 7000 учеников. Среди учеников было 574 киргиза, которые в основном были детьми из семей родовой знати и богатых¹.

Получение образования было доступно при наличии финансовых возможностей. Бедняков среди учеников почти не было. Дело в том, что обучение было платным и часто при поступлении требовались, помимо официальной платы, еще неформальные платежи. В качестве примера можно назвать случай Касыма Тыныстанова. Когда он поступал в школу, его отец заплатил за него 6 рублей заведующему школой-интернатом. Для того времени это была большая сумма и равнялась годовому доходу его отца. Такая сумма для бедной семьи была неподъемной. Но семья отца Касыма Тыныстанова была богатой, и ради обучения сына такая сумма была внесена².

Появление названных школ привело к тому, что большинство первых киргизских просветителей, учителей, ученых и общественных активистов первой половины XX в. были родом с северных районов республики, то есть из Чуйской, Иссык-Кульской, Нарынской и Таласской долин. Это связано с тем, что именно там появились первые школы. До сих пор в Академии наук очень много выходцев с Иссык-Куля. Там раньше появились школы, потом открылись средне-специальные учебные заведения, что дало выходцам из названного региона преимущества в научной сфере.

Развитие духовной жизни киргизов того времени было обусловлено рядом обстоятельств. В первую очередь, это:

1. Отсутствие собственных укорененных культурных, интеллектуальных и духовных центров, вокруг которых могло про-

¹ Антология педагогической мысли Киргизской ССР / сост. А.И. Акулова. М.: Педагогика, 1988. С. 16–17.

² Болтонова А.Б. К. Тыныстанов — ученый и государственный деятель Кыргызстана. Каракол: ИГУ, 2011. С. 15.

изойти объединение тех же просветителей и интеллектуалов, чтобы создать собственное просветительское движение.

2. Специфика географии Тянь-Шаня, которая привела к тому, что северные киргизы развивали контакты с казахами и Поволжьем, то есть их связи были развернуты на север. А южные киргизы в основном развивали контакты с крупными городами Ферганской долины.

3. Наличие турецкого влияния на родовую знать киргизов. Такое влияние проявлялось через практику совершения хаджа паломников в Мекку через Стамбул, торговлю, наличие общин выходцев из центральноазиатских народов и домов для паломников из Центральной Азии в Османской империи, что приводило к постоянным контактам с последней¹. Например, манап северокиргизского племени сарыбагыш Шабдан Джантаев совершил хадж в Мекку через Стамбул.

4. Появление среди киргизов ссыльных революционеров. С конца XIX в. в северной части республики, например в Пржевальске, появляются сосланные революционеры. В основном это были большевики и эсеры. Но потом от этой практики царские власти отказались, так как эти революционеры пользовались большой свободой, работали с разными группами населения, привозили с собой антиправительственную литературу².

5. Отсутствие у киргизских просветителей серьезного политического влияния на свой народ из-за господства родовых и феодальных отношений. Просветители не были самостоятельной организованной силой и были встроены в традиционную социальную структуру, которая существовала до них. Занять самостоятельное положение они не смогли до Российской революции 1917 г., в этом отличие от джаидов, которые были более самостоятельными.

¹ Васильев А.Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX вв.). М.: ИВ РАН, 2000, 2014; Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: ИВ РАН, 2010; Абдыкулова Р. Түркстан хандыктары менен Осмон мамлекетинин байланыштары султандык архив документтеринде (XIX к. экинчи жарымы — XX к. башы). Бишкек, 2015.

² Газиев Аман. На берегах Иссык-Куля. Горная царица Алая. Пржевальский буреветник. Исторические повести / ред.-сост. проф. В. Воропаева. Бишкек: Илим, 2010. С. 211–247.

6. Неграмотность большинства населения, создающая проблемы в коммуникации. С кем могли разговаривать просветители? С теми, кто управлял обществом, — представителями имущих слоев и мусульманского духовенства. Трудно было опираться на простой народ, который в подавляющем своем большинстве был неграмотен. Небольшое количество грамотных было серьезной проблемой для развития. До Российской революции 1917 г. на территории современного Киргизстана процент грамотных (в возрасте от 9 до 49 лет) составлял 3,1%, причем среди мужчин грамотных было 5%, среди женщин — 0,8%. До присоединения к Российской империи этот процент был в десятки раз ниже¹. По данным Всесоюзной переписи 1926 г. среди 510 тысяч киргизов на территории Киргизской АССР грамотных было 18 999 (3,7% от их общей численности)², большинство не имело даже среднего образования. Высшее образование имели единицы. Культурный слой был небольшим, поэтому движение киргизских просветителей не было таким развитым и влиятельным, как у соседних народов.

7. Несовпадение языка обучения с разговорным языком, которое также ограничивало коммуникацию. В школьном обучении использовались татарский и узбекский языки. Когда мальчики поступали в школу, им приходилось учить язык обучения. Это привело к тому, что потом многие киргизские писатели и поэты начинали свое творчество на казахском или узбекском языке. Такая практика вытекала из школьного обучения. Язык улицы и язык обучения заметно отличались.

8. Недоступность образования. Обучение грамоте было доступно только для детей из богатых и обеспеченных семей. Это было связано со стоимостью обучения и бедностью подавляющего большинства населения.

Деятельность киргизских просветителей в туркестанский период

Анализ деятельности трех интеллектуалов показывает общую ситуацию с просвещением в ту эпоху и позволяет опреде-

¹ Плоских С.В. Интеллигенция и власть Кыргызстана: проблема взаимоотношений в советскую эпоху. Бишкек: КРСУ, 2012. С. 51.

² Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / авт. вступ. ст. Дж. Джунушалиев, И.Е. Семенов. Фрунзе: Кыргызстан, 1991. С. 63.

лить, какие варианты деятельности для них были возможны. Токтогул Сатылганов (1864–1933 гг.) был выходцем из бедной семьи и считается основателем движения акынов-демократов. Акыны-демократы — это в основном представители простого народа, которые критично смотрели на свое общество и существовавшие в нем порядки. В творчестве Токтогула нет исторического пессимизма в виде исламского мотива о приходе последних времен — *тар-заман*, *кыр-заман*. Это не было его идеологией. Все это отличает Токтогула от акына Калыгула, который принадлежал к родовой знати племени сарыбагыш, к роду Ормонбия, и относится к течению акынов-заманистов. Между акынами Токтогулом и Калыгулом была дистанция, максимально возможная внутри традиционного общества.

Ишеналы Арабаев (1870–1933 гг.) и Касым Тыныстанов (1901–1938 гг.) были выходцами из богатых семей и оба были связаны с движением «Алаш». Это легко объяснимо: оба происходили из северной части республики, которая активно контактировала с казахами.

Токтогул Сатылганов никак не был связан с движением «Алаш». Он родился в кишлаке Кыша (по другим данным, в местности Сасык-Джийде)¹ в долине Кетмень-Тюбе Сусамырской волости Наманганского уезда, сейчас это Токтогульский район Джалал-Абадской области. Это южная часть современного Кыргызстана, которая в то время имела мало контактов с северной частью и была включена в процессы, происходившие в Ферганской долине².

До Российской революции 1917 г. Токтогул Сатылганов — яркий акын, который в конце XIX века выступил с заметным литературным произведением «Пять кабанов», где подверг жесткой критике пять братьев-родоправителей, сравнив их с хищниками. Речь шла о пяти братьях Рыскулбековых, которые управляли его родной местностью. Акын резко выступил против них, и они это запомнили. Когда произошло Андижанское восстание, поступил донос на акына Токтогула о том, что он

¹ История Киргизии. Т. 1 / ред. колл.: М.П. Вяткин, Б.Д. Джамгерчинов, А.П. Окладников. Фрунзе: Типография № 1 Главиздата Министерства культуры Киргизской ССР, 1956. С. 345.

² Акыны: Стихотворения, поэмы / пер., сост., вступ. слово и примеч. М. Ватагина. Бишкек: Адабият, 1991. С. 8–9.

якобы участвовал в этом восстании. Были найдены свидетели, которые подтвердили это, хотя потом выяснилось, что это были люди, связанные с вышеназванными манапами. В результате акын Токтогул был отправлен на 7 лет на сибирскую каторгу.

Токтогул Сатылганов оказался среди политических заключенных и ссыльных. Пребывание среди них повлияло на кругозор акына и последующее творчество. В 1904 г. за попытку побега Токтогулу увеличивают срок каторги. В 1908 г. при помощи русских друзей он удачно бежал с каторги, и осенью 1910 г. вернулся на малую родину¹. Здесь власти его арестовали, но местное население стало заступаться за акына, стали писать петиции. И власти амнистировали Токтогула. С этого момента он начал свою общественную деятельность. Токтогул помнил, кто был виновником его бед, и критику местных родоправителей он продолжил².

Его творчество в туркестанский и советский периоды едино по своей тематике и содержанию. Токтогул в своих произведениях еще до 1917 г. начинает говорить о том, что бай-манапское правление должно закончиться. Токтогул начинает рассказывать о тех, кто борется с существующими порядками и призывает к сотрудничеству с русским народом. В этом кардинальное отличие его позиции от акынов-заманистов.

Ишеналы Арабаев родился в 1870 г. в аиле Катаган, сейчас это Джумгалский район Нарынской области³. С 1910 по 1912 г. Ишеналы Арабаев учился в Уфе в медресе «Галия». Затем вернулся на малую родину и начал преподавать на Иссык-Куле. Он перемещался из одного аила в другой, обучал детей грамоте и чтению. В 1911 г. в Казани он издал одну из первых книг на киргизском языке — поэму киргизского акына и мыслителя Молдо Кылыча «Землетрясение». Эта книга была издана с предисловием Ишеналы Арабаева. Тогда же, в 1911 г., в Уфе Ишеналы Арабаев, в соавторстве с казахским просветителем Х. Сарсеке-

¹ Мамбеталиев К. Сатира и юмор в кыргызской литературе: монография. Бишкек: Типография «Алтын принт», 2011. С. 56.

² Писатели советского Киргизстана: справочник / авт.-сост. К. Ботояров, Р. Момунбаева; сост. А. Макеева; редкол.: Б. Рыспаев (гл. ред.) и др. Фрунзе: Адабият, 1989. С. 455–457.

³ Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.). Бишкек: КРСУ, типография «Алтын принт», 2010. С. 102.

евым, опубликовал букварь для обучения казахских и киргизских детей чтению¹.

В 1912 г. в Оренбурге И. Арабаев издал основы правописания. Данное учебное пособие позже было переработано автором и издано в 1925 г., и с тех пор считается классическим букварем. Ишеналы Арабаев продолжал свою просветительскую деятельность и после Российской революции.

В отличие от Токтогула Сатылганова и Ишеналы Арабаева, Касым Тыныстанов принадлежал к следующему поколению просветителей, т.е. к тем, кто родился в начале XX в., когда первые просветители уже вели свою деятельность. Поэтому, К. Тыныстанов уже опирался на некоторый опыт старших товарищей. С 1909 по 1912 г. он учился в мусульманской школе. В 1913–1914 гг. он обучается в узбекской начальной школе в селе Сазановка на Иссык-Куле. Затем, в 1914–1916 гг. он проходит обучение в русско-туземной школе в г. Каракол. Его обучение на Иссык-Куле связано с тем, что он родом с северного берега оз. Иссык-Куль. К. Тыныстанову уже не пришлось ехать в Казань или Уфу или в крупный ферганский город, чтобы получить образование.

До 1918 г. деятельность местных просветителей сводилась к обучению грамоте и созданию начальных школ в сельской местности. Просветители заняли свободную нишу, так как государство чаще открывало учебные заведения в крупных населенных пунктах (городах, крупных поселках).

Киргизские же просветители работали в сельской местности с простым народом. Они понимали, что у горожан и у местной знати были возможности получения образования, чего у простого сельского населения не было. Просветители занимались пропагандой ценности грамотности и знаний, изданием учебных, литературных и исторических произведений на родном и других языках. Они расширяли контакты с просветителями из других регионов Российской империи. Среди них можно назвать ферганских и казахских просветителей, деятелей общественного движения из татар и башкир.

¹ Байдилдеев Ж. Киргыз-казак интеллигенциясынын байланыштары (XX к. башы). Бишкек: Maxprint, 2015. С. 89.

Также они занимались подачей петиций в разные органы власти. Примером может служить «петиция Шабдана Джантаева». Петиция состояла из 11 пунктов, касающихся организации управления религиозными вопросами (муфтият), предоставления муфтияту вакуфных земель, издания книг, газет, и журналов на киргизском, татарском и др. восточных языках и их свободной продажи среди населения, запрета переселения крестьян на земли киргизов и др.¹

Еще они участвовали в общественно-политической жизни мусульман России и Туркестана. Так, в 1906 г. в г. Верном состоялся первый съезд мусульман Семиреченской области. В нем приняли участие два представителя от северных киргизов.

Открытие школ происходило либо при финансовой поддержке родоправителей, либо за счет местного населения: манап Шабдан Джантаев открыл в селе Тар-Суу в Кеминской долине в 1909 г. новометодную школу-медресе; манап Дюр Соронбаев открыл в селе Сайлык Токмакского уезда школу, работавшую по методу И. Гаспринского².

Киргизские просветители в период Российской революции 1917 г. и Гражданской войны

Чем важен этот трагический и тяжелый период? Он открыл некоторые возможности для киргизских просветителей, которые до 1917 г. не были самостоятельными политическими игроками. К моменту Российской революции 1917 г. первое поколение киргизских просветителей находилось в зрелом возрасте. Например, вышеназванные Ишеналы Арабаев и Токтогул Сатылганов. Касым Тыныстанов еще был юношей. Во время Российской революции ему было примерно 16–17 лет.

Киргизские просветители поддержали большевиков в период Гражданской войны и советской модернизации в силу совпа-

¹ Кубатова А.Э. Восстание 1916 г.: взгляды киргизской интеллигенции Семиречья // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): коллективная монография / ред.-сост.: Т.В. Котюкова. М: Русский импульс, 2017. С. 202–203.

² Там же. С. 203.

дения многих советских лозунгов с их собственными взглядами. Токтогул Сатылганов первым среди киргизских акынов поддерживает большевиков. И своими произведениями призывает простой народ строить новую жизнь. Он первым в киргизской литературе создал образ Ленина. Все 1920-е — начало 1930-х гг., вплоть до его смерти в 1933 г., эта просоветская линия сохраняется в творчестве Токтогула Сатылганова¹.

С Ишеналы Арабаевым ситуация была сложнее. В 1917 г. он был одним из организаторов пишпекского отделения партии «Алаш», которая официально появилась после Февральской революции. И некоторые киргизские просветители оказываются в рядах этой партии. В 1918 г. И. Арабаев возглавляет Пишпекское отделение партии «Алаш». Но потом он уходит к большевикам².

В 1918–1922 гг. Ишеналы Арабаев был членом Джетысуйского (Семиреченского) ревкома. С 1922 г. Ишеналы Арабаев — заместитель председателя Семиреченского союза Кошчи. Это был союз бедняков, который ориентировался на большевиков. Позже Ишеналы Арабаев работал в советских учреждениях и был членом коммунистической партии. Притом, членом коммунистической партии он был до 1925 г. Позже, при чистке рядов компартии, его исключили и обратно он вступить в нее не смог³. Ишеналы Арабаев является автором 19 книг, в том числе научных⁴.

Многие представители поколения 1910-х гг., т.е. генерации периода революции и Гражданской войны, в ходе Гражданской войны были или оказались на стороне советской власти. Пример — Касым Тыныстанов. В 1920 г. он поступил на подготовительное отделение казахского института просвещения в Ташкенте. Закончил его в 1924 г. и начал печататься в казахских газетах и журналах. С тех пор он постоянно контактировал с казахскими просветителями и литераторами. Он был первым среди киргизских литераторов, кто перевел на киргизский язык партийный гимн «Интернационал». Вместе с друзьями

¹ Писатели советского Киргизстана. С. 457.

² Плоских С.В. «Академические вечера»: триумф и трагедия Касыма Тыныстанова: Исследование. Документы. Пьеса. Бишкек: КРСУ, 2011. С. 10.

³ Плоских С.В. Интеллигенция и власть Кыргызстана: проблема взаимоотношений в советскую эпоху. С. 90–92.

⁴ Там же. С. 91.

он выпустил первый номер газеты на киргизском языке «Эркин-Тоо». Самое интересное, что эта газета вышла в Ташкенте. То есть там, где училась киргизская и казахская молодежь, там они и начали свою деятельность.

Поддержка советской власти киргизскими просветителями была связана с тем, что коммунисты предлагали понятный проект будущего. Советский проект включал в себя и традиционные ценности (коллективизм, социальная справедливость), и модернизацию, и создание национальных форм государства в рамках федеративного государства. Если мы посмотрим на известных киргизских просветителей, то никто из них в годы Гражданской войны, даже когда ситуация колебалась, не выступал с открытой критикой советского проекта. Это касается и Ишеналы Арабаева, Токтогула Сатылганова, Касыма Тыныстанова. То есть все крупные просветители не критиковали советский проект, который их устраивал.

Участие киргизских просветителей в советской модернизации 1920–1930-х гг.

Даже после прихода советской власти киргизские просветители продолжали свою просветительскую деятельность. Те же самые люди активно участвовали в советской модернизации 1920–1930-х гг. Ишеналы Арабаев и Касым Тыныстанов занимались развитием киргизской письменной литературы. Токтогул Сатылганов в силу неграмотности не мог письменно фиксировать свои произведения, после его смерти это сделали его ученики. Касым Тыныстанов внес большой вклад в развитие киргизской письменной литературы и языка, переходу на латиницу и усовершенствование систем образования. Он был наркомом просвещения Киргизской АССР в 1927–1929 гг. С Ишеналы Арабаевым его связывало членство в партии «Алаш».

Судьбы киргизских просветителей в 1930-е гг. были разными. Токтогул Сатылганов умер своей смертью в 1933 г. Он не был коммунистом, не занимал государственных постов, не участвовал в политической деятельности.

Ишеналы Арабаев стал жертвой политических преследований, потому что много лет принадлежал к политическому клану

Абдыкерима Садыкова, с которым был связан давней дружбой, был молдо (муллою) и в годы Российской революции был членом партии «Алаш». Поэтому, когда в 1930-х гг. органы госбезопасности создали дело о мифической «Социал-Туранской партии», туда, вместе с другими членами группы А. Сыдыкова, попал и Ишеналы Арабаев. Была еще одна политическая причина для его ареста — участие в подготовке «письма тридцати». Это было выступление клана А. Сыдыкова в 1925 г. против политики тогдашнего первого секретаря обкома РКП(б) Киргизской АО М.Д. Каменского. В 1930-х гг. те, кто подписал «письмо тридцати» были репрессированы¹.

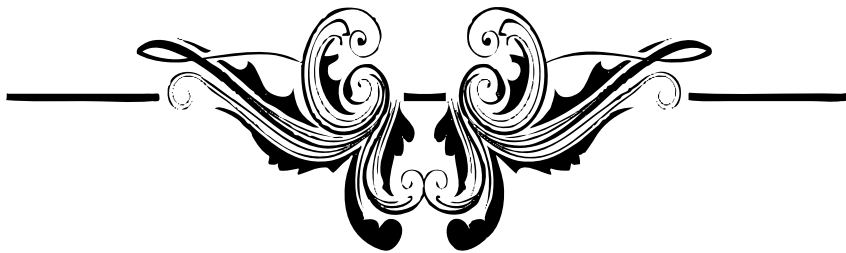
Касым Тыныстанов попал под политические репрессии из-за своих ранних стихов, которые связаны с пропагандой движения «Алаш», а также из-за возможного членства в этой партии и активного участия в политической борьбе между разными группами внутри партийной организации Киргизской АССР в 1920-х гг., долгого противостояния с поэтом А. Токомбаевым².

Анализ биографий трех киргизских просветителей показывает, что в разные эпохи (царский, период революции 1917 г. и Гражданской войны, советский период) они были активными участниками социальных и политических событий. Если до Российской революции 1917 г. у киргизских просветителей не было особого социального пространства, политического влияния и возможностей для самостоятельной деятельности, то в период 1920–1930-х гг. у них появилось больше возможностей для своей деятельности. Например, Ишеналы Арабаев и Касым Тыныстанов попали в политическую элиту Киргизской АО.

Просветители разных поколений стремились к преобразованию традиционного родо-племенного общества, поэтому поддержали Российскую революцию 1917 г. и советский проект.

¹ Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954 — 1999 гг.). С. 87–96, 102; Плоских С.В. Интеллигенция и власть Кыргызстана: проблема взаимоотношений в советскую эпоху. С. 118–149.

² Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954 — 1999 гг.). С. 167–198; Плоских С.В. «Академические вечера»: триумф и трагедия Касыма Тыныстанова: Исследование. Документы. Пьеса. С. 66–86.

А.Ю. Скаков

§ 4. Идея государства в культурном наследии народов Южного Кавказа: динамика трансформации

Хорошо известно, что традиции государственности имеют у народов Южного Кавказа многовековую и, более того, тысячелетнюю историю. При этом все эти народы не имели возможности непрерывного развития и преемственности государственных институтов, находясь в орбите борьбы и взаимодействия более крупных политических акторов. Возникавшие на территории расселения той или иной этнической группы государственные образования для носителей этих групп зачастую затруднительно считать «своими», относить их к собственной политической и культурной истории. Вполне очевидно, что для карабахского армянина сложно считать «своим» Шушинское ханство, в отличие от меликств, а для жителя Еревана к истории «собственной» государственности затруднительно отнести Иреванское ханство.

В этой связи возникает вопрос, насколько та или иная мировая держава, под управлением которой в определенный период времени находились территории расселения современных народов Южного Кавказа, может считаться «чужеродной», внешней силой, или, говоря терминами XX века, «оккупантом», а насколько — своей, способной инкорпорировать представи-

телей элиты той или иной этнической группы и обеспечить им возможности для самоуправления и культурного развития? Соответственно, такое восприятие определит и отношение к памятникам культуры, связанным с наследием этой державы и оставшимся на территории Южного Кавказа.

Позитивное в целом отношение к наследию шахского Ирана определило сохранение и уважительное восприятие Голубой мечети (1765 г.) в Ереване. А вот современная государственная принадлежность Нахичевани не позволяет разглядеть в т.н. «Загадочной башне», возвышавшейся близ Еревана до землетрясения 1679 г. (впрочем, время окончательного разрушения этого сооружения неясно) и известной по изображениям, один из памятников архитектурной школы XII–XV вв., представленной мавзолеями Нахичевани и другими памятниками¹. С упорством, достойным лучшего применения, оспаривается принадлежность к армянской архитектурной традиции церквей на территории современного Нагорного Карабаха (не имеющих непосредственных предшественников в архитектуре Кавказской Албании), при этом, к примеру, Дадиванк становится Хотаванком. Оказывается, большинство авторов (среди них Д. Дурново, А. Якобсон, Тьерри) «стремятся назвать армянскими архитектурные памятники Кавказской Албании (Азербайджана), отчуждая подобным образом от азербайджанского народа неповторимые произведения его архитектуры и искусства»². Появляются такие «мутанты» как «тюркско-христианский храм Гошаванк», «албано-тюркский христианский храм Агарчин» (т.е. Агарцин), в лучшем случае, «армано-тюркский христианский храм Рипсима» (Эчмиадзин) и т.д.³ Даже крепость античного времени Гарни, оказывается, принадлежала «древним Гаргарским тюркам» III–II вв. до н.э., а урартские Тейшебаини и Эрбуни были «тюркскими городами-крепостями»⁴. То есть мы видим попытки «перетянуть» к собственному народу культурное наследие абсолютно иного происхождения. Хорошо известно, как выда-

¹ Орбелян Г. Старый и новый Ереван. Книга-путеводитель. Ереван. 2010. С. 141; Аликперли А. Памятники Западного Азербайджана. Баку. 2007. С. 200–201.

² Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку. 1986. С. 229.

³ Аликперли Азиз. Памятники Западного Азербайджана. С. 62, 127, 143 и т.д.

⁴ Там же. С. 22, 24, 30.

ющимся азербайджанским поэтом стал Низами Гянджеви, никогда не писавший на тюркском языке («азербайджанская литература эпохи Возрождения достигла своего пика в творчестве Низами»¹). Если же «перетянуть» не удастся — чужое культурное наследие уничтожается, иногда не афишируя это, но зачастую демонстративно.

Похожая ситуация имеет место и в грузино-абхазских отношениях, можно привести в качестве примера не утихающую уже десятилетия дискуссию о принадлежности значительного числа наиболее ярких памятников храмовой архитектуры современной Абхазии к «абхазско-аланской архитектурной школе», связанной своим происхождением с Византией, или же к грузинской архитектурной традиции². Как утверждает, по крайней мере, большинство грузинских авторов, «существование отдельных местных особенностей в грузинском средневековом зодчестве является закономерным и обычным явлением»³.

Безусловно, любое иноземное владычество над тем или иным народом Южного Кавказа в национальной историографии воспринимается негативно, однако здесь возможны нюансы. В качестве относительно «позитивного» сюзерена, не препятствующего культурному развитию подвластного ему народа, в Грузии и, особенно, в Армении воспринимается Византия («не было явных угроз, вызовов в отношении национального самосознания, что привело бы к необходимости сплочения армян»⁴), при этом, в частности, делается акцент на имевшей место некоторое время автономии княжеств Нахарарской Армении. Аналогичным образом в Армении и в армянской диаспоре до сих пор воспринимается период российского владычества («... армяне Закавказья стали самыми верными подданными империи. ...армяне России воспринимали российскую культуру как явление более высокое, чем их собственная культура»⁵).

¹ История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. / ред. Сулейман Алиярлы. Баку: Бакинск. гос. ун-т, 2008. С. 243.

² Рчеулишвили Л.Д. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988. С. 77–81.

³ Хвистани П. Церковное зодчество Абхазии. // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. Тбилиси, 2009. С. 162.

⁴ Бурнунян Д.А. Краткая история армянского народа (с древнейших времен до наших дней) / пер. с англ. А. Бахчиняна. Ереван, 2014. С. 72.

⁵ Там же. С. 241.

Современная азербайджанская историография «присвоила» себе, пусть и не без некоторых проблем, иранское государство Сефевидов («государство Сефевидов, составляющее одну из ярчайших страниц государственности Азербайджана, охватывает несколько веков — период, когда азербайджанский народ обладал независимым государством»¹). Но российский имперский период истории воспринимается теперь как эпоха колониального гнета, и даже «первые ростки» капиталистических отношений, оказывается, «не были привнесены сюда только извне» и «появились на «естественной почве» в конце XVIII — начале XIX века»².

Оценки грузинской историографии по отношению к периодам иранского и османского господства, по понятным причинам (И.А. Гильденштедт, 1771 г.: «Турки владели Кутаисом около 120 лет, отчего в [нем] еще и сейчас все пусто»³), не могли сильно измениться за последние десятилетия. Но оценки российского периода истории кардинально переформатированы. В «Грузинской Советской энциклопедии» (1981 г.) говорится: «Присоединение Грузии к России стало переломным моментом в истории груз. народа, к-рый приобрел в лице близкой по религии и культуре России не только покровителя, но и реальную силу, способную помочь вернуть отторгнутые врагами земли, объединить раздробленную страну и развить её производ. силы»⁴. Впрочем, такие утверждения соседствовали с высказываниями о «колониальной политике царской России» в Грузии, о стремлении империи «колонизировать Черноморское побережье, в частности Абхазию», с целью «отторжения Абхазии от Грузии, русификации ее коренного населения»⁵. В постсоветский период, причем еще до прихода к власти М. Саакашвили, господствующая концепция меняется: «Заклучение Георгиевского трактата было большим дипломатическим заблуждением. Его последствия оказались губительными не только для Картли и Кахети, но и для всей Грузии», и «России, так же как и дру-

¹ Джафарли Н. Азербайджанское государство Сефевидов (государственный строй). СПб., 2009. С. 9.

² История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в. С. 682.

³ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 125.

⁴ Грузинская ССР. Грузинская Советская Энциклопедия. Тбилиси, 1981. С. 75.

⁵ Там же. С. 76, 77.

гим поработителям Грузии, не нужна была единая и сильная Грузия»¹. Теперь уже речь идет о «завоевании Грузии Россией», о «военно-оккупационном характере нового управления» и даже о том, что в составе Российской империи «угроза национального вырождения грузинского народа все более и более возрастала»². Вполне логично, что дальше речь идет о «русско (а не советско! — Авт.)-грузинской войне» 1921 г., об установлении «российского оккупационного режима»³, и это, заметим, еще до создания во времена М. Саакашвили в 2006 г. «музея оккупации» в Тбилиси.

Таким образом, для признанных стран региона, «внешняя» государственная сила, государство-завоеватель или «оккупант», несмотря на отдельные колебания и «особую» (пока что!) позицию армянской историографии, не выглядит приемлемым вариантом государственного существования и взаимодействия государства и социума. За небольшим исключением и абстрагируясь от той же Армении, не прослеживается попыток интегрировать наследие бывшей империи в качестве одной из основ строительства собственной историко-культурной традиции. Гораздо более уравновешенным выглядит подход, доминирующий в абхазской и юго-осетинской историографии.

В качестве «примера» представлений региональной историографии о параметрах взаимодействия государства и общества и, в первую очередь, о задачах и возможностях «своего» государства, можно привести недавнюю очень показательную полемику грузинских и немецких историков в связи с выходом фундаментального исследования «Большевицкий порядок в Грузии» (2015 г.)⁴. Показательно, что при сравнении практически всех подходов, высказываний, логических построений грузинских и немецких исследователей возникает ощущение, что авторы говорят на разных языках, и не в прямом, а в фигуральном и в более общем планах, при этом если ученые из Германии пытаются понять логику оппонентов, то их грузинские коллеги

¹ Вачиадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней) // Свободная Грузия. 22 ноября 2003 г. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Грузия в пути. Тени сталинизма / сост. Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер. М., 2017.

фактически слышат только сами себя. Как отмечают немецкие историки, «у нас сложилось впечатление, что все из написанного нами, что не отвечает толкованию грузинских коллег, ...квалифицируется как «сепаратистское» и «неудовлетворительное»¹. Учитывая тематику обсуждаемой работы, особенно уместным выглядит замечание грузинского историка Джемала Гамахари: «В любом демократическом государстве подобные “труды” стали бы предметом обсуждения более компетентных в этих вопросах органов, чем научные организации»².

Анализ полемики позволяет выделить несколько краеугольных камней, на которых основывается представление грузинской историографии (а участники дискуссии — видные её представители) о государстве, его истории и его роли.

Во-первых, следует отметить фактическую тождественность понятий этнос, нация и государство, теряющих какую-либо временную обусловленность. К примеру: «в истории не существует такой даты, когда мегрелов и сванов отделили или включили в состав грузинской нации. Они совместно с картлийцами изначально составляли и ныне составляют ядро грузинского этноса»³. Современные лазы, проживающие преимущественно в Турции, прямо отождествляются с Лазикой византийских источников, то есть большей частью современной Западной Грузии⁴. То есть, как справедливо возражают немецкие коллеги, грузинский автор расценивает государственные образования Античности, Средневековья и Нового времени как национальные государства в современном смысле⁵. По сути, речь идет об «истории вымышленной вечно единой однородной грузинской нации»⁶.

Учитывая незавершенность формирования грузинской нации (германские коллеги предполагают, что «процессы формирования современных наций протекали вплоть до XX века включительно»⁷, но, по нашему времени, в ряде стран Евразии

¹ Грузия в пути. Тени сталинизма. С. 76.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 41.

он не завершен и до сих пор), в которую в значительной степени вошли такие картвелоязычные (т.е. не грузинские) этносы как мегрелы, сваны, частично — лазы, обращает на себя внимание настойчивое стремление грузинских исследователей «уравнять в правах», поставить на одну доску, православные грузиноязычные группы (тушинцы, пшавы, хевсуры, картлийцы, кахетинцы, имеретинцы, гурийцы и т.д.), неправославные грузиноязычные группы (аджарцы, месхетинцы, ингилойцы) и негрузиноязычные группы (лазы, мегрелы, сваны)¹. Эта подмена понятий связана, вероятно, не столько с намерением переиграть и обхитрить оппонента, сколько с тем же самым отождествлением таких сущностей, как этническая группа, этнос и нация. То есть та этническая группа, которая не является нацией, не должна существовать. Эта логика легко приводит к выводу о необходимости ограничения прав национальных меньшинств, диаспор и целесообразности тотального контроля за ними. Вот и грузинский историк Александр Даушвили утверждает: «не будет большой ошибкой установить над «элитами» диаспор контроль и в кризисных ситуациях осуществить их нейтрализацию»². Учитывая, опять же, тематику обсуждаемой работы, такое утверждение выглядит пугающим.

Не менее удивительно, когда заслуженный историк в начале XXI века позволяет себе оценочные обывательские суждения в адрес того или иного народа. По мнению того же А. Даушвили, абхазы — это «не очень трудолюбивый, ничего не сделавший на протяжении целого Позднего Средневековья малоцивилизованный народ»³. И подобные высказывания не единичны, это своего рода аксиома для грузинского социума. В уже цитированном русскоязычном «труде» «История Грузии», рассчитанном на широкого читателя, в разделе «Западная Грузия в XVII веке» читаем: «В Причерноморье стали из гор переселяться адыгейские племена, которые называли себя «апсуа» <...> Пришельцы находились на низком уровне развития, их основной деятельностью были «примитивное земледелие, ското-

¹ Грузия в пути. Тени сталинизма. С. 39, 40.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 83.

водство, охота, грабежи и разбой»¹. Возникает вопрос, как такие утверждения должны воспринимать те же абхазы, которых т.н. «международное сообщество» в значительной своей части продолжает до сих пор насильно «впихивать» обратно в Грузию? Можно себе представить, какой скандал вызвало бы подобное утверждение какого-либо российского исследователя о, к примеру, удмуртах или марийцах.

Важнейшим пунктом в любой дискуссии является «проблема прецедента», то есть вопрос о том, кто первый, к примеру, грузины или абхазы (якобы, мигрировавшие с гор Северного Кавказа в XVII–XVIII вв.), заселил данную территорию². Как вполне справедливо отмечают немецкие исследователи, «грузинские авторы, ...уделяют неоправданно много внимания истории раннего Нового времени, Средневековья и еще более древней истории, расценивая её как решающее доказательство в дискуссиях вокруг современных процессов формирования нации». Опять же, «отождествление территорий и персоналий древней и новой истории с новейшей историей, в особенности в смысле прецедента, не является релевантным для межнациональных отношений в XIX, XX и XXI веках»³.

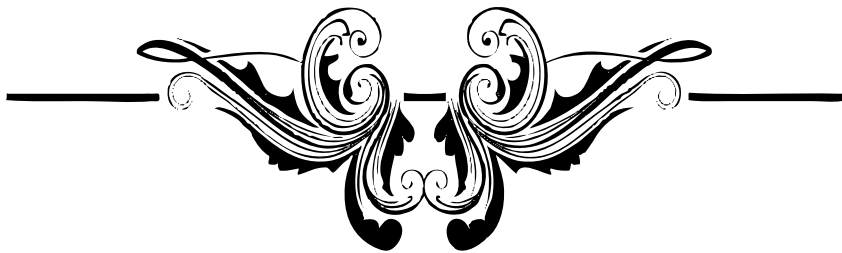
В качестве вывода можно отметить, что для историографии, да и для социумов Южного Кавказа современность зачастую оказывается обращенной в прошлое, в результате прошлое модернизируется, а современность — архаизируется⁴. Возникает ощущение, будто социумы и государства идут вперед, пятясь. Впрочем, эта особенность свойственна не только Южному Кавказу.

¹ Вачиадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней) // Свободная Грузия. 25 октября 2003 г.

² Там же. С. 23, 26.

³ Там же. С. 56, 76, 78, 109.

⁴ Скаков А.Ю. Поиски национальной идентичности и трансформация идеологии в этнополитических конфликтах Южного Кавказа // Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе / отв. ред. А. Аликберов, И. Звягельская. М., 2013. С. 139.

Л.С. Перепелкин

§ 5. Евразийские музейные коммуникации: от общих идей к конкретным проектам

Питер Бергер и Томас Лукман написали весьма любопытное исследование о том, что общественная реальность, в которой мы живем, является во многом сконструированной нами же самими («Социология знания понимает человеческую реальность как реальность социально сконструированную»¹, то есть это скорее субъективная реальность. По их мнению, конструирование субъективной реальности происходит в два этапа: в ходе первичной (воспитание в семье, когда у ребенка практически нет выбора) и вторичной (при наличии у человека воли и выбора) социализации. Сказанное предполагает, что субъективную реальность можно сознательно формировать, используя определенные институты, учреждения и методы. Одним из инструментов национально-культурной политики, призванной осуществлять «вторичную социализацию» в заданных параметрах, может быть музейное дело.

Музейное дело и его осмысление прошли ряд этапов². Главная функция музея — познавательная: «Основная цель исполь-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. С. 301.

² Сапанжа О.С. К вопросу об историографии и философском осмыслении феномена музея (до середины XX века) // Вопросы культурологии. 2011. № 9. С. 4–9.

зования иллюстративного метода состоит, как правило, в том, чтобы проиллюстрировать музейными предметами и вспомогательными материалами определенную научную концепцию»¹. Сегодня музеи расширяют свои функции, добавляя к чисто познавательным также семейный отдых и рекреацию.

Появление у музея рекреативной функции дает хорошие возможности для усиления его важной задачи — служить **постоянно действующим институтом вторичной социализации**. В связи с этим в рамках исследований истории евразийских коммуникаций предлагаются идеи создания ряда конкретных проектов: 1) музея «Сердце Евразии: народы, страны, люди» с постоянным обменом экспозициями с другими музеями России и стран СНГ; 2) **Евразийского культурного центра; зоны отдыха и рекреации; 3) виртуального информационного пространства (например, одноименной с музеем электронной энциклопедии)**. Данный раздел книги написан как некое концептуальное предложение по проведению национально-культурной и интеграционной политики, чем автор, собственно, занимается профессионально.

Проблемы с коммуникацией в Центральной Евразии и «мягкая сила»

Почти все существующие в мире общества имеют проблемы с коммуникацией, сложную национально-культурную, религиозную, лингвистическую конструкцию. Чтобы поддерживать относительную стабильность и избегать тяжелых конфликтов (подобных тому, что разворачивается сейчас на Украине), государственные власти используют множество средств, включая наиболее эффективное из них — государственную национально-культурную политику. Ведь общественное единство — вещь достаточно хрупкая, его непросто достичь и легко утратить.

Россия пережила фазу вооруженных межэтнических и межконфессиональных столкновений, но существующий фон террористических угроз показывает, что успокаиваться рано. Ситуа-

¹ Поляков Т.П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции): учебное пособие для студентов и аспирантов, обучающихся по специальности «Музееведение». М.: МК РФ, 1997. С. 76.

ция усугубляется еще и тем, что за 22 года, прошедшие после распада СССР, этническая мозаичность нашей страны значительно увеличилась в результате трудовых миграций. При этом вновь прибывшие мигранты часто плохо знают русский язык и культуру. И принимающая сторона мало что знает о приезжих. Это, естественно, служит хорошей почвой для расширения конфликтной напряженности.

В подобных условиях может развиваться процесс религиозной радикализации, формироваться устойчивые мигранто- и исламофобия¹. В конце 2013 г. это проявилось в массовых беспорядках, вспыхнувших в московских Печатниках (и это был далеко не первый случай подобного рода)². В начале января 2014 г. в Интернете появились ролики с сожжением Корана, были зафиксированы крики с собора на Красной площади «Аллах акбар!», позже произошли террористические акты в Волгограде, были заявлены митинги в Москве против исламофобии и мигрантофобии³. Иными словами, межнациональные и межрелигиозные отношения в РФ пока еще далеки от необходимого равновесия.

В рамках СНГ, как и во многих других регионах мира, развиваются интенсивные интеграционные процессы. Причем для нашей страны нет альтернативы: или мы сформируем «внешний пояс» в рамках интеграционного объединения (Евразийского союза), или будет увеличиваться риск распада РФ по этнокультурным и религиозным (цивилизационным) основаниям. Причем на этом направлении существуют серьезные конкурентные отношения⁴.

Возникновение региональных объединения является обратной стороной процесса глобализации. Весь мир не может жить по правилам, придуманным в одной стране или блоке стран, вариативность развития и некая автономность отдельных регионов являются императивом устойчивости человечества в целом. Сказанное предполагает определенную емкость внутреннего

¹ *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 50–59; *Солодова Г.С.* Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 44–49.

² Казус Бирюлева: повторение пройденного // Новое время/The New Times. 2013. 28 окт. № 35. С. 20–29.

³ *Мальцев В.* Праздники отметили разжигательно // НГ-Религии. 2014. 15 янв. С. 1.

⁴ *Фененко А.* Интеграционный вызов России // НГ-Дипкурьер. 2014. 20 янв. С. 9–10.

рынка — по разным гипотезам от 200 до 500 млн чел. (сейчас в РФ проживает 146 млн чел.).

Далее, сегодня РФ находится под действием санкций, так называемых организационных, информационных и психологических войн, которые технологически передовые страны ведут по всему миру (это примеры «цветных революций», «арабской весны», демонизации России и ее руководства, современных событий на Украине)¹. Как выразился один из военных теоретиков, «на смену войн с противостоянием держав-коалиций приходит глобальная перманентная война, которая ведется непрерывно во всех точках Земли всеми возможными способами: политическими, экономическими, военными, информационными»². По сути, это означает, что РФ вместе с союзниками находится в состоянии обороны, а всякие оборонительные войны имеют свои цели, задачи и методы. В этой работе будет раскрыто одно из возможных направлений.

Подобное состояние «обороны» в информационных и организационных войнах предполагает, что мы в первую очередь должны защищать свое прошлое (которое должно служить нашим успехам в будущем). И здесь надо противопоставить пропаганде, настаивающей на том, что в России «все всегда было не так», реальные основания, доказывающие, что исторический путь нашей страны был не «отклонением» от какого-то «столбового» процесса (чем грешит отечественная интеллигенция), а вариантом мирового развития.

Организационные и психологические войны оперируют понятием «мягкой силы», которое разработал в 1990 г. гарвардский профессор Дж. Най. Само понятие означает, что для победы над геополитическим противником совсем не обязательно использовать военное насилие (хотя и его пока еще никто не отменял). Эффективнее воздействовать на сознание граждан той страны, которая подвергается нападению, — дезориентация населения помогает навязать элите чужую волю. С. Вежин по этому поводу

¹ Овчинский В.С., Сундиев Ю.И. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) // Дьякон [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1465>; Верхоянцев А. Хотят ли русские войны // Советская пресса [Электронный ресурс] // URL: <http://svpressa.ru/politic/article/67547>; Николаев И. Бизнес на дестабилизации // Столетие. [Электронный ресурс] // URL: http://www.stoletie.ru/versia/biznes_na_destabilizacii_978.htm.

² Воловой В. Викиликс. Откуда НАТО нападет на Россию. М.: Алгоритм, 2011. С. 66.

пишет: «Геополитически чрезвычайно важно, что именно культурно-гуманитарный императив лежит в основе мягкой (гибкой или умной) силы, которая выходит на первый план мировой политики»¹. К сожалению, переход от «мягкой силы» к «силе вооруженной» не имеет никаких существенных препятствий.

Вместе с тем «мягкая сила», направленная против интересов России и стратегических партнеров третьими силами, может быть нейтрализована «мягкой силой» с нашей стороны. Как известно, главное для победы — это не превосходство в физической силе и вооружении, а моральная несокрушимость и духовное единство. Здесь будет предложен один из возможных вариантов создания подобной «мягкой силы», хотя на практике их может быть реализовано множество в рамках национально-культурной политики. Подобная «мягкая сила» уже используется в нашей стране, но пока лишь спонтанно и неосознанно².

Особую проблему составляет недостаток толерантности в РФ, что связано в первую очередь с незнанием иных культур, быстрой сменой этнической и религиозной обстановки в стране, да и с тем простым фактом, что толерантность надо воспитывать сизмальства. Толерантность, то есть терпимость, это обратная, положительная сторона различного рода фобий (опасений), среди которых в современном мире чаще всего встречаются фобии на этнонациональной, расовой, культурной, религиозной основах, а также мигрантофобии.

Распространенность фобий подобного рода формирует основу для серьезных бытовых неудобств и трений, часто ведет к созданию конфликтных ситуаций, включая распространение террористической деятельности. Кроме того, фобии нередко ведут к психическим нарушениям у их носителей. Поэтому весьма интересен опыт Музея толерантности и еврейской культуры в Москве. Он создан с использованием современных достижений в музейном деле. При нем существуют различного рода центры, в том числе и для проведения научных совещаний и конференций. Нужная инициатива, но посетителей там не слишком много — обычно музей посещают лишь при создании новой экспозиции или выставки.

¹ *Неймарк М.* В поисках обыкновенного чуда. О степени влияния культуры (или бескультурия) на геополитический статус России // НГ-Политика. 4 февраля 2014 г.

² *Вежин С.* Ценности имеют значение // Независимая газета. 2014. 12 февр. С. 1–2.

Роль музейных коммуникаций в преодолении фобий и антагонизма

Классификация музеев позволяет выделить их основные типы: 1) старые музеи с постоянной экспозицией и запасниками, которые имеют как просветительские, так и научные функции (в Москве это Государственный исторический музей, Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Третьяковская галерея, Государственный дарвиновский музей и т.д.); 2) мемориальные музеи, посвященные жизни и деятельности конкретных людей; 3) «отраслевые» музеи (военно-исторические музеи и др., например: Центральный музей вооруженных сил, Государственный музей обороны Москвы, Центральный музей Великой Отечественной войны и др.); 4) музеи, посвященные какой-либо узкой тематике и имеющие в первую очередь рекреационную функцию (Музей ретромотоциклов на ВДНХ, Исторический туалет в ГУМе, ФГБУ «Центральный музей физической культуры и спорта, Музей денег, Музей традиционных русских напитков «Очаково», Музей 60-х и др.); 5) историко-этнографические музеи (Музей боярского быта и др.); 6) историко-архитектурные музеи (Коломенское, Московский Кремль, Собор Василия Блаженного и др.).

Описанная выше проблемная ситуация указывает на необходимость придания музейному делу новой функции — **служить «мягкой силой» в национальных отношениях**. Более того, можно вполне определенно сказать, что **современная музейная сеть в нашей стране не составляет устойчивую систему для проведения национально-культурной и интеграционной политики**. В том числе и потому, что эта задача не ставится.

При этом хороший пример показала выставка «Православная Русь. Романовы», размещенная в московском Манеже 4–24 ноября 2013 г., посвященная 400-летию этого российского царского дома. За двадцать дней ее посетило более 300 тыс. чел. Это интерактивная выставка-форум, на которую из Костромы была даже привезена чудотворная икона Феодоровская — покровительница дома Романовых. Выставка было организована по последнему слову музейной техники, включая мультимедийные устройства, сенсорные экраны, планшетные компьютеры, познавательные приложения, фильмы и т.д. Как написано на

одном из сайтов, освящавших деятельность выставки, в ее задачу входило призвать наших современников к возрождению чувства причастности к нашей неразрывной и общей истории, в том числе и через почти забытое сегодня чувство благодарности (к семье Романовых, которая была оболгана).

Востребованность подобного рода деятельности отражена и в российских националистических дискурсах. Так, академик АН Татарстана Рузаль Юсупов уверен, что необходим массированный PR татарских знаменитостей. По его мнению, сейчас «официальная политика России пропитана духом проявления заботы о развитии прежде всего и больше всего лишь одной нации и, конечно же, не татарской, не чувашской и не марийской...» и, как следует из контекста, русской¹.

План мероприятий по реализации в 2013–2015 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (подписан 1 июля 2013 г.) наметил 84 мероприятия, и все они связаны с гармонизацией межнациональных отношений в России и созданию Евразийского объединения. Подобные националистические заблуждения надо развеять, причем путем практическим. Деятельность в этом направлении может осуществляться в том числе и в рамках музейного дела, в частности, путем создания новых музейных площадок: Евразийского культурный Центра и музея «Северная Евразия: народы, страны, люди».

Евразийский культурный Центр мыслится как площадка для обсуждения проблем национальной политики и региональной интеграции, в том числе и в рамках упомянутого выше Плана мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики. Здесь могут проходить дискуссии и деловые обсуждения российской национальной политики и перспектив евразийской интеграции. При Центре могут существовать театр и концертный зал: по собственному опыту знаю, что представители диаспор охотно посещают концерты и театральные представления, привезенные с их исторической родины.

Музей «Сердце Евразии: народы, страны, люди» может быть посвящен персоналиям, то есть выдающимся людям,

¹ Постнов Г. Татарский академик вспомнил о местных знаменитостях // Независимая газета. 2014. 29 янв. С. 3.

жившим и сейчас живущим на всем пространстве Центральной Евразии в ее евразийском понимании. Круг персоналий может быть определен экспертным путем. Уже предлагалось сделать постоянным музеем экспонаты выставки «Православная Русь. Романовы».

Главное же в этом музее — обмен культурным наследием между российскими регионами и странами СНГ, тематические выставки: природные и культурные памятники отдельных территорий и регионов; национальные культуры народов Северной Евразии; духовная культура; история территорий и регионов; знаменитые люди прошлого и современности; национальная политика России и стран СНГ в прошлом и настоящем. Излишне говорить о необходимости современной музейной техники, что прекрасно продемонстрировала выставка «Православная Русь. Романовы».

Можно предположить, что знакомство с культурным наследием народов Центральной Евразии будет способствовать повышению этнической и религиозной толерантности, а российские национальные меньшинства и диаспоры получат подтверждение своей национальной и религиозной полноправности.

Материалы выставок, театральных и концертных представлений лягут в основу **электронной энциклопедии** «Сердце Евразии: народы, страны, люди». На технологическом уровне подобный опыт уже накоплен, речь идет об энциклопедическом издании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», вышедшем под редакцией известного географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского (1827–1914). Понятно, что современные технологии дают возможность использовать не только печатный текст, но аудио- и видеоматериалы. Подобная постоянно пополняющаяся энциклопедия (наподобие Википедии) может быть использована не только в образовательных целях, но и как элемент формирования положительного образа России («мягкая сила»). Нет сомнения, что для реализации этой задачи предполагается создание при Центре научного подразделения, состоящего из специалистов разного профиля, а также формирование широкой группы экспертов.

Естественно, при создании Евразийского центра серьезная задача будет заключаться в том, чтобы заманить туда посетителей. Для этого Центр и Музей должны быть совмещены с **зоной отдыха и рекреации**. При этом постоянная смена экспо-

зиций и проведение театральных и концертных представлений также должны привести в Центр значительное количество посетителей (строго говоря, жители Москвы вместе с приезжими составляют десятую часть населения страны). Еще больше людей (потенциально, все, владеющие Интернетом и русским языком) могут ознакомиться с деятельностью Центра и Музея через соответствующий сайт и электронную энциклопедию.

Работа по поддержанию толерантности в России и формированию интеграционных связей в Северной Евразии должна быть постоянной, и быстрых успехов на этом поприще ожидать не следует. Об этом говорит опыт США, где в 1960-е гг. была отменена практика расовой сегрегации и введена всеобъемлющая политкорректность. Да, эта мера принесла хорошие плоды, но и сейчас, спустя почти 60 лет, межэтнические и межрасовые отношения в Штатах далеки от идеала.

Использование евразийских концепций в организации музейных экспозиций

Предлагаемая здесь концепция музея и музейной экспозиции опирается на взгляды евразийской историографической школы, сформировавшейся в Русском зарубежье в 1920–1930-е гг. Среди наиболее ярких представителей этой школы можно назвать Н. Алексеева, Г. Вернадского, В. Иванова, Л. Карсавина, В. Никитина, П. Савицкого, П. Сувчинского, Н. Трубецкого, Г. Флоровского, М. Шахматова, Р. Якобсона. Вот некоторые идеи евразийства, сформулированные князем Н.С. Трубецким: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию Евразией, ее национализм — евразийским»¹.

¹ Цит по: Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: учебник. М.: Гардарики, 2002. С. 187–188. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М.: Наука, 1993. С. 36.

Вот как описывают исследовательскую позицию и мировоззренческие основания евразийцев специалисты: «В представлении евразийцев культура — это чрезвычайно широкое понятие, включающее самые разнообразные аспекты и отнюдь не ограниченное сферой менталитета и духовной жизни. Поэтому географическая среда, этнический состав, особенности экономического и политического развития России были не менее важны для них, чем специфика религиозного сознания и системы духовных ценностей, своеобразие языка. Такой подход давал возможность изучать культуру Евразии как сложную систему, состоящую из многих уровней, на механизм действия которой влияют различные факторы»¹.

Евразийцы делают акцент на общей социально-культурной системе, сложившейся в Северной Евразии в результате многовекового сосуществования местных народов в рамках сначала Золотой Орды, а потом Российской империи и СССР, точнее говоря, акцентируются общие **цивилизационные** корни этого региона. Эта позиция дает хорошие основания для работы музейных экспозиций и выставок, чьими задачами выступает идеологическое обоснование разворачивающихся на постсоветском пространстве интеграционных процессов.

Одни исследователи подчеркивают географическую и культурную целостность Евразии², другие ясно видят и указывают на политические и геополитические аспекты проблемы³. Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев подчеркивают: «Можно по-разному относиться к идее воссоздания экономического или политического союза евразийских народов с организацией наднациональных экономических органов, единого оборонного пространства и т.д. Однако общее географическое и геополитическое положение, социалистическое прошлое, единое информационное и транспортное пространство, наличие русскоязычной диаспоры и т.п. между “осколками” бывшего СССР позволяют говорить о реальности Евразийского региона, **стремительно утрачивающего**

¹Евразийство: история вопроса. [Электронный ресурс] // URL: <http://mongolovedenie.livejournal.com/1144.html> (дата обращения: 20.11.2014).

²Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / пер. с фр. М.: Наталис, 2004. С. 107–152.

³Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М.: Изд-во НОРМА, 1998.

свою идентичность»¹. С распадом СССР стали «утончаться» те реальные связи, которые объединяли общее пространство евразийских коммуникаций, ослабевать идентификация народов «постсоветского пространства» с этой общей территорией. Стала увеличиваться дистанция между народами и элитами стран СНГ. Возможно ли повернуть этот процесс вспять с помощью «мягкой силы», в том числе с использованием музейных коммуникаций?

Реинтеграционные тенденции и возрастание роли «мягкой силы»

В одном из своих выступлений 1994 г., апеллируя к проблемам безопасности в Евразии, Н.А. Назарбаев высказал следующий аргумент: «Наши народы веками жили вместе, и укрепление добрососедства отвечает интересам людей, оно неподвластно конъюнктурным соображениям. Возведение границ между нашими странами, ограничения в передвижении людей было бы непростительной ошибкой»². За прошедшие после распада СССР годы, несмотря на общие дезинтеграционные тенденции, был сделан ряд заметных политических шагов в направлении реинтеграции. В частности, уже действуют, успешно или менее успешно, такие образования, как Союзное государство (Россия и Белоруссия), Таможенный союз, ЕврАзЭС. В рамках ОДКБ сформировано и военное объединение ряда постсоветских государств. Существующие же планы и перспективы еще более впечатляющи. С 1 января 1915 г. начал функционировать Евразийский Союз в составе России, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии (в ближайшей перспективе — присоединение к Союзу Таджикистана)³. Для темы данного исследования актуально следующее высказывание В.В. Путина: «Новый проект — Ев-

¹ Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: учебник. С. 188.

² Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 31.

³ Путин не успокоил Запад: его планы создать Евразийский союз заставили вспомнить страх перед СССР. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.newsru.com/russia/05oct2011/putin.html> (дата обращения: 14.11.2019). Гончаренко Р., Бушуев М. Насколько перспективен план Москвы создать Евразийский союз // Немецкая волна. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dw.de/> (дата обращения: 14.11.2018).

разийский союз — вполне отвечает требованиям сегодняшнего дня с новыми возможностями для граждан, для бизнеса, для торговли и для инвестиций, для сотрудничества в сфере культуры, науки, образования, с твердыми гарантиями стабильности, спокойствия на огромном евразийском пространстве»¹.

Эти планы имеют широкий отклик и среди населения стран СНГ. Так, в беседе с заместителем директора Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан Насибой Садыковой (сайт «Евразийское развитие») сказано следующее: «В какой-то степени общая идентичность у народов нашего региона существует еще сейчас. Она объединяет таджиков не только с народами Центральной Азии, но и с русскими, и с белорусами, и с украинцами. Это постсоветская или, скорей, остаточная советская идентичность. ...она может быть и совместимой и с национальной, и с наднациональной, региональной идентичностью. Хочу отметить, что религиозная идентичность в Таджикистане была и в советский период, но религиозной нетерпимости не было, вот это и надо сохранить. /.../ Поразительным образом **ценности, характерные для преимущественно православной России созвучны не только ценностям ислама, но и доисламским традиционным ценностям таджикского народа и других народов Центрально-Азиатского региона**»².

Ценностная общность и ее использование в экспозиционно-выставочной деятельности

Перспектива развития интеграционных связей между странами Северной Евразии предполагает, конечно, политическую волю со стороны элит и согласие (волеизъявление) со стороны населения, наличие эффективного и реалистичного проекта, разработку оптимальной для региона в целом модели интегра-

¹ Путин В.В. Работать для людей, создавать Россию XXI века // Единая Россия. [Электронный ресурс] // URL: <http://er.ru/news/67498/> (дата обращения: 13.11.2019).

² О национальной и евразийской идентичности таджиков и угрозе исламизации. Интервью с Насибой Садыковой. [Электронный ресурс] // URL: <http://eurazvitiye.org/publication/20140725> (дата обращения: 27.11.2019).

ционных отношений и стратегии ее реализации, а также многое другое. Уже сейчас можно прогнозировать, что этот процесс будет развиваться нелегко. При этом одним из граничных параметров успешной реализации этого проекта является **наличие и укрепление общих ценностей** у населения стран, идущих по пути интеграции. Ведь это — основа совместной деятельности, без которой она (совместная деятельность) будет напоминать известный сюжет И.А. Крылова о лебеде, раке и щуке. Этот процесс следует подталкивать и при помощи «мягкой силы», включая экспозиционно-выставочную деятельность.

Под **ценностями** здесь понимается «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях»¹. Иными словами, **ценности направляют (или, наоборот, тормозят) деятельность как отдельных людей, так и целых общественных групп.**

Безусловно, в любом обществе существуют люди и социальные группы, придерживающиеся разных ценностных ориентаций. Поэтому нужно говорить о доминирующем наборе ценностей, присущих гражданам стран Северной Евразии (речь, конечно, не идет о некоторых сугубо этнографических обычаях, традициях и стереотипах поведения). Можно с большой уверенностью предположить, что такой «набор» ценностей существует в реальности, и его следует только акцентировать, в том числе в работе музеев, музейных экспозиций и выставок.

Подобное предположение строится на нескольких основаниях. Среди них многовековое существование народов исследуемого региона в одних политических границах (речь идет о Золотой Орде, Российской империи, СССР, а впоследствии о таком квазиполитическом образовании, как СНГ). Конечно, народы Северной Евразии были вовлечены в геополитическую орбиту «Большой России» в разные эпохи и по-разному

¹ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. С. 1330.

интегрировались в этом геокультурном¹ пространстве. Но общая историческая судьба, интенсивные миграции, наличие внушительных диаспор, служба в Вооруженных Силах, общее коммуникационное, образовательное и информационное пространства, как и многое другое, не могли не сказаться на взаимопроникновении и взаимообогащении ценностных систем жителей Северной Евразии.

Далее, следует указать на то, что подавляющее большинство народов Северной Евразии традиционно исповедует авраамические религии, то есть религии, имеющие общие корни. Это христианство (преимущественно в православном варианте), ислам (преимущественно в его суннитской форме) и иудаизм. При всем доктринальном и обрядовом несовпадении между этими религиями, их ценностная «нагруженность» общая или почти общая. Более того, многие исследователи, начиная с Ф. Энгельса, писали о том, что идеи социализма и коммунизма восходят к раннехристианской традиции, а следовательно, и в советские годы соответствующие ценности только укреплялись. Речь, конечно, идет не только о верующих, но шире — о сохранении культурно-религиозной традиции².

По сравнению с европейскими, евразийские общества пока еще в значительной степени традиционны. Так, интенсивная индустриализация здесь началась лишь в конце 1920-х гг., то есть примерно 85 лет назад. Следовательно, этот промежуток времени охватывает приблизительно три поколения граждан. Более того, лишь к середине 1960-х гг. в СССР в **среднем** городское население сравнялось по численности с сельским: а это 50 лет, или два поколения. У большинства современных жителей Северной Евразии родители, на худой конец бабушки и дедушки, вышли из традиционной сельской среды. Если использовать термин С.Г. Кара-Мурзы «советская цивилизация», то можно с уверенностью сказать, что она является адекватной для

¹ *Замятин Д.А.* Вообразить Россию // Независимая газета. 2014. 30 сент. С. 9.

² К примеру, выходить на улицу с покрытой головой — это исходно религиозная норма для женщин и мужчин в иудаизме, христианстве, исламе. Сейчас эта норма, правда, или размывается, или используется преимущественно в специальных культовых ситуациях (но прочно сохраняется у верующих). Если же посмотреть на фотографии 40–50-летней давности, на них трудно увидеть мужчин и женщин, находящихся вне дома, без головного убора.

нашей страны **смесью традиционного и модернистского опыта и ценностей**. И речь в данном случае идет не о «культурной шизофрении», а о процессах **адаптации в традиционном обществе достижений модерна (и о неприятии, соответственно, постмодернистских веяний)**.

А существуют ли общие евразийские ценности?

Если высказанные здесь предположения и доводы верны, то политика пропаганды и культивации общих для евразийских народов ценностей может стать хорошей духовной основой для развития интеграционных отношений. Этот вопрос остро стоит в современной политологии: «В контексте цивилизационного выбора, а также позиционирования в общественном сознании, в поле общественного мнения тех или иных интеграционных группировок, объединений и других подобных образований именно вопрос о ценностях является ключевым, поскольку те или иные ценности непосредственно связаны с самоидентификацией социальных общностей, этносов, наций и цивилизаций. В немалой степени это и вопрос самоидентификации элит, от которых зависит развитие различных наций и тех интеграционных группировок, которые они образуют»¹. Акцент на элиты здесь совершенно не случаен, ибо при всех восторженных словах в адрес демократии именно элиты руководят — повсеместно — политическим процессом.

Используя представления о геокультурном пространстве, Д.Н. Замятин подчеркивает, что надо «попытаться породить с помощью “образного сжатия” и, может быть, “образно-географического взрыва” новые образно-географические дискурсы, которые существуют, “видят” друг друга, но лишь в том пространстве, которое они создают собственным “разбеганием” друг от друга...». Далее он приходит к выводу: «Мы можем рассчитывать в данном случае на понятие и образ **Северной Евразии...**»². Казалось бы, автор пишет не о ценностях, а об об-

¹ Глазьев С., Кобяков А. Выжить и победить // Однако. 2014, октябрь-ноябрь. С. 79.

² Замятин Д.А. Вообразить Россию // Независимая газета. 2014. 30 сент. С. 9. (выделено Д. Замятиным).

разах. Но вместе с тем в любом «сжатом» географическом образе имплицитно или даже эксплицитно присутствует система ценностей местного населения: так, географический образ России не может (пока!) ассоциироваться с ценностями либерального индивидуализма. Кроме того, понятие «образ» как ничто другое прекрасно соответствует идее музейного строительства, практике экспозиций и выставок.

О каких, собственно, ценностях идет речь и как их использовать (**в качестве «мягкой силы» при развитии экспозиционно-выставочной деятельности**) для стимулирования интеграционных процессов? Совершенно очевидно, что общая ценностная система народов Северной Евразии включает как минимум следующие элементы. Это **умеренный консерватизм** (не путать с фундаментализмом); **патриотизм; коллективизм, солидарность и обычаи взаимопомощи; ориентация на государство («мягкий» патернализм) и особый тип взаимоотношения с властями (соборность); справедливость в специальном понимании этого слова (не как латинское «юстиция», как наличие общей нормы); свобода как отсутствие гнета; этнокультурная и религиозная терпимость; ценность знания и достижений в научно-технической сфере**. Понятно, что этот список нуждается в серьезных экспертных уточнениях, в том числе и для выявления иерархии ценностей.

В настоящее время ценности консерватизма весьма широко распространяются по миру, а в России стали основой государственной политики. В определении **консерватизма** (от лат. «сохраняю») следует выделить ряд пунктов, которые являются сущностными для него: **традиции и традиционные институты, государственность, безопасность, экономическая автономия**. Обычно консервативно настроенные люди апеллируют к следующим традиционным институтам: **семья, религия, армия, правительство** (президентская или монархическая власть).

Семья (а также системы родства, свойства, брака, соседства) являются важнейшим институтом демографического воспроизводства общества. Это один из наиболее древних и эффективных институтов в истории человечества. Вместе с тем в последние 20–40 лет в странах с христианско-индустриальной

традицией этот институт деградирует, что совершенно явственно выражено в разводах, кризисе рождаемости, легализации однополых отношений, распространении ювенальной юстиции и проч. И это, к сожалению, касается не только стран Запада, но и «постсоветских» стран¹. Если наша страна и дружественные нам государства не желают следовать по этому пути, им надо обращаться к соответствующим ценностям и пропагандировать (восстанавливать) их. Дело в том, что если разрушатся базовые социальные институты², то исчезнет и общество в целом.

Религиозная организация является одним из важнейших столбов на пути уничтожения традиционных (консервативных) систем организации и ценностей. И речь не о конкретной конфессии, а о ее авторитете (без всякого фундаментализма/салафизма) для верующих и совершенно неверующих людей (ведь современная гражданская/светская культура имеет религиозные истоки, на что уже указывалось выше). Религиозная проблематика тесно связана с идеями патриотизма. О том, как это может быть представлено в экспозиции, будет сказано ниже.

Вооруженные силы, армия тесно связаны с патриотизмом, государственной **безопасностью**, прославлением героических деяний наших предков, со многими другими аспектами воспитания населения, особенно молодежи. Кроме того, вооруженные силы — по типу своей организации — имеют ощутимый **интернациональный характер**. Специфика вооруженных сил тесно связана с таким особым пониманием **свободы**, как отсутствие гнета и принуждения со стороны зарубежных народов и держав. Это особенно важно в нынешних условиях однополярного мира, когда ни одна (или почти ни одна) страна не может себя чувствовать свободной от зарубежного вмешательства.

¹ Перепелкин Л.С. Человек в семье. Проблемы естественного воспроизводства в европейско-христианском ареале // Резник Ю.М., Тлостанова М.В. (ред.) Вопросы социальной теории: альманах-ежегодник. 2011. Т. V. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. М., 2011. С. 392–418.

² Перепелкин Л.С. Социальные институты на заре человеческой истории: к вопросу о «минимуме социальности». Часть 1 // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Том XII. Вып. 2. NN 55–56. М., 2010.

Взаимоотношение населения с государственной властью в Северной Евразии всегда имело особый характер. Поверхностные аналитики пишут исключительно об авторитаризме существовавших на этой территории режимов, но это не совсем верно. При заселении трудных для освоения северных, горных и пустынных территорий, при их защите от внешних вторжений государственная власть обеспечивала необходимый кооперативный эффект за счет повышения требований к населению. В России традиционно взаимодействие населения с властью оценивается через идеал соборности. Это отнюдь не модель парламентаризма (и особенно не та модель, которая была сформулирована Т. Гоббсом). В общем виде понятие «соборность» означает слияние индивидуального и социального¹, в специальном политическом значении соборность — это необходимость государственной власти при принятии решений советоваться с основными социальными группами страны². Сходные представления существуют и в исламе³.

Коллективизм и традиция взаимопомощи имманентны культуре и ценностным ориентациям евразийских народов. Они восходят прежде всего к традиционной крестьянской культуре (русская община, мусульманская махалля). Наиболее яркие проявления взаимопомощи — это русские помочи и среднеазиатский хашар⁴. Более того, по мнению ряда авторов, востребованность этой системы ценностей будет расти в ближайшей и среднесрочной перспективе. Вот что об этом пишут квалифицированные авторы: «Следует ожидать увеличения, а не сокращения лояльности, солидарности, роста сплоченности и организованности коллектива, построения все более мощных коллективных систем безопасности»⁵. Поэтому актуализация по-

¹ Пестрецов А.Ф. Соборность — константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: «Социальные науки». 2008. № 1(9). С. 177. Холодный В.И. Идея соборности и славянофильство. Проблема соборной феноменологии. М.: Коффи, 1994.

² См.: Земские соборы в истории России, а также деятельность современной Общественной палаты.

³ Концепция единства в исламе. [Электронный ресурс] // URL: <http://dumskov.com/bogoslovie/2567-kontseptsiya-edinstva-v-islame> (дата обращения: 01.12.2014).

⁴ Вахитов Р. Взаимопомощь в русской крестьянской общине. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.meso Eurasia.org/archives/9196> (дата обращения: 20.11.2019).

⁵ Бадалян Л., Криворотов В. Конец истории, или Новое Средневековье // Однако. 2014, октябрь-ноябрь. С. 52.

добных ценностей, в противовес ценностям либерального индивидуализма, может быть нашим конкурентным преимуществом.

Этнокультурная и религиозная терпимость всегда была присуща народам нашего большого региона. В результате ни в Российской империи, ни в Советском Союзе не исчез ни один народ и ни одна конфессия (даже при атеистической политике). Пропаганда этой мировоззренческой парадигмы особенно актуальна сейчас, когда на планете идет ужесточение межэтнических и межрелигиозных отношений. Поэтому планируемые экспозиции и выставки должны делать акцент на людях разных национальностей и конфессий, принявших участие в освоении обширных территорий и создании огромного региона.

Ценность экономической самостоятельности (автономии). Общее евразийское пространство сформировалось на территориях, которые пересекались торговыми путями, связывающими различные цивилизационные центры. Это пути «из варяг в греки», из «варяг в хазары», Великий шелковый путь и т.д. В последние столетия к этому списку добавились Северный морской путь, Транссиб, Китайская великая железная дорога, планируется воссоздание Шелкового пути. Исторически сложившаяся транзитность территории региона и процессы глобализации отнюдь не предполагают растворения экономик наших стран в мировой экономической системе. Более того, в условиях глобализации необходима относительная экономическая самостоятельность, предполагающая укрепление соответствующих связей между членами Евразийского союза¹. Это одно из важнейших условий для безопасности и развития региона.

Ценность знания и достижений в научно-технической сфере. Известно, что важнейшими центрами научно-технического развития были в свое время Китай, Арабский мир, а впоследствии Западная Европа. Но уже с начала XVIII века ценности науки, образования, технического прогресса адекватно проросли на почве Российской империи. Наши страны дали миру множество научных открытий, масштабных проектов (включая

¹ Конечно, экономическая автономия не означает автаркию, которая существовала в советские годы.

освоение космоса, в чем мы пока впереди остального мира), образовательных стандартов. И в этом отношении экспозиция музея Северной Евразии, его экскурсионная работа и лекционная деятельность должны давать необходимый стимул для укрепления соответствующих личностных стимулов, для их преобразования в реальную творческую деятельность.

Люди-носители евразийских ценностей как объекты экспозиции: от человека к ценности

Как лучше организовать экспозиционно-выставочную деятельность музея, учитывая перечисленные выше ценностные ориентиры и воздействие экспозиции на впечатление посетителей. К этому вопросу — с психологической точки зрения — близко подошла относительно новая дисциплина культурсоциология¹.

«Центральными понятиями в концепции культурсоциологии являются сакральные смыслы добра и зла, социальные группы, преисполняющиеся сильными чувствами в отношении событий, лиц, деяний, соотносимых с этими символами, а также ритуалы, связанные с осквернением и очищением»². Речь идет о необходимости достаточно сильного эмоционального воздействия на аудиторию, чтобы набор предложенных ценностей рассматривался в дихотомии «добро» — «зло». Конечно, при подобном подходе будет фактически проведена определенная граница между «своими» и «чужими». Так что целевой аудиторией могут быть не люди или социальные группы, уже определившиеся в своих предпочтениях, а те (и это абсолютное большинство), кто не имеет мнения по данной (евразийской) проблеме.

Вероятно, наибольшего эффекта в смысле укрепления евразийского единства и соответствующих ценностных ориентаций можно добиться в том случае, если внимание экспозиции

¹ Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практикс, 2013.

² Розов Н.С. «Бои за историю» в России. Культурсоциология и ментальная динамика раскола // Историческая психология и социальная история. Научно-теоретический журнал. М., 2014. Т. 7. № 1. С. 122.

будет сосредоточено на конкретных людях, их биографиях и деяниях — на тех, кто создавал и укреплял Российскую империю и Советский Союз. Кстати, таких людей множество, и поэтому экспозиция может обновляться в течение длительного времени. Кстати говоря, подобные экспозиции могут стать хорошей основой для электронной энциклопедии «Северная Евразия: страны, люди, идеи».

В России и странах Центральной Евразии всегда был повышенный интерес к великим, известным или «замечательным» людям, о чем говорит популярность книг из серии «Жизнь замечательных людей». О том, что исторические события, идеи, мироощущения вполне могут быть переданы в экспозиционно-выставочной деятельности через персоналии, говорит успех выставок «Романовы» и «Рюриковичи».

В массовом сознании укоренены положительно и отрицательно окрашенные ценности по поводу исторических событий и процессов. Так, среди символов гордости присутствуют следующие: развитие космонавтики (32.6 % опрошенных), победа над фашизмом (23.2%), научные достижения (15.7%), культура и искусство (13.6%), создание военной техники (7.3%). Наоборот, среди отрицательных событий выделяются: война в Чечне (21.0% опрошенных), сталинские репрессии (13.6%), горбачевская перестройка (12.7%), война в Афганистане (9.2%), развал СССР (6.6%)¹. Таким образом, в нашей стране есть хорошо подготовленная для планируемого музея почва в виде уже существующих ценностных ориентаций граждан. Еще лучше это положение представлено в приведенной ниже таблице².

Что в первую очередь связано у Вас с мыслью о Вашем народе?	Год опроса		
	1989	1994	1999
Наше прошлое, наша история	26.9%	37.0%	48.0%

¹ Кузнецова А.В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества. Дисс. ... канд. социологич. наук. М.: 2004. С. 106.

² Мухаммедова Л.И. Трансформация управления образованием в регионе в условиях формирования рыночных отношений: социологический анализ. М., 2001. С. 28.

Наша земля, территория	12.0%	25.9%	26.0%
Душевные качества моего народа	14.0%	16.0%	19.0%
Великие люди моей национальности	8.0%	10.0%	14.0%
Наше трудолюбие, хозяйственность	5.0%	6.0%	10.0%
Наша военная мощь	2.0%	5.0%	7.0%

По итогам проведенного в 2008 г. телефонного, СМС и Интернет-голосования (в нем участвовали сотни тысяч человек) рейтинг патриотов России (12 наиболее часто упоминаемых людей) выглядит следующим образом (по мере уменьшения рейтинга): Александр Невский, Петр Столыпин, Иосиф Сталин, Александр Пушкин, Петр I, Владимир Ленин, Федор Достоевский, Александр Суворов, Дмитрий Менделеев, Иван IV Грозный, Екатерина II, Александр II¹. Кстати говоря, этот список указывает с полной очевидностью на то, что в опросе принимали участие люди не только разных, но даже противоположных политических ориентаций.

По результатам анкетирования учащихся и студентов Москвы и Московской обл. автор составил список из 100 патриотов России. Нет необходимости приводить его полностью, так как для нас здесь важны рубрики, а именно: цари и императоры; руководители государства и политики; полководцы и флотоводцы; военнослужащие (герои); ученые и педагоги; изобретатели конструкторы; врачи; священнослужители; поэты и писатели; художники и скульпторы; композиторы; актеры и кинорежиссеры; спортсмены². Следует отметить, что в этом списке присутствуют не только русские фамилии.

Надо указать на высокую востребованность информации подобного рода для наших соотечественников и современников. Это видно хотя бы из факта существования в Интернете ряда сайтов, посвященных людям, которые создавали и укрепляли Империю, СССР, а также нынешнюю Россию. Это такие сайты,

¹ Микрюков В.Ю. Азбука патриота. Друзья и враги России. М.: Книжный мир, 2013. С. 83.

² Там же. С. 85–113.

как «Русский эксперт» (например: Знаменитые государственные и военные..., 2014), «Федерация» (например: Знаменитые люди России, 2014), «Энциклопедия истории России». Сказанное дает хорошие основания для того, чтобы наладить экспозиционно-выставочную деятельность предлагаемого здесь музейного проекта на основе персональных историй.

На базе этих материалов можно предложить осуществлять экспозиционно-выставочную деятельность музея Северной Евразии по следующим рубрикам: государственные (политические) деятели (Петр Бекетов, Богдан Хмельницкий, Петр Столыпин, Ахмад Кадыров и т.д.); военные деятели, полководцы и флотоводцы (Александр Невский, Ермак Тимофеевич, Александр Суворов, Георгий Жуков); герои-военнослужащие (Евпатий Коловрат, Надежда Дурова, Рихард Зорге, Александр Маринеско); путешественники и первооткрыватели (Семен Дежнев, Чокан Валиханов, Отто Шмидт); знаменитые ученые и деятели образования (Михаил Ломоносов, Дмитрий Менделеев, Андрей Сахаров); философы и мыслители (Григорий Сковорода, Петр Чаадаев, Исмаил Гаспринский); изобретатели и конструкторы (Александр Попов, Сергей Королев, Михаил Калашников); промышленники и предприниматели (Аникей Строганов, Никита Демидов, Людвиг Нобель); священнослужители всех конфессий, канонизированные святые (Владимир Святой, Сергей Радонежский, Феофан Прокопович); деятели культуры: литература и поэзия, музыка, изобразительное искусство и киноискусство (от создателя «Слова о полку Игореве» до балетмейстера и хореографа Юрия Григоровича); врачи (Николай Пирогов, Сергей Боткин, Николай Бурденко); юристы и теоретики права (Федор Плевако, Анатолий Кони, Николай Муравьев); спортсмены (Лев Яшин, Владислав Третьяк, Константин Бесков). Понятно, что некоторые из этих персонажей могут «проходить по нескольким номинациям».

Подобного рода инициативы разнообразны. Недавно Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования начал серию DVD-публикаций под общим названием «Мусульмане, которыми гордится Россия» (автор и руководитель проекта Ахмад Макаров; планируется 8 серий, пока вышло 2). Подобного

рода начинания, конечно, следует учитывать при разработке данного проекта, а их участников — привлекать к экспозиционно-выставочной деятельности. Очевидно: в экспозициях нужно как можно шире отражать этнокультурную и религиозную палитру Северной Евразии, по возможности избегая или сильно сокращая материалы о тех, кто еще жив, или тех, чья деятельность хорошо отражена в других музеях, а также тех, чей жизненный путь имеет неоднозначные (и особенно полярные) оценки. Ведь цель подобного проекта — не разъединять людей, а объединять их.

Методы экспозиционно-выставочной деятельности

Метод подсказывает направление мышления, основные принципы и подходы к познанию объекта или субъекта. В реальной музейной деятельности существует не одна тотальная «технология», а диапазон методов музейно-экспозиционного проектирования¹. Среди них есть как научные или научно-популярные методы, так и художественные. К первым относятся коллекционный, ансамблевый и иллюстративно-тематический методы. Ко вторым — музейно-образный и образно-сюжетный или, иначе, художественно-мифологический. Выбор каждого из названных методов зависит от локальной цели, которую сознательно или интуитивно ставят создатели экспозиции.

Применительно к данной теме будет адекватен художественный метод музейного проектирования, известный как «образно-сюжетный», или, точнее, «художественно-мифологический». Цель авторов, использующих подобный метод, — создать художественно-мифологическую модель интересующего нас историко-культурного процесса или явления, основанную на сюжетной коллизии, учитывающую мемориальную ауру экспозиционного пространства и сохраняющую музейную специфику. К понятию «мифология», обозначающему познание тайной, метафизической и трансцендентной реальности через земные

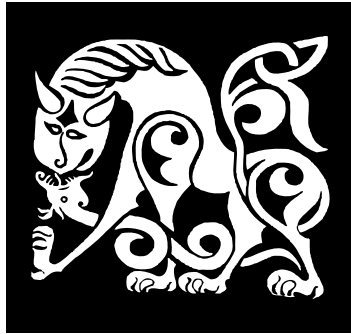
¹ Поляков Т.П. Музейная колея, или о методах и технологиях проектирования музейных экспозиций. М., 2009 (рукопись — 27 с.).

артефакты, принципиально добавляется определение «художественная», выводящее эти реалии, объекты и предметы на философско-поэтический уровень.

В данном случае рождается синтетическое произведение искусства, выходящее за рамки трех измерений, за рамки изобразительных искусств и активно вбирающее в свою ткань элементы литературы, драматургии и театра. Сегодня в актив художественно-мифологических экспозиций — добавляет Т.П. Поляков — можно записать и электронные технологии. С одним «но». Они применяются не формально, по причине эпохальной моды, а с учетом сюжетной коллизии, заставляющей эти агрессивные технологии проявляться там, где без них уже невозможно обойтись. Эти технологии решают проблемы информации, в частности, этикетаж, а также позволяют создавать виртуальные экспонаты, отсутствующие в коллекции (не представленные в экспозиции).

Предлагаемая концепция, несомненно, несколько отличается от традиционной и современной музейной деятельности. Речь идет (возможно) о новой экспозиционно-выставочной практике, при которой необходимо: 1) донести до посетителя «в ненавязчивом» виде, через деятельность конкретных исторических личностей, некоторый набор достаточно простых на первый взгляд идей; 2) при помощи регулярной смены экспозиций делать это не в статистическом, а в динамическом режиме (например, образ Сергея Радонежского и Георгия Жукова каждому посетителю — но по-своему — расскажут о ценности патриотизма). Это, как нам представляется, достаточно новая и интересная задача для музейного проектирования.

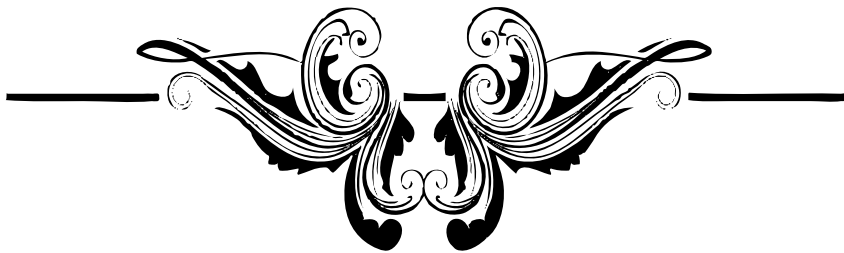
ГЛАВА II

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА КОММУНИКАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Было бы в корне неверным описывать исторический опыт евразийских коммуникаций исключительно в положительных или только в негативных красках: и в том, и в другом случае это было бы необъективным. История народов Центральной Евразии содержит в себе как примеры конструктивного сотрудничества, так и примеры конфронтации и противостояния. Накопление опыта коммуникации на уровне «жизненного мира» конкретного человека хорошо отслеживается на уровне местной общины. В книге такая связь отслеживается на примере иранских этнических сообществ, которые по-разному складывались на территории Южного Кавказа и Центральной Азии. Иранские отходники, мигрировавшие в эти регионы, в конце XIX–начале XX в. составляли важную часть местных обществ.

Противоречивость евразийских коммуникаций прослеживается при анализе имперской интеграции, деятельности местных военных администраций, а также изложении основных версий андижанских событий 1898 г. Основной упор сделан на историографию дореволюционной имперской прессы, а также на опровержение религиозных версий сложных общественно-политических событий в регионе, требующих особой деликатности и профессионализма.

Многовекторность политических коммуникаций в новейшей истории Центральной Евразии прослеживается на примере Узбекистана — ключевого государства региона с точки зрения «коннективности», которое можно назвать перекрестком коммуникаций региона. Современный Узбекистан сохранил преемственность с политическим и экономическим курсом предыдущего времени, однако на новом этапе для внешней стратегии страны стали характерны активность, прагматизм, усиленное внимание к вопросам торгово-экономического взаимодействия.

Л.С. Перепелкин

**§ 1. Роль Российского государства
в расширении пространства евразийских
коммуникаций в XVI–XXI вв.**

С момента своего возникновения Россия, как и вся Европа, в значительной степени была поликультурной, полиэтнической и многоконфессиональной. В этих условиях государственная лояльность осуществлялась по отношению к власти в первую очередь, а по отношению к партикуляристским группам — во вторую. Иное стало происходить в Новое время, когда принципы модерна стали **требовать** универсальности человеческих обществ и культур, причем зачастую по этническим основаниям. И здесь впервые остро возник конфликт между **универсальностью национальных государств и партикулярностью локальных сообществ**. Это противостояние до настоящего времени не только не разрешено, но и нарастает.

Применительно к России можно сказать, что «связующей темой» между разнообразием географического пространства России, ее полиэтничностью и многоконфессиональностью, пребыванием между различными культурно-цивилизационными центрами, при отсутствии четких географических границ на западе и на юге, является государственное устройство страны и проводимая ею национальная политика. Несомнен-

но, что сама проблематика национальной политики (именно как государственной тактики и стратегии¹) была отрефлексирована поздно, только в середине-конце XIX в. Вместе с тем подобная **практика** существовала значительно раньше, а поэтому вполне возможна тематическая преемственность между ранними и поздними этапами национальной политики в России. Рассмотрим этот вопрос начиная с XVI в., когда Россия начинала превращаться в империю (под империей здесь понимается государство, сочетающее партикуляристскую сущность с универсалистскими нормативами²).

Естественно, **российская национальная политика с течением времени изменялась**, включала новые элементы, модифицировалась — ведь изменялись и сами объекты управления. Например, для XVIII в. такими новациями можно считать **описание страны** в результате академических географических экспедиций, создание **карт** Российской империи. Это направление продолжилось и в XIX в., причем важным этапом на этом пути «учета и контроля» была проведенная в 1897 г. **первая перепись населения**. В первой половине XIX в. национальная политика пополнилась таким важным инструментом, как **особое отношение к « народам, ведущим традиционный образ жизни »**. Это направление было сформулировано генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанским и его сотруд-

¹ В этой работе используется следующее определение национальной политики: это система законодательных, организационных и идеологических мер, осуществляемых государством и направленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, на разрешение противоречий в сфере национальных отношений. Это целенаправленная деятельность по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими группами, закреплённая в соответствующих политических документах и правовых актах государства. Национальная политика как целостная система представляет собой концентрированное выражение социальной, экономической, языковой, региональной, миграционной, демографической политики.

² Искусство поддержания баланса между партикуляризмом и универсализмом в политическом сообществе можно считать имперским вариантом национальной политики. Цель ее — поддержание гегемонии со стороны метрополии, а главный инструмент — сочетание прямого и косвенного управления. Следует добавить, что именно в имперских социальных образованиях происходит подъем высокой, «имперской» культуры. При этом имперский критерий монархической легитимности применительно к СССР уступил место идеологической легитимности, «гарантами» которой выступали третий интернационал и международное рабочее (коммунистическое, социалистическое) движение. Коммунистическая или социалистическая идеология заменяли имперскую, а также религиозную идеи. Русский, а затем и советский народ как новая историческая общность выполняли роль имперской нации.

ником Г.С. Батеньковым в двух документах: «Устав об управлении инородцев» и «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Кажется, это был первый в мире случай официального признания проблемы.

В XIX в. начали формироваться и основные **идеологемы «национального вопроса»** — у декабристов, сибирских «автономистов», участников национальных движений и политических партий. В XX век Россия вошла с двумя основными политическими идеями по национальному вопросу: идеей **«культурной автономии»** (австро-марксисты) и «территориальной автономии», включая **«право наций на самоопределение вплоть до отделения»** (В. Вильсон, В. Ленин). В 1920-е и 1930-е гг. обе концепции сосуществовали. Функционировали многочисленные культурные автономии, и были созданы письменные системы для народов, не имеющих письменности. Но с середины 1930-х гг. упор стал делаться на формальной территориальной автономии в ущерб автономии культурной, а также на ассимиляции малых народов (идея «зональных языков» И. Сталина). Соотношение таких элементов национальной политики, как культурная автономия, территориальная автономия, самоопределение и государственный суверенитет, — и сейчас не очень выверено.

Анализ имперской национальной политики включает три вопроса: 1) ее базовые элементы; 2) инновации в национальной политике; 3) «эксцессы» в национальной политике. Остановимся только на первом вопросе. Здесь выделяются следующие базовые элементы национальной политики Российской империи:

1. Расширение пространства политической коммуникации путем территориальной экспансии. Распространение политического влияния на новые территории — характерная черта всех имперских социальных организмов. Ограничением здесь обычно выступают или естественные географические, или «естественные» политические рубежи. По сути, речь идет о распространении имперских/цивилизационных принципов, что в настоящее время характерно для «обобщенного Запада». Случаи, когда экспансия ограничивается здравым смыслом (например, продажа Россией своих владений на Аляске) достаточно редки. Для России и СССР естественными границами стали на Севере и Востоке два океана,

а на Юге и Западе сильные государства и другие имперские организмы. В середине XVI в. Русское государство приступило к ликвидации опасности, угрожавшей со стороны Казанского и Астраханского ханств. Это был первый опыт российской экспансии в пределы государств, созданных неславянскими народами, положивший начало, по существу, трансконтинентальному территориальному расширению российской государственности. Начало было положено завоеванием Казани.

В дальнейшем территориальное расширение осуществлялось в разных направлениях, причем для каждого столетия были характерны свои задачи. В XVIII в. было характерно расширение в восточном, южном и западном направлениях; для XIX в. была актуальной экспансия на Юг и Юго-Восток; в XX в. был избран западный вектор (хотя в 1943 г. к СССР была присоединена Тува). Можно, однако, отметить, что Советский Союз стремился не столько к территориальным приращениям, сколько к глобальному распространению своего влияния, в том числе по идеологическим критериям, а также на основе реальной экономической помощи.

Можно выделить разные механизмы территориальной экспансии. Это и непосредственные военные завоевания: Сибирь, Средняя Азия, Кавказ, Крым, Прибалтика (XVI–XIX вв.). Это и добровольные, а также квазидобровольные присоединения, в том числе и в поисках российского покровительства: Казахстан и Грузия (XIX в.), Украина (XVIII в.), Прибалтика в 1940 г. Это и разделение сфер влияния с другими имперскими державами: в Польше с Пруссией и Австро-Венгрией — в конце XVIII в. (три раздела Польши); в Средней Азии с Великобританией — в конце XIX в.; в Польше с Третьим рейхом — в 1939 г. (присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии); в Восточной и Центральной Европе по договоренности с США и Великобританией на Тегеранской и Ялтинской конференциях (создание системы «стран народной демократии»).

Одним из первых шагов в этом направлении было присоединение Казанского ханства. На практике план присоединения Казанского ханства к России осуществляли боярин И.В. Шереметев, приближенный царя костромской дворянин А.Ф. Адашев и дьяк И. Михайлов. Духовным руководителем «партии завоевания» был митрополит Макарий. Первона-

чальный замысел предполагал вынудить казанцев признать вассальную зависимость от России и заключить нечто вроде личной унии, типичной для государственных организмов того времени. В 1549 и 1550 г. состоялось несколько неудачных походов русских войск на Казань. Хорошо подготовленный поход 1551 г. (в нем участвовали европейские военные специалисты) привел к желаемому результату: Казань вынуждена была сдаться, и курултай 14 августа 1551 г. разработал проект присоединения Казанского ханства к России.

В ходе длительных дипломатических переговоров самой казанской стороной был выработан автономный статус Казанского ханства в составе Русского государства, предполагавший: 1) сохранение мусульманской администрации (причем назначением на административные должности и увольнением с них должен был ведать наместник, а не русский царь); 2) сохранение финансовой автономии ханства (его казной должен был распоряжаться наместник, а не центральное правительство); 3) ограничение местной власти в части наделения землей (это право предоставлялось русскому царю, а не его наместнику). Новый статус Казанского ханства включал запрещение христианского рабства и освобождение всех рабов, а также возвращение в состав ханства горной (правобережной) части территории, отошедшей в ходе военной кампании к России.

Идее казанской автономии в составе Российского государства, однако, не суждено было реализоваться в намеченном виде. Участники переговоров с Россией, князья (ханы) Ислам и Кебек, а также мурза А. Нарыков 9 марта 1552 г. подняли в Казани восстание и не пустили туда русскую администрацию. Началась война за независимость, продолжавшаяся с 1552 по 1556 г. В результате в октябре 1552 г. русской армией была захвачена и полностью разорена Казань, в течение последующих четырех лет подавлялось сопротивление на всей территории Казанского ханства. Было подавлено и антирусское восстание, вспыхнувшее в теперь уже бывшем Казанском ханстве в 1582 г. Оно перестало существовать, став административной частью Русского государства. Вместе с Казанским ханством в состав России вошли и зависимые от него народы: мордва, чуваша, марийцы, удмурты. Их присоединение имело частично добровольный (в 1546 г. горные черемисы перешли под главенство России), а частично

насильственный характер (некоторые из этих народов участвовали в борьбе казанских татар против российской экспансии).

Из самой Казани и близлежащих районов было изгнано татарское население. Сюда еще до окончания войны хлынули потоки русских крестьян-переселенцев, привлеченные свободной и плодородной землей. Преобладание русских жителей в районе Казани отмечалось и в начале XX в., хотя в целом ареал проживания казанских татар с середины XVI по начало XX в. изменился незначительно.

2. Разностатусность имперского сообщества. При расширении Российской империи вновь присоединенные территории, обладавшие собственной государственной системой, обычно получали автономный статус. Особыми типами территорий (с XVIII в.) выступали генерал-губернаторства, впоследствии края — пограничные земли, где военная и гражданская власть сосредоточивались в одних руках. Территориями и подданными Империи с особым статусом выступали казачество и казачьи земли (в начале XX в. в России было 11 казачьих войск). Казачество было особой привилегированной социальной группой, причем она включала не только русских: в казачьих войсках состояли башкиры, часть калмыков, осетин и бурят. Разностатусность касалась и жителей Империи: славяне и православные занимали особое положение, причем не всегда выгодное по сравнению с «инородцами» (на последних не распространялись крепостное право и обязанность воинской службы). Особым статусом обладало еврейское население, ограниченное в передвижении чертой оседлости. Чтобы приобрести полноценные права подданного Империи, еврею было необходимо или креститься, или получить высшее образование, или, по крайней мере, статус купца 2-й гильдии.

В советские годы принцип разностатусности был существенно сглажен, но все-таки сохранился. Так, все народы СССР делились на меньшинства, не обладающие территориальной автономией; обладающие автономиями в виде национальных округов, автономных республик, союзных республик. РСФСР явно рассматривалась как метрополия: это видно хотя бы потому, что она использовала ряд общесоюзных институтов, таких, как КПСС (в республиках были республиканские партийные организации) и АН СССР.

3. Смещение элит и «коммуникация сверху».

Это важнейший инструмент имперской национальной политики, подразумевающий развитие системы косвенного управления. Российское дворянство постоянно (за незначительными исключениями) пополнялось за счет привилегированных сословий других народов. По существу, в стране сложился единый полиэтнический правящий класс, занесенный в так называемую Бархатную книгу. В XIX в. элитный слой пополнился личным дворянством и системой почетных граждан. Нередко шла сознательная подготовка его «национальных кадров», например, через Конвой Его Императорского Величества, где проходили службу выходцы из дворянских семей Кавказа.

Особым направлением государственной национальной политики были взаимоотношения с правящими элитами многочисленных российских народов. Правящий слой России, как и любой средневековой страны, был изначально весьма сложен по своему происхождению. Сами Рюриковичи, основавшие первую правящую династию, имели скандинавские корни, а предки Романовых, второй правящей династии, были выходцами из Литвы. Дореволюционный исследователь высшего российского дворянства, П.Н. Петров выделяет роды князей литовского, европейского, финского, угорского, татарского, мордовского, бурятского, юкагирского, киргизского, калмыцкого, грузинского и проч. нерусского происхождения. Другой дореволюционный исследователь, Е.П. Карнович, даже полагал, что «из дворянских фамилий, внесенных в Бархатную книгу (столбовое дворянство. — *Авт.*), кроме фамилий, происшедших от Рюрика, нет ни одной не только коренной московской, но даже вообще и великорусской фамилии». «Правда, — добавлял он, — что все древние иноземные роды давно уже и вполне обрусели»¹.

Русское правительство стремилось уменьшить сопротивление во вновь присоединенных землях, облегчить управление этими районами. Самое простое и надежное, что можно было сделать в этом направлении, — привлечь на свою сторону местную правящую верхушку, создав систему так называемого

¹ Речь идет о книге дореволюционного русского историка Е.П. Карновича.

«косвенного управления». Нормой было включение местного правящего сословия в состав российского дворянства.

Подобная политика продолжалась и в дальнейшем, причем лишь во второй половине XVIII в. украинские и татарские феодалы добились равноправия с другими группами дворянства. Хотя феодальные верхушки некоторых народов не добились прав и привилегий российского дворянства вовсе, перепись 1897 г. показала, что в это время только 53% потомственных дворян назвали родным русский язык. Иными словами, в последние десятилетия самодержавия почти половина привилегированного сословия была не русской по происхождению.

В советские годы создание многонациональной элиты проходило по линии высшего образования и Коммунистической партии — так формировалась советская многонациональная номенклатура. Следует отметить ее исключительную территориальную мобильность, которую центральная власть пыталась противопоставить местничеству, созданию национальных элитных кланов (нередко это не удавалось, что можно видеть уже в постсоветское время).

4. Национальные воинские формирования. Особой формой национальной политики можно считать создание национальных воинских формирований, связывающих народы страны самой высокой жертвой — кровью. Они были характерны для России и до XVI в. — легкая татарская конница нередко составляла фланги русских войск. В имперской России «инородцы» в большинстве своем не обязаны были проходить воинскую службу, но часто шли в армию добровольно и формировали отдельные воинские подразделения. Наиболее известное из них — так называемая Дикая дивизия, созданная на базе выходцев с Северного Кавказа. В советское время национальные воинские формирования сначала создавались за счет территориальной системы организации войска. В 1940-е гг. было создано несколько национальных воинских соединений, например, Эстонский и Латышский корпуса. Служба в армии, а особенно участие в боевых действиях в составе национальных воинских подразделений, несомненно, способствует консолидации полиэтнического сообщества.

5. Насильственная коммуникация и колонизационные процессы. «Освоение» присоединенной территории —

одно из важных направлений имперской национальной политики. Колонизация развивалась по трем моделям: стихийная, регулируемая и принудительная. До 1970-х гг. основные потоки направлялись из Европейской России в Азиатскую часть страны, с Севера — на Юг, из промышленных регионов — в аграрные, из русских территорий — в инонациональные. Впоследствии стала развиваться возвратная миграция: из бывших окраин — в бывшую метрополию. Как правило, массовая миграция из европейской части страны в азиатскую обходила плотнозаселенные инонациональные территории.

Формы стихийной миграции были разнообразны: это и крестьянская миграция на пустующие земли, и трудовая миграция в районы быстрого промышленного освоения. К регулируемой миграции можно отнести, например, предоставление Екатериной Великой европейцам (чаще немцам) земель для освоения; приглашение корейцев для освоения Дальнего Востока (с 1860-х гг.); столыпинскую реформу; советский оргнабор.

Принудительная колонизация связана прежде всего с заселением пустующих земель заключенными или «неблагонадежными» гражданами, например религиозными сектантами. Нередко колонизационные процессы сопровождались отбором у местных жителей части земель, используемых «экстенсивно». Однако чаще всего колонизационные потоки «обтекали» крупные массивы инонационального населения. Особо активно колонизация развивалась в советские годы, внося свои коррективы в этнический состав населения отдельных территорий.

6. Имперская идея. Важным способом объединения и укрепления полиэтнических государств имперского типа выступает имперская идея. Это относится и к России, которая, впрочем, никогда не была колониальной империей (она была империей континентальной). Российская имперская идея в формулировке «Москва — третий Рим» возникла еще при Иване III, но широкое распространение получила при Иване IV Грозном, провозглашенным царем. Эта идея предполагала, что Россия — единственная православная страна в мире, а поэтому вынуждена распространять православие и защищать православное население в других странах мира.

Строго говоря, империей Россия стала лишь в 1721 г., войдя в круг других европейских империй. Религиозные аспекты

имперской идеи не ушли на второй план (например, помощь христианам Закавказья), но стали дополняться. Так, в XVIII в. добавилась идея по основным аспектам (промышленность, государственное устройство, армия, флот, наука, искусство и т.д.) встать вровень с другими европейскими державами и равноправно участвовать в европейском концерте. В XIX вв. — идеи панславизма и особенно защиты балканских славян (особенно идеи завоевания Проливов). В это же время, особенно между Отечественной и Крымской войнами) стали продвигаться идеи о доминировании в Европе и на значительной части Азии.

Развитие имперской идеи в этом направлении было приостановлено Русско-японской и Первой мировой войной, а также революцией 1917 г. Но по сути лозунги и политика «построения социализма в одной стране», «защиты трудящихся», «помощи международному рабочему движению» — это инобытие традиционной отечественной имперской идеи.

7. Религиозная политика и религиозная коммуникация. Несмотря на то, что идеология Российской империи была «православоцентричной», миссионерская активность развивалась в первую очередь среди языческого населения. Возможно, в этом сказался опыт XVI–XVII вв., когда попытки крещения татар-мусульман оказались малоэффективными (хотя и появилась отдельная группа крещеных татар — кряшены). В некоторые годы XIX в. православие в результате миссионерской деятельности принимало столько же людей, сколько переходило из него в другие конфессии. Гонения на иноверцев носили скорее характер «эксцессов» (например, «дело Бейлиса», «Мултанское дело» и т.д.).

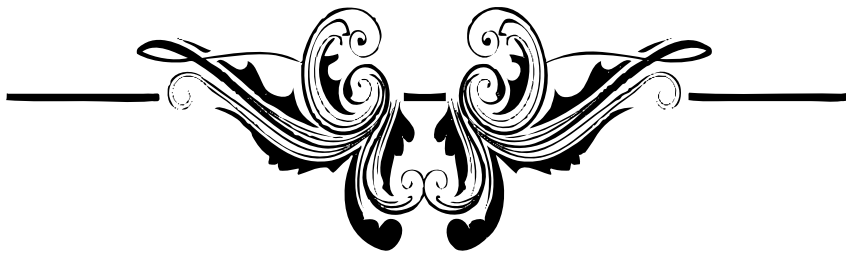
Нельзя сказать, что все конфессии пользовались равноправием. В привилегированном положении были православные и другие христианские конфессии (за исключением сект, отделившихся от православия, представителей которых могли выселять на окраины). Мусульмане не подвергались гонениям, хотя испытывали некоторые притеснения. Но, скажем, обязанность служить в армии на большинство мусульман, за исключением татар и башкир, не возлагалась (хотя мусульмане могли идти в армию добровольно). Кстати говоря, мобилизация мусульман на прифронтовые работы породила восстание в 1916 г. В худшем положении находились евреи-иудеи, чья жизнь ограничивалась

чертой оседлости, нередкими погромами, а также случаями насильственного крещения детей (так называемые кантонисты, военнотружущие).

В 1944 г. была восстановлена Патриархия, а в последние десятилетия существования СССР официальная власть и верующие жили «параллельно». Общая российская традиция в этой области — развитие государственного контроля за религиозной жизнью. Он начался с созданием Святейшего синода и муфтията (начало и середина XVIII в.) и продолжился в деятельности Отдела по делам религии ЦК КПСС. По существу, произошла «секуляризация наоборот» — не отделение религиозных организаций от государства, а их включение в государственную структуру. Подобная практика сейчас имеет место во многих мусульманских странах.

8. Правовая система. Важное место в поддержании баланса между универсализмом и партикуляризмом имеют особенности юридической жизни и судебной системы. В Российской империи действовали общегосударственные правовые уложения и местные правовые системы. Например, тяжкие правонарушения рассматривались на основе общегосударственных законов, а незначительные — на базе местного права (шариата или адатов). Даже в ранние советские годы сохранилась особенная часть права, рассматривающая преступления, связанные с «пережитками родового быта» (баранта, кровная месть, бачибазство и т.д.). Несмотря на постепенную унификацию правовой системы, до самого последнего времени сохранялись разночтения в республиканских кодексах (например, в том, что касалось семейного права).

В целом, несмотря на наличие многочисленных эксцессов (например, выселения или переселения народов), национальная политика в России на имперском этапе развития соответствовала государственным задачам и не была такой «людоедской», как, например, политика Британской империи. Сейчас же в этой сфере есть совершенно новые вызовы, связанные с формированием Евразийского экономического союза, развитием миграционных процессов и необходимостью формирования гражданской нации.

В.О. Бобровников

**§ 2. Имперская интеграция
или колониальная сегрегация в управлении
восточными инородцами?
(военно-народное управление на Кавказе
и в Туркестане в 1860-х — 1917 гг.)**

Южные окраины России сложились как регионы в позднюю имперскую и советскую эпохи. Тогда же и Кавказский край как их часть принял свои привычные очертания. Весь регион нередко представляют себе отсталой и замкнутой окраиной, своего рода медвежьим углом, невосприимчивым к поздно доходившим сюда нововведениям. Этот стереотип, созданный в русской литературе XIX — начала XX в.¹, рушится при внимательном

¹ Архаичность и замкнутость общественного устройства туземцев Кавказского края, составляет общее место описаний путешественников, краеведов и первых исследователей истории региона в XIX в. Например, путешественник и публицист Е.Л. Марков видел в народах российского Кавказа экспонаты паноптикума или музея под открытым небом. «На Кавказе, — писал он, — мы можем в некотором смысле видеть своими глазами и слышать своими ушами людей, языки и быт, исчезнувшие с лица остальной земли многие столетия тому назад» (Живописная Россия, отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общей ред. П.П. Семенова. Т. IX. Кавказ. М., Насыров, 2008 (репринт изд.: М., 1898). С. 21). Ему вторит востоковед А.П. Берже, в самом конце XIX в. полагавший, что, например, «у чеченцев общественный быт отличается тою патриархальностью и простотою, какие мы находим в первобытных обществах» (Там же. С. 174). Резюмируя представления российских наблюда-

изучении источников. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены в общественном и политическом устройстве России. Сразу после окончания Кавказской войны XIX в. здесь начался длинный ряд реформ, окончившихся уже в советское время. Эти преобразования определили ход развития местного общества и его положение в составе Российского государства более чем на полвека. Их общее направление во многом было задано в эпоху «Великих реформ» при Александре II. Истоки реформ, как в России, так и на российском Северном Кавказе, нужно искать в царствование его предшественников, при которых сначала Закавказье, а затем и Северный Кавказ вошли в состав Российского государства.

Реформы и контрреформы 1860–1880-х гг. поразительно быстро достигли кавказских границ. Притом, что общие цели в центре и на периферии совпадали, регион, конечно, имел немалое своеобразие. С одной стороны, сказывались последствия недавней Кавказской войны и массовой эмиграции горцев в Османскую империю (мухаджирства). С другой стороны, Кавказ был тесно связан с важнейшими восточными и западными окраинами империи, такими как Средняя Азия, Сибирь, Польша, Украина. Его присоединение стало еще одним шагом на пути российского продвижения на Восток. Во главе Кавказского края нередко стояли люди, карьера которых начиналась на других окраинах. Методы, испробованные при «умиротворении» Кавказа, затем переносились в русский Туркестан. Северный Кавказ последней трети XIX в. послужил неплохим полигоном для теоретиков и практиков реформ. Впервые примененная здесь система военноподчиненного управления впоследствии была перенесена в Западное Закавказье и Среднюю Азию, присоединенные позднее.

Как с учетом имеющихся первоисточников и новых подходов к истории империй¹ можно охарактеризовать присоединение к России Кавказского края и последующие преобразо-

телей, историк и социолог права М.М. Ковалевский отмечал «поразительную живучесть в среде туземцев Кавказа обычаев и порядков настолько древних, что о них идет речь еще у писателей Греции и Рима» (*Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Майкоп: Афиша, 2006. С. 16*).

¹ Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.

вания управления так называемыми кавказскими горцами? Что регион представлял собой для империи в целом и в частности для Юга России? Была ли это колония, продолжение метрополии или что-то иное? Что можно сказать о методах социальной инженерии, при помощи которых империя пыталась интегрировать регион в Россию и вместе с тем поставить заслон от проникновения на Юг и в Центр России нежелательных новых подданных Российского государства? Какую роль в преобразовании края сыграли сельская община и обычное право, в которых привыкли видеть местные дороссийские традиционные институты, но которые в действительности нередко служили средством осуществления реформ? Чтобы ответить на эти вопросы, достаточно обратиться к источникам на русском и восточных языках, хранящихся в архивах и библиотеках Северного Кавказа и Закавказья, Москвы и Петербурга. Настоящая работа продолжает изыскания автора в этом направлении¹, с упором на изучение интеграционного потенциала имперских проектов.

«Замирение» Кавказа в имперском воображении и административной практике

Завоевание Кавказского края было завершено в ходе Кавказской войны — серии военных кампаний 1817–1864 гг. Оно было вызвано необходимостью обеспечить коммуникации имперского центра с вошедшим в первой трети XIX в. в состав России Закавказьем. При этом предлогом к завоеванию была борьба с разбоями на границах — набегами горцев на принявшие российское подданство грузинские владения и на укрепленную границу по Северному Кавказу — Кавказскую линию.

¹ *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002; *Бобровников В.О.* Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер.* М.: НЛО, 2010; *Бобровников В.О.* Что вышло из проектов создания в России инородцев? (Ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин России) // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / отв. ред. Д. Сдвижков, И. Ширле. Т. II. М.: НЛО, 2012.

О разбое кавказских горцев написаны горы литературы. За всем краем, прежде всего горными областями Северного Кавказа, утвердилась дурная слава разбойничьего гнезда. По словам русских авторов эпохи Кавказской войны XIX в., характерная черта кавказских горцев — страсть к набегам, грабежу и убийствам, — иначе говоря, все то, что в России второй трети XIX в. стали называть хищничеством¹. Кавказские горы восхищали русское общество своей кажущейся первобытностью и свободой, а вместе с тем ужасали дикостью и коварством горцев, населявших их неприступные ущелья. От обожания Кавказа побывавшие тут путешественники и военные переходили к не менее неумеренному порицанию горцев. Характерно в этом смысле высказывание известного публициста и теоретика славянофильства Н.Я. Данилевского (1871): «Кавказские горцы — и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое»². Сравнивая жителей горных ущелий Кавказа с шотландскими гайлендерами, прославленными Вальтер Скоттом, Данилевский надеялся, что на Кавказе Россия пойдет по пути Англии, и уничтожит этот столь же экзотический, сколь и разбойный вертеп.

Взгляд на кавказских горцев как на дикарей, опасных для их цивилизованных соседей, не оригинален. Похожих взглядов придерживались публицисты и этнографы европейских держав, писавшие о заморских территориях своих колониальных держав³. Мусульманская угроза оставалась любимой темой прессы европейских столиц второй половины XIX в.⁴. Подобные стереотипы мусульманского Востока вписываются в хорошо

¹ Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: CambridgeUniversityPress, 1994; Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартынова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глаголь, 1995. С. 31.

³ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. С. 16–40; Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе XIX в. С. 367–383.

⁴ История XIX века / под ред. профессоров Лависса и Рамбо; пер. с фр. под ред. Е.В. Тарле. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1938. С. 371–372.

известную модель ориентализма, сформулированную Эдвардом Саидом¹. Все сходится. Черты воображенного европейцами эпохи колониальных империй Востока во многом напоминают образы Кавказа. Во-первых, он представляет собой антипод Запада. Развитому, гуманному и человечному Западу противопоставит дикий, жестокий и деспотический Восток. Другая его определяющая черта состоит в пассивности. Восток в кривом зеркале ориентализма выступает как материал для изучения востоковедов-ориенталистов и преобразований европейских политиков. Это существа без своей воли и истории. В-третьих, образ Востока, как правило, негативен. Он не только противопоставит, но и угрожает Западу. Отсюда рождаются многочисленные фобии колониального времени, от панисламизма до панмонголизма. Восток просто должен быть покорен и поставлен под власть Запада, иначе восточное варварство поглотит западную культуру и цивилизацию. Еще одна важнейшая черта ориентализма — убежденность в объективности созданного ориенталистами знания о Востоке. В его основу в XIX в. предпочитали класть тексты, пусть даже художественные, но не живых людей, знакомство с которыми лишь искажает общую картину Востока.

Сложившийся в общественном мнении метрополии образ мусульманина-дикаря предопределил методы покорения обоих регионов и способы управления ими. Генерал А.П. Ермолов, с именем которого связано начало Кавказской войны (1817 г.), и его преемники были уверены, что говорить с горцами можно только на языке силы, как с неразумными малыми детьми. Гуманные методы, по их мнению, годились только для Европы, а не на «диком» Востоке, к которому они относили и Кавказ. «Немирные горцы» выдавливались Кавказской армией в горы Дагестана и Чечни, а на Западном Кавказе за Кубань, а позднее оттуда в Османскую империю.

Присоединение Кавказа к России было совершено руками военных. Они же первоначально управляли регионом. До 1844 г. высшей военной и гражданской властью на Русском Кавказе был командующий Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом, главный штаб и ставка которого находились в Тифлисе. При этом немалыми полномочи-

¹ Said E.W. *Orientalism*. 5th ed. L.: Penguin Books, 2003.

ями обладали начальники флангов и даже участков Кавказской линии — прикрывавшей южные рубежи империи укрепленной цепи крепостей и казачьих станиц, которая в эту эпоху постепенно перерезала весь регион по крупным рекам и Главному Кавказскому хребту. Нередко они представляли на местах высшее начальство империи. С 1844 г. полномочия командующего Кавказской линией и армией перешли к наместнику кавказскому, а после упразднения наместничества, в 1881–1905 гг. — отчасти к главноначальствующему гражданской частью, представлявшему собой высшую российскую власть на Кавказе.

Организация местного управления, сложившаяся в годы Кавказской войны, была весьма сложной и запутанной. До начала 1860-х гг. разные районы русского Кавказа с предгорными территориями Юга России не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с территориями, находившимися под прямым российским управлением, которые управлялись по общим законам империи, на Северо-Восточном и отчасти Центральном Кавказе сохранялись мусульманские владения и союзы горских общин под российским протекторатом. Здесь действовало косвенное управление. Власть, суд и сбор налогов были сосредоточены в руках местных владельцев или сельских старшин, действовавших под контролем российских офицеров Кавказской армии¹.

Отношения центра и периферии в Кавказском наместничестве

Общий ход реформ на Северном Кавказе последней трети XIX в. определяла в немалой степени своеобразная система управления, сложившаяся в регионе еще во время Кавказской войны, в середине 1840-х — 1850-е гг. В роли проводников преобразований времен «Великих реформ» тут выступали военные власти Кавказского наместничества. Через наместника, особо приближенного к императору, и так называемый Кавказский комитет они были включены в единую имперскую властную иерархию. История формирования наместничества и Кавказского

¹ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. С. 153.

комитета неплохо показывает место Кавказа в империи и его связи с другими регионами пред- и пореформенной России.

Кавказское наместничество XIX — начала XX в. не нужно путать с одноименным учреждением, созданным при Екатерине II. Уместнее будет сравнить его с наместничеством в Царстве Польском. Кавказское наместничество было создано в ходе Кавказской войны, в 1844 г. К этому времени в регионе сложился запутанный узел военных, экономических и политических проблем. Усилия правительства приблизить конец войны не достигали успеха. Гражданское управление, введенное в Кавказском крае сенатором П.В. Ганом в 1840 г., оказалось неэффективным. В отдельных районах Восточного Кавказа оно вызвало волнения. Кавказ слишком дорого стоил: поглощая огромные людские и финансовые ресурсы, взамен он давал империи лишь проблемы.

После визита на Кавказ в 1837 г. Николай I решил, что выход из сложившегося положения лежит в еще большей концентрации власти как в местном, так и в высшем управлении краем. Такую задачу можно было решить, передав всю полноту местной власти одному особо доверенному императору лицу. Во-вторых, следовало создать специальный высший комитет, при помощи которого можно было бы контролировать Кавказ и управлять краем из столицы. Так появился в 1844 г. наместник Кавказский в Тифлисе, а в 1845 г. — Кавказский комитет в Петербурге.

Наместник управлял Кавказским краем, в состав которого вошли все российские владения на Северном Кавказе и в Закавказье, включая Кавказскую область, преобразованную в 1847 г. в Ставропольскую губернию, и Кавказскую линию. В административном плане Кавказ был отделен от Поволжья. В руках наместника была сосредоточена высшая гражданская и военная власть. Он также мог изменять общие законы империи применительно к условиям региона. Наместник являлся главнокомандующим Кавказской армией, руководил войсками и укреплениями Кавказской линии. Наместник имел право решать на месте все вопросы, не превышающие власти министра, т.е. фактически был уравнен в правах с министрами. Он не был подотчетен ни одному из центральных министерств и ведомств. По вопросам, выходящим за пределы министерских полномочий, он должен был обращаться в Кавказский комитет, а по вопросам военного или внешнеполитического характера — лично к императору.

Первым наместником стал новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов (1844–1854). Он не был фаворитом Николая I, но имел обширные связи. Влияние среди высшей бюрократии и доверие императора, заслуженное на посту наместника, позволяли Воронцову проводить независимую линию в управлении регионом. После Воронцова, оставившего свой пост по болезни, обязанности наместника недолго исполняли генералы Н.А. Ред (1853–1854) и Н.Н. Муравьев (1854–1856). Затем на эту должность был назначен князь А.И. Барятинский (1856–1862), а после отставки последнего — вел. кн. Михаил Николаевич (1862–1881). Оба последних наместника пользовались огромным влиянием в Петербурге. Первый, знаменитый победитель Шамиля, был личным другом императора Александра II. Михаил Николаевич, приходившийся младшим братом Александру II, имел еще больший вес в Петербурге. Не отличаясь особыми талантами, он сумел опереться в своей деятельности на способных администраторов М.Т. Лорис-Меликова, Д.С. Старосельского и др. При нем была завершена Кавказская война на Северо-Западном Кавказе (1864).

Для оперативной связи Тифлиса с Петербургом и решения проблем региона служил Кавказский комитет. В системе центральных органов власти России он представлял собой экстраординарное учреждение. Аналогичную роль в империи играли так называемые территориальные или национальные комитеты, через которые осуществлялось управление окраинами империи: два Сибирских, по делам Западных губерний, Западный, Комитет по делам Царства Польского (1864–1881). В компетенцию Кавказского комитета входил разбор изъятых из ведения Комитета министров всех гражданских дел Северного Кавказа и Закавказья, выходивших за рамки полномочий министров, кроме военных и дипломатических вопросов. Он почти полностью дублировал состав Комитета министров. В комитет направлялись ежегодные отчеты наместника, сметы бюджета Кавказской области и Закавказского края. Он также курировал вопросы торговли, промышленности и сельского хозяйства, землевладения, переселений, народного образования и здравоохранения на Кавказе.

Чиновники Кавказского комитета назначались императором. Они занимали министерские и другие высшие государственные должности. Первый состав комитета включал в себя

известных представителей высшей бюрократической элиты: военного министра А.И. Чернышева (председатель), вел. кн. Александра Николаевича, шефа жандармов графа А.Ф. Орлова, министра государственных имуществ П.Д. Киселева, председателя департамента законов Государственного совета графа Д.Н. Блудова, министра финансов Ф.П. Вронченко, министра внутренних дел графа Л.А. Перовского и министра юстиции графа В.Н. Панина. Управляющим делами комитета был назначен В.П. Бутков. Состав комитета мало менялся. В 1856 г. место умершего Чернышева занял граф Орлов, после которого в 1861 г. обязанности председателя в течение нескольких лет выполнял кто-либо из старших членов комитета.

Пик деятельности Кавказского комитета пришелся на время наместничества Воронцова и первые годы правления Барятинского. Комитет никогда не становился между царем и наместником и нередко лоббировал интересы последнего в правительстве, как это делал князь Чернышев для Воронцова. В период «Великих реформ» в наместничестве также начались преобразования. Их душой стал князь Барятинский. Резко расширены были права наместника. В 1858 г. при нем было создано Главное управление с департаментами внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ. Вся власть продолжала сосредотачиваться в руках наместника. Совет Главного управления, позднее преобразованный в Совет наместника, обладал лишь совещательными полномочиями. Нетрудно заметить, что по существу аппарат управления в наместничестве копировал центральный. Дальнейшее усиление власти наместника и обособление его от центрального имперского правительства произошло при вел. кн. Михаиле Николаевиче.

План реформ с опорой на обычай и общину

Организация местного управления, сложившаяся в годы Кавказской войны, была довольно сложной и запутанной. Наряду с территориями, находившимися под прямым российским управлением, которые управлялись по общим законам империи, на Северо-Восточном и отчасти Центральном Кавказе сохранялись мусульманские владения и союзы горских общин под российс-

ким протекторатом. Здесь действовало косвенное управление. Власть, суд и сбор налогов были сосредоточены в руках местных владельцев или сельских старшин, действовавших под контролем российских офицеров. До начала 1860-х гг. разные районы Северного Кавказа не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с общеимперским гражданским управлением существовало военное. Огромные территории, занятые горцами и казаками, управлялись Штабом при наместнике через офицеров Кавказской армии.

Продолжение военных действий оттягивало начало реформ. Сдача Шамиля в 1859 г. и конец Кавказской войны позволили приступить к давно уже готовившимся Кавказским комитетом преобразованиям. В рапорте военному министру Д.А. Милютину после пленения 25 августа 1859 г. Шамиля Бяратинский писал: «Полувековая война на Восточном Кавказе окончена... Я сделал распоряжение о немедленном устройстве во всех новопокоренных обществах нашего управления»¹. В основном реформы коснулись горцев и казаков. Вместо военной для них создавалась новая администрация, получившая название военно-народной. Ее сущность неплохо сформулировал наместник Кавказский (1905–1915) генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению во внутренних делах вестись по своим адатам»².

Роль введения военно-народного управления среди реформ, а затем контрреформ, проводившихся на Северном Кавказе, сопоставима со значением крестьянской реформы во внутренних губерниях России. В обоих случаях реформаторы исходили нередко из сходных представлений и принципов. Недаром новая система власти апеллировала прежде всего к народу (под которым здесь понимались в основном горцы), ища опору реформ в народных обычаях и общине. Создателем военно-народного

¹ Акты Кавказской археографической комиссии (далее: АКАК). Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1178–1179.

² Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907. С. 4.

управления был в первую очередь сам наместник князь Барятинский. В период его недолгого наместничества были разработаны основные принципы военно-народного управления. Однако в разгар реформ, в 1862 г., князь не сошелся с властями в Петербурге и вынужден был подать в отставку. Окончательное воплощение в жизнь его планов, с определенными коррективами, произошло уже в правление вел. кн. Михаила Николаевича.

Военно-народное управление опиралось на идеологию, выработанную в ходе войны. Провал планов Гана по распространению на Кавказ общих законов империи и опыт борьбы с мусульманским повстанчеством привели Барятинского к мысли развивать на Северном Кавказе адат в ущерб шариату, в котором он видел опасность антироссийских исламских движений (мюридизма). Другой опорой имперского строительства на Кавказе он собирался сделать сельскую общину, о стабилизирующем влиянии которой много писалось в науке и публицистике того времени. К сходным выводам пришли российские правоведы, востоковеды, этнографы, привлеченные к подготовке реформ. Среди них можно назвать востоковеда и дипломата Н.В. Ханыкова, одного из создателей академического российского исламоведения А.К. Казембека, крупного специалиста по мусульманскому праву Н.Е. Торнау, военных историков и этнографов-любителей генерала А.В. Комарова, барона К.Ф. Сталля и многих других. В какой-то степени Барятинский развивал идеи Ханыкова, с которым давно был близок.

При выработке проекта военно-народного управления немалую роль сыграл долгий опыт косвенного управления, широко применявшегося в Закавказье военными губернаторами кавказскими, от И.В. Гудовича (1806–1809) до Ермолова (1816–1827). Первый эксперимент такого рода был проведен в Кубинском ханстве в Северном Азербайджане. В 1806 г. оно попало под протекторат России. Во главе ханства был поставлен один из местных беков (Хаджи-бек) со званием наиба. Ему было поручено управлять по прежним обычаям, но под русским контролем. После отпадения и вторичного покорения Кубы в 1809 г. по приказу главнокомандующего генерал-фельдмаршала Гудовича управление было передано совету из четырех влиятельнейших беков, деятельностью которого руководил начальник размещенного в провинции русского отряда, в свою

очередь подчинявшийся бакинскому коменданту. После подавления восстания 1810 г. во главе совета из четырех беков был поставлен русский штаб-офицер. В дальнейшем эта практика применялась и на Северном Кавказе.

Проект режима военно-народного управления был разработан Главным штабом Кавказской армии в конце Кавказской войны. Впервые оно было опробовано на практике в 1852 г. в Чечне. Позднее его принципы вошли в «Особую инструкцию для управления горцами». Первым законодательным актом, в котором основы военно-народного управления были изложены наряду с общей программой реформ, стало принятое 1 апреля 1858 г. «Положение о Кавказской армии», которое включало в себя отдельную часть «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления». Поскольку на Северо-Западном Кавказе тогда еще шла война, а Большая и Малая Кабарда давно находились под властью российской военной администрации, при Барятинском опыты по введению военно-народного управления ограничивались Дагестаном и Чечней. Основные принципы и порядок управления горцами по новой системе определяла инструкция для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии, утвержденная Барятинским 23 марта 1860 г.

Согласно § 28 «Положения» 1860 г., горцам-мусульманам было даровано право управляться «по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности»¹. Те же права были гарантированы в «Прокламации к чеченскому народу», обнародованной Барятинским в 1860 г. По обычному праву разбирались мелкие уголовные правонарушения и поземельные споры между общинами. Мусульманскому праву остались подсудны гражданские иски, включая случаи раздоров между мужем и женой, родителями и детьми, бракоразводные процессы, опекунические дела, споры по завещаниям и благотворительной и религиозной собственности (*вакф*). Все состояния мусульман Северного Кавказа должны были быть уравнены в правах. Начавшееся создаваться сословие горских дворян рушилось. Привилегии, закрепленные за знатью дореформенным адатом, были отменены. Исчезла социальная иерархия местной военной элиты,

¹ См.: АКАК. Т. XII. С. 435.

развитая в дореформенное время особенно сильно в Большой Кабарде и равнинном Дагестане.

Все ханства и сельские конфедерации (нахийат, вольные общества) горцев были упразднены и раздроблены на единообразные сельские общества, созданные по образцу русской пореформенной общины 1861 г. и получившие название джамаатов. В последние допускались лишь допускались лишь свободные общинники (уздени) и уравненные с ними в правах бывшие рабы и их потомки, принадлежащие к одному или нескольким селениям и хуторам, составляющим джамаат. Чтобы войти в сельское общество, беки и домашние слуги подавали прошение местному окружному начальству. Были созданы новые органы управления общиной, включавшие в себя сельский сход, старшину (бегавул) с помощниками и сельский суд в составе кади и знатоков местного адата. Реформированный джамаат стал основным посредником между горцами и военными властями наместничества. Община отвечала за уплату налогов, поддержание правопорядка на ее землях, выдачу разбойников и повстанцев, ремонт дорог и выделение подвод для нужд войск, проходящих по ее территории. Мусульман Северного Кавказа освободили от рекрутских наборов. На военную службу и в горскую милицию принимали только добровольцев.

По мысли российской администрации, реформа обычного права и общины преследовала следующие основные цели. Во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края. В ходе реформы были упразднены последние мусульманские политические объединения Северо-Восточного Кавказа, обладавшие собственной юрисдикцией, — ханства Казикумухское (в 1858–1859 гг.), Аварское (в 1861–1864 гг.), Кюринское (в 1862–1865 гг.), владения Кайтага и Табасарана (в 1866 г.), шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство (в 1867 г.) в Дагестане. Гарантом права и закона вместо сельских обществ горцев, местных беков или ханов стало Российское государство, а низовыми органами судебной и законодательной власти для местного мусульманского населения — горские или сельские словесные суды.

Другой целью реформы было ослабление власти мусульманской элиты и создание единой местной светской администра-

ции, пользующейся доверием и авторитетом у местных жителей и послушно исполняющей решения российских властей. После реформы в состав сельской администрации и суда у горцев был введен сельский старшина. У горцев осталось право выбирать большинство членов суда. Мулла и муэдзин, служивший секретарем сельского суда, бегавул, а также остальные члены суда выбирались каждые три года. Сохранился высокий образовательный и возрастной ценз для судей: они должны были быть старше 25 лет, хорошо знать арабское делопроизводство, адат и шариат. Сельские общества сохранили прежний полицейский аппарат.

Третьим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса, имевшая целью подготовить постепенный переход горцев к единому российскому законодательству. По форме суд остался прост. Процесс по-прежнему носил обвинительный характер. Прокуроров и адвокатов не было. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. За исключением изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах рассматривались гласно. Из принятых в адате наказаний в несколько измененном виде юридическую силу сохранили изгнание кровника (канлы), штраф за пролитие крови (дият, алым) и платежи за любое правонарушение в пользу пострадавшего и общины.

Вместе с тем российская администрация попыталась уничтожить ряд архаичных уголовных норм адата, прямо противоречащих российскому законодательству. Начальникам округов было вменено в обязанность не допускать применения в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов». Кровомщение приравнивалось к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах. Был запрещен адат, разрешавший трехдневный грабеж имущества убийцы. Вместо кровной мести и захвата имущества односельчан или родственников неисправного должника (ишкиль или баранта), устанавливались денежные композиции¹ по адату при посредничестве сельских мулл и российских офицеров в округах.

¹ Композиция — замена уголовного наказания штрафами в пользу родственников пострадавшего и сельской общины.

Упразднение Кавказской линии и новое административное деление региона

Вся описанная выше программа мер проводилась на Северном Кавказе с последних лет войны. Для координации действий военных властей в этом направлении в апреле 1858 г. при Главном штабе Кавказской армии было создано Отделение по управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления. После окончания войны, в мае 1865 г., его преобразовали в Кавказское горское управление. Оно состояло из четырех небольших отделений и, как и все кавказское начальство, располагалось в Тифлисе. Это учреждение стало головным институтом кавказского военно-народного управления. По своим функциям оно напоминало специальную канцелярию при наместнике. Начальник отделения подчинялся непосредственно наместнику, но был лишен всякого самостоятельного значения и лишь передавал его приказы на места. В обязанности начальника отделения входил разбор споров по военно-народному управлению и ревизия его военных начальников на местах.

Вместе с тем была проведена полная реорганизация Кавказского края. Вместо упраздненной в 1860 г. Кавказской линии на Северном Кавказе создавалось три области. Правое крыло Кавказской линии, части Тифлисской и Дербентской губерний вошли в Дагестанскую область с центром в г. Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск). На землях Джаро-Белоканского «вольного общества» был создан Закатальский округ Елизаветпольской губернии. Его управление в целом копировало дагестанское. Центр и часть Левого крыла Кавказской линии вошли в Терскую область с центром во Владикавказе, а Черноморская линия с частью Левого крыла Кавказской линии — в Кубанскую область с центром в Екатеринодаре. Подобно Закаталам, в последней выделялся Черноморский округ, впоследствии преобразованный в губернию (1896). География управления Северным Кавказом претерпела изменения. К Северному Кавказу относились лишь две последние области. Дагестанская область с Закатальским округом административно принадлежали к Закавказскому краю¹.

¹ Полного слияния управления Дагестана с Закавказьем в Кавказском наместничестве не произошло. Гражданская администрация Дербента и Темир-Хан-Шуры от-

Социальная организация и управление в северокавказском обществе по-прежнему отличались мозаичностью. Города региона находились под общероссийским гражданским управлением. Примерно половина Терской и большая часть Кубанской области были закреплены за казаками. Бывшее линейное казачество было преобразовано в Терское казачье войско, а Черноморское и шесть бригад линейных казаков — в Кубанское казачье войско. Оба они были изъяты как из общеимперского гражданского управления, так и из ведения военно-народного управления. К последнему первоначально были отнесены чуть ли не вся Дагестанская область (кроме приморских городов Дербента и Порт-Петровска, ныне Махачкала), восемь населенных горцами-мусульманами округов Терской области и пять горских отделов Кубанской области. Однако на деле осуществить проект военно-народного управления в том виде, как он был описан выше, удалось только в Нагорном Дагестане и Зака- талах, где он просуществовал вплоть до 1917 г.

Наиболее жизнеспособным этот режим оказался в Дагестане. В области была создана стройная централизованная трехступенчатая система власти, от сельских старшин до начальников округов и области. На территории ханств и союзов общин к 1867 г. было создано 4 военных отдела и 9 округов¹. Округа делились на наибства, а те — на сельские общества. Границы наибств, как правило, совпадали с наибствами Шамиля и прежними «вольными обществами». Исполнительная и судебная власть в общинах осталась в руках выборных сельских старшин и кади, образовавших сельский словесный суд. Их возглавлял и контролировал сначала выборный, а после подавления восстания 1877 г. назначаемый властями бегавул. Общины сами содержали немногочисленную сельскую администрацию. Идея Барятинского заменить шариат адатом оказалась пустой мечтой. Сельские суды продолжали исходить

носились к Бакинской губернии, местные институты военно-народного управления управлялись из Тифлиса, однако в фискальном, военном и религиозном отношении Дагестан 1860–1917 гг. не принадлежал ни к Северному Кавказу, ни к Закавказью, образуя как бы отдельную третью составляющую Кавказского края.

¹ На северо-западных границах Северного Дагестана с Грузией первоначально был создан еще один, Бежитский округ, но уже в 1865 г. он был разделен между Аварским и Андийским округами.

из норм обычного и мусульманского права, что и было закреплено законодательно в 1868 г.¹

В отличие от дореформенной эпохи, решения сельских старшин не были окончательными. Они могли быть обжалованы в месячный срок в девяти окружных народных судах, созданных при окружных начальниках. В юрисдикцию окружных судов входил также разбор тяжких уголовных и гражданских правонарушений. Апелляционной инстанцией для последних стал Дагестанский народный суд при генерал-губернаторе Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шура. Случаи убийств, грабежей, хищений казенного имущества, бунтов, нападений на начальство, скрытого или явного неповиновения властям разбирались в комиссиях военного суда при расквартированных в области войсках. Тяжбы горцев с русскими переселенцами решались уже не по адату и шариату, а по общим законам империи сначала в Дагестанском областном суде, а с 1875 г. в трех мировых отделах в Дербенте, Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровске.

В отличие от других областей, в Дагестане русская администрация до второй трети XX в. была крайне малочисленна. Поэтому не только в селениях, но в наибствах, округах и даже в области у власти стояли в основном кавказцы. Многие из них прежде воевали с русскими на стороне имамата, но затем перешли на сторону империи. Очевидец, побывавший тут в 1867 г., заметил: «...в Верхнем Дагестане во главе народного управления сидят все еще шамилевские наибы; но теперь они, по крайней мере с виду, — агнцы...»² Наибами военно-народной администрации служили шамилевские наибы Мухаммед из Гоцоба и Исмаил Чохский. Офицерами горской милиции стали шамилевский наиб Фата-Али, сын Сурхай-хана Аварского, Кебед-Мухаммед из Телетля, при Шамиле имевший чин мудира и управлявший семью наибствами. В высшей администрации было много тифлиских армян и грузин. Дагестанской областью уп-

1 Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области / Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фи табдир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахиййа ва ли-л-джама'а (на рус. и араб. яз.). Темир-Хан-Шура, 1898.

² Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. VI. Тифлис, 1868. С. 20.

равлял сначала князь Л.И. Меликов (1860–1880), а затем князь Н.З. Чавчавадзе (1880–1896).

В Терской и Кубанской областях удалось реализовать лишь отдельные элементы военно-народного управления. В отличие от Дагестана его институты здесь никогда не отличались единством и стройной организацией. В целом на Центральном и Северо-Западном Кавказе военно-народное управление продержалось недолго и имело свои существенные особенности. Можно говорить о двух небольших периодах в истории его существования. В 1860-е гг. были созданы лишь низовые институты на уровне сельских обществ и округов (отделов). Однако уже через несколько лет выяснилась непригодность режима, разработанного в основном по дагестанским образцам, к местным условиям. Во второй период (1870-е — начало 1880-х гг.) организация власти и общества обеих областей не раз менялась. В это время произошел отказ от военно-народного управления, сначала в пользу общегражданского, а вскоре — военного режима.

Основой пореформенной системы управления горцами здесь также стала бессословная сельская община. В 1870 г. для Терской области было опубликовано аналогичное дагестанскому законопроекту 1868 г. «Положение об аульных обществах»¹. Для горцев, включенных в состав военно-народного управления, создавались сельские (аульные) общества. Ими управляли выбранные на сельских сходах старшины, совмещавшие обязанности сельской администрации и суда. Главой общины стал сельский старшина, обязанный предоставлять вышестоящим российским властям рапорты о всех правонарушениях в селении, председательствовать на сельском суде, разбиравшем мелкие гражданские иски между членами общины, правонарушения о причинении материального ущерба, обеспечивать поимку скрывшихся от правосудия преступников. Аналогичные органы управления были созданы для горцев Кубанской области.

Система адатно-шариатного правосудия у горцев Терской и Кубанской областей была не трех-, а двухуровневой. Такие суды были созданы здесь намного позднее, чем в Дагестане и

¹ Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении о повинностях государственных и общественных в Терской и Кубанской областях. Владикавказ, 1896.

не раз меняли форму. В 1869 г., согласно указу «О сельском суде», в каждом селении учреждались выборные горские словесные суды. Члены окружных народных судов (созданных чуть раньше) не выбирались, а назначались властями округа. Уже в 1870 г. народные суды были упразднены. Вместо них в 1871 г. в обеих областях было создано несколько горских судов¹. Наряду с отдельными нормами адата и шариата они также использовали нормы российского права и процесса. В частности, при них была введена отсутствующая в адате и шариате должность следователя. Кроме того, с целью проведения судебных расследований по нормам российского законодательства были учреждены участковые судебные отделы. Горские суды являлись переходными от обычного правового и мусульманского судопроизводства к российскому.

Наконец, в 1872 г. Терская и Кубанская области с Черноморским округом были переданы из военно-народного в гражданское управление и подчинены общим законам империи. Главной причиной провала проекта Барятинского на северо-западе и в центре региона оказалось рассмотренное нами выше мухаджирское движение. Уже в первой половине 60-х гг. большая часть коренного населения Кубанской области была выселена из труднодоступных горных районов и предгорий, а затем в несколько потоков эмигрировала в Османскую империю. Их земли были заняты казаками и переселенцами из Южной и Центральной России. К началу XX в. на Северо-Западном Кавказе горцы составляли меньшинство. Они жили в укрупненных селениях бок о бок с переселенцами из России. Здесь удалось провести в жизнь только некоторые элементы военно-народного управления. Отдельные нормы обычного и мусульманского права (прежде всего при медиаторстве) продолжали применяться в созданных реформами сельских обществах горцев.

К 1870 г. в основном было завершено преобразование Кубанского и Терского казачьих войск. В обеих областях сохра-

¹ В Кубанской области было создано три суда — Майкопский, Екатеринодарский и Баталпащинский — и один словесный суд в Терской области — Нальчикский. Екатеринодарский горский словесный суд рассматривал дела горцев 33 аулов Кубанской области. Майкопский горский словесный суд обслуживал 12 аулов Майкопского отдела. К Баталпащинскому горскому словесному суду относились 34 аула Баталпащинского отдела.

нялось введенное в 1860–1861 гг. раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Казачество было передано в ведение областного военного начальства. Начальники Кубанской и Терской областей автоматически становились наказными атаманами казачьих войск, что придавало областям не только административное, но и военное значение. Как военное, так и гражданское устройство казаков осталось в ведении Военного министерства. После упразднения в 1857 г. ведавшего ими департамента военных поселений было создано управление иррегулярных войск, преобразованное в 1867 г. в Главное управление, а в 1879 г. — в Главное управление казачьих войск. В числе 11 казачьих войск страны ему были подчинены оба северокавказских. Изменение общеимперских структур было вызвано падением значения казачества как военной силы после окончания Кавказской войны.

Сохраняя специфику казачьих формирований на Северном Кавказе, власти наместничества пытались приблизить их к обычным кавалерийским частям. Постепенно на казаков распространяется обязательный строевой устав казачьей службы. В 1869 г. все казачьи полки в регионе переводятся в подчинение начальникам кавалерийских дивизий. Обязанности начальников дивизии были при этом возложены на начальников областей. При каждом из них был войсковой штаб, а по гражданскому управлению ему принадлежали все права и обязанности губернатора. Подобно горскому и гражданскому населению, казачьи территории обеих областей были поделены на округа. Управление казачьими войсками находилось в областных центрах — Владикавказе и Екатеринодаре.

Как и в отношении горского населения региона, реформы 60-х — 70-х гг. положили конец сословному строительству у казаков. С принятием в 1870 г. «Положения о воинской повинности» срок службы казаков был сокращен до 22 лет (15 лет действительной службы и 7 лет «на льготе»), что вело к постепенному уравниванию различных сословий России в этом отношении. Более 2/3 казаков, относившихся к лицам непризывного возраста, было переведено в категорию неслужилых. В то же время казак по-прежнему должен был приобретать за свой счет коня с седлом, обмундирование и оружие. В 1870 г. был признан всесословный характер станичных обществ. Возрождавшееся в

них самоуправление по своим формам и функциям было приближено к крестьянскому. Тогда же 12 станиц Кубанского войска были переданы в Ставропольскую губернию, а их жители автоматически перешли на положение государственных крестьян. То же превращение случилось с терскими казаками станицы Саблинской в 1879 г.

Контрреформы после упразднения наместничества и Кавказского комитета

Серьезные перемены в организации власти на Северном Кавказе произошли после убийства в марте 1881 г. императора Александра II, с началом так называемых контрреформ Александра III (1881–1894). В правительстве уже давно велись споры о чрезмерной дороговизне для империи кавказской администрации и опасности концентрации власти в наместничестве. Однако вел. кн. Михаил Николаевич пресекал на корню все попытки урезать его права как наместника. В 1881 г. Михаил Николаевич был назначен председателем Государственного Совета (1881–1901). Вместе с тем ему пришлось покинуть Кавказ и сложить с себя звание наместника. В Петербурге побоялись передать кому-либо другому этот пост, наделенный столь широкими полномочиями. По этой причине кавказское наместничество было упразднено. Наместника заменил главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. Первым на эту должность был назначен бывший киевский генерал-губернатор кн. А.М. Дондуков-Корсаков (1882–1890).

Одновременно с наместничеством был уничтожен Кавказский комитет в Петербурге. Еще в эпоху реформ Александра II он стал утрачивать одну за другой свои основные функции, перешедшие к Комитету министров. В 1862 г. в губерниях Закавказья вводились статистические комитеты, подчинявшиеся комитету Министерства внутренних дел и не имевшие никаких связей с Кавказским комитетом. В 1864 г. строительство и эксплуатация железных дорог передавались из Кавказского в Комитет министров. Глава Комитета министров председательствовал и в Кавказском комитете с 1865 г. С 1867 г. сметы бюджета Закавказского края были переданы в Государственный совет. В 1868 г.

Кавказский комитет перестал распоряжаться межеванием в крае. К середине 60-х гг. из комитетов, ведавших окраинами империи, кроме Кавказского остался только Комитет по делам Царства Польского (до 1881 г.). Полемика по поводу упразднения Кавказского комитета не раз возникала в правительстве. Последние три года во главе Кавказского комитета был П.А. Валуев, в прошлом один из противников его существования. С уходом Михаила Николаевича с поста наместника окончил свое существование и Кавказский комитет.

Тогда на Северном Кавказе и в Закавказье началась волна контрреформ, направленных против институтов, оставшихся от наместничества, в частности военно-народного управления. Были сокращены его штаты, канцелярию наместника заменили Советом главноначальствующего (1883). Оставаясь командующим войсками Кавказского военного округа и наказным атаманом казачьих войск, главноначальствующий уже не был напрямую связан с царем. Несколько изменились органы областного управления (в частности, деление Дагестана на военные отделы). Кавказский край, как и другие окраины империи, вошел в ведение Военного министерства. Ему были переданы выведенные из гражданского управления Кубанская и Терская области. Здесь был установлен военный режим, не имеющий, однако, ничего общего с военно-народным управлением. Военная, исполнительная и судебная власть в областях и округах была передана военным.

Высшая петербургская бюрократия пыталась упразднить и систему военно-народного управления, но не преуспела в этом. Уже в апреле 1883 г. военный министр внес в Государственный совет предложение коренным образом преобразовать этот режим, передав его институты в ведение Министерства внутренних дел. Однако МВД отказалось руководить военно-народным управлением Кавказского края. Министр внутренних дел потребовал сначала выработать новый законопроект, регулирующий деятельность этого запутанного и сложного органа власти вне рамок упраздненного наместничества. Государственный Совет поручил Совету при главноначальствующем в Тифлисе выработать такое положение к январю 1885 г. Однако дело это все время откладывалось и не было осуществлено даже при преемниках Дондукова-Корсакова генерале С.А. Шереметеве (1890–

1896) и князе Г.С. Голицыне (1896–1905). Начало Первой русской революции навсегда похоронило проект контрреформ.

Несмотря на резкую критику горских судов и военных чиновников со стороны представителей петербургской бюрократии, кончая ревизией 1905 г. Н.М. Рейнке, режим военно-народного управления продолжал действовать до 1917 г. Кавказский край по-прежнему поглощал немалые средства. Только в одном 1885 г. на содержание учреждений военно-народного управления казна выделила 514.114 руб.¹ Не были отменены даже горские суды со смешанной российско-адатно-шариатной юрисдикцией в Терской и Кубанской областях. После вывода из военно-народного управления этих областей еще в 1872 г. штаты Кавказского горского управления в Тифлисе были сокращены, количество отделений в нем стало на одно меньше. Вместе с тем режим продолжал довольно успешно действовать на территории Дагестанской области, Закатальского округа Северного Азербайджана, Сухумского отдела (современная Абхазия) и Артинского округа в Западной Грузии. В этих районах военно-народное управление оказалось жизнеспособно. Горцы Дагестана и Закатальского округа сохранили удивительную локальную правовую систему. Между собой они могли судиться только на территории области и округа.

Опыт кавказского военно-народного управления в Закавказье и Туркестане. Международные аналоги

В последние годы существования наместничества территория, подвластная военно-народному управлению, немного расширилась. В 1880 г. в него вошли Карсская и Батумская области, оказавшиеся в составе России в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Здесь эта система получила название военно-адатного управления. Этим названием власти хотели подчеркнуть примат обычного права у местного немусульманского населения, в отличие от шариата у горцев-мусульман Дагестана

¹ Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края. б.м., б.г. С. 51.

и Абхазии. В обеих областях в состав «туземцев» было включено пришлое христианское население (в основном армяне и грузины), переселившееся сюда из османской Турции. Подчинив эти области Кавказскому главному управлению, власти несколько расширили его, преобразовав в Кавказское военно-народное управление. Это учреждение продолжало существовать и при главноначальствующих. Уже на закате «старого режима», в 1905 г., на Кавказе было восстановлено и наместничество. Это связано с событиями Первой русской революции, к которым мы еще обратимся ниже.

Опыт военно-народного управления, полученный на Северном Кавказе, был использован при покорении отдельных районов не только в Закавказье, но и в Средней Азии. Его идеи оказались вновь востребованы при организации правосудия и власти в Закаспийской области на территории современного Туркменистана. Эти земли были присоединены усилиями Кавказской армии и в 1881–1897 гг. подчинялись главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, а позднее туркестанскому генерал-губернатору. В завоевании новых территорий и установлении российской власти в Средней Азии участвовали военные, прежде служившие в системе военно-народного управления на Кавказе. Среди них прежде всего следует отметить уже упоминавшегося выше генерала Комарова (некоторое время возглавлявшего Центр кавказского военно-народного управления, а в 1883 г. назначенного начальником Закаспийской области) и сменившего его в 1890 г. генерала А.Н. Куропаткина.

У туркмен Закаспийской области российские власти ввели народные суды, решавшие дела «на основании... обычаев», т.е. по адату и шариату, поставив их под контроль русских чиновников. Власть кади, в которых видели возможных зачинщиков мусульманского повстанчества, ограничили, оставив за ними лишь роль консультантов по шариату при народных судах. Основной податной и судебно-административной единицей здесь было общество (аксакальство) из одного или нескольких мелких, ближайших друг к другу селений или выселков, хуторов, имеющих общие хозяйственные выгоды по пользованию землей и оросительными каналами (арыками). Как и на Кавказе, это были два важнейших направления российских судебно-административных реформ в регионе, закрепленные в «По-

ложении об управлении Закаспийской областью», которое не раз переиздавалось (порой значительно меняясь) в 1874, 1882, 1884, 1886 и 1890 гг. Чуть позже эти принципы российской политики были сформулированы в «Положении об управлении Туркестанского края»¹.

Власть над обществом передавалась сельским старшинам (аксакалам). На три года их выбирали на сельских сходах местные жители и затем утверждал начальник уезда. Как и на Северном Кавказе, в Средней Азии реформы создали совершенно новую общинную организацию, причем отличия ее от дореформенного мусульманского общества тут оказались еще значительнее. В Закаспийской области была создана своя иерархия народных судов. По § 230 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г., «народный суд составляют: 1) единоличные судьи, 2) съезды судей и 3) чрезвычайные съезды судей»². Более серьезные уголовные и поземельные дела были подсудны съездам из пяти судей и одного кади. За работой съезда надзирал начальник уезда или пристав. Апелляции на их решения разбирались чрезвычайными съездами, собиравшимися раз в два года. В них входили семь судей из почетных жителей области, кади и русский офицер, следивший за работой съезда.

Системы, подобные военно-народному управлению, не составляют исключительной особенности дореволюционного российского Кавказа и Средней Азии. При внимательном изучении источников их несложно обнаружить и в других колониальных и зависимых странах, в частности в английских и французских колониях на Ближнем Востоке, в Индии, Северной Африке. По своему типу имеют немало общего с кавказским военно-народным управлением получившие широкое распространение «туземные» (англ. native) администрации, при которых управление «туземцами» было оставлено в руках местных элит, продолжавших с известными ограничениями и модификациями использовать системы обычного (и отчасти мусульманского) права, инкорпорированные в законодательство метрополии³. Истоки подобной системы косвенного уп-

¹ Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1912. С. 427–446.

² Там же.

³ Ср., например: UNESCO General History of Africa. Vol. VII. Africa under Colonial Domination, 1880–1935. Berkeley, 1990. P. 143–152.

равления (англ. indirect rule), похоже, нужно искать в Османской империи и зависимых от нее мусульманских государствах XVI–XVIII вв. Можно предположить, что и русские военные, применившие военно-народное управление на Кавказе, «учились» у турок, подобно англичанам и французам.

В первой половине XIX в. англичане ввели систему косвенного управления в индийских княжествах под английским протекторатом. После завоевания Магриба французами полицейские и судебные функции по управлению завоеванными землями турки передали части местного населения. В таком случае они не меняли ни системы управления, ни суда, ни обычного права местного берберского и арабского населения. На государственную службу принимались целые племена. Они образовывали освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (мах-зен), в обязанности которой входил сбор налогов со всех прочих сельских общин и племен, отправление правосудия и подавление возмущений против османского владычества¹. По мере завоевания и колонизации мусульманских регионов Востока европейцы все больше реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними. Но постепенно организация суда и власти мусульманской деревни неузнаваемо изменилась под влиянием новой, колониальной идеологии.

Что касается дальнейшего развития подобных систем колониального управления и судопроизводства, то больше всего аналогий с Северным Кавказом представляет французский Алжир 30–50-х гг. XIX в. Система, подобная дагестанскому варианту военно-народного управления, разрабатывалась в Алжире в ходе постепенного завоевания страны². Следует остановиться на тех элементах «арабской политики» французов в Алжире, которые позволяют пролить свет на общеисторическое значение северокавказского эксперимента по колониальной трансформации обычного права и сельской общины. В 1845 г. приморская

¹ См. об этом подробнее: *Иванов Н.И.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 205; *Ланда Р.Г.* Борьба алжирского народа против европейских колонизаторов (1830–1918). М., 1976. С. 43–44.

² Подробнее об арабских бюро см.: *Yacopo X.* Les bureaux arabes et les transformations des genres des genres de vie indigenes dans l'ouest du Tell algerois. Lorose, 1953; *Frémeaux J.* Les bureaux arabes dans l'Algerie de la conquete. P., 1993.

часть Алжира, как позже Дербент в Дагестане, была объявлена «гражданской территорией», управляющейся по общим законам метрополии. Основной же частью страны, населенной мусульманами, в 30–60-е гг. управляли военные. С 1833 г. во главе колонии был поставлен генерал-губернатор, подчинявшийся непосредственно военному министру в Париже.

Алжир был разделен на три провинции — Алжир, Оран и Константина. Каждой управлял французский дивизионный генерал. Провинции состояли из «военных подразделений» (*subdivisions militaires*), а последние — из «кругов [палаток]» (*cercle*, араб. дуар). Интересно отметить, что военные подразделения создавались французами в границах халифатов — административных районов военно-теократического государства Абд ал-Кадира (Абделькадира), в 30–40-е гг. возглавившего вооруженное сопротивление французскому завоеванию и сыгравшего в истории современного Алжира роль, подобную Шамилю на Северном Кавказе. Управление колонией не раз менялось. Власть и суд в алжирских селениях принадлежали сперва арабскому *аге* (*agha des Arabes*), назначавшемуся из числа алжирской военной знати (*джуад*). Затем его сменил старший жандармский офицер французской армии. Наконец, в 1832 г. были созданы так называемые арабские бюро (*bureaux arabes*).

Последние сыграли в ранней истории колониального Алжира роль, подобную низовым институтам военно-народного управления. Арабские бюро имели смешанную франко-алжирскую администрацию. Во главе их стоял французский офицер. В них также входили врач, переводчик, кади (*ходжа*), два секретаря, судебный исполнитель (*чауш*) и отряд «туземных» полицейских (*спаги*, *мохазни*). Арабские бюро совмещали функции сельской администрации, суда, полиции и клиники. Они собирали налоги, оказывали коренному мусульманскому населению деревни юридическую и врачебную помощь¹. В 1854 г. по инициативе офицеров арабских бюро для мусульман Алжира была проведена судебная реформа. Решено было оставить у них суд, действовавший по обычному и мусульманскому праву. Создавалась иерархия судебных учреждений (*диал. араб. мн. махакем, ед.ч. махахма*) для разбора исков среди «туземцев». Ее низшим

¹ *Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine (1830–1964). P., 1964. P. 21, 29.*

звеном был сельский кади. При решении простых уголовных дел он имел право обращаться к местному адату. Решения его можно было обжаловать в апелляционных судах (маджалла), созданных в провинциальных центрах.

Новые бесплатные мусульманские суды, свободные от бюрократии и волокиты, имели большой успех в алжирской деревне. Но гражданские власти и европейские колонисты восприняли их в штыки. Газеты с возмущением писали о «палачах из арабских бюро» (по-французски игра слов: *bougreaux d'Arabes* звучит почти так же, как название арабских бюро — *bureaux arabes*), «этой антифранцузской клике... занесшей топор над головой французов». Гражданские власти Алжира повели кампанию за отмену режима «военных территорий» и полную ассимиляцию колонии метрополией. В дальнейшем история Алжира пошла по другому пути. В последние годы Второй империи и при Третьей республике во Франции возобладали проекты ассимиляции алжирцев французами. Уже в 1863 г. в Алжире был проведен закон (*senatus-consulte*), по которому племена всего Алжира были разбиты на сельские общины, управлявшиеся сельскими сходами (джемаа). Из приморских районов местное население, подобно Северо-Западному Кавказу при Евдокимове, было насильственно вытеснено. Здесь получило развитие европейское товарное фермерство.

Но система алжирского косвенного управления получила известность. Из переписки русских военных властей видно, что опыт французов в значительной мере подвиг их к решению использовать местный адат и сельскую администрацию для управления горцами на Кавказе. Обычно этот важный факт игнорируется при исследовании военно-народного управления на Кавказе. Между тем архивные источники свидетельствуют, что при подготовке судебно-административной реформы 1860-х гг. российские чиновники тщательно изучали опыт Англии и Франции.

В частности, в переписке генерала от инфантерии Е.А. Головина, российского военного министра А.И. Чернышева и императора Николая I настойчиво проводилась мысль о необходимости использовать на Кавказе опыт косвенного управления, руками мусульманской элиты, применявшегося в Британской Индии и во Французском Алжире. «Не подлежит никакому

сомнению, что средства политические [имеется в виду склонение на сторону России местной мусульманской знати и набов Шамиля. — В. Б.], которыми англичане успели распространить владычество свое в Индии, с такою же пользою могут быть употреблены и здесь [на Кавказе. — В. Б.]», — писал Головин Чернышеву в 1842 г. В свою очередь, последний, поддерживая это предложение, докладывал царю: «Нельзя... допустить мысли, что мероприятия, которые удаются англичанам в Индии, французам в Алжире, всегда останутся тщетными в поисках наших»¹.

В свете приведенных выше материалов можно развить и уточнить это интересное наблюдение. Военно-народное управление в Российской империи отнюдь не списывалось с английских и французских образцов. Как мы видели, первые опыты по его использованию относятся к самому началу XIX в., когда подобные системы еще не были разработаны ни англичанами, ни французами. К тому же в более позднее время англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата из российской кавказской практики. В частности, французские военные, подобно русским офицерам в Нагорном Дагестане, стали собирать и записывать обычное право кабил в Алжире. Очевидно, правильное говорить о своего рода обмене опытом колониального управления между великими державами XIX в.

Колония, автономия или продолжение метрополии?

В российской историографии до сих пор ведутся споры о том, можно ли считать дореволюционный Кавказ колонией². Они восходят к позднему имперскому времени. В конце XIX — начале XX в. в дебаты о колониальном статусе региона включились представители местной мусульманской элиты. Получив

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6482. Л. 9, 42.

² Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: НЛЮ, 2007. С. 24, 25; Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: НЛЮ, 2010.

европейское образование, они оторвались от местного общества, но так и не были приняты в высшее общество метрополии. Инженеры, медики, юристы и журналисты «из туземцев» претендовали на роль выразителей интересов колонии, требуя себе равных с выходцами из метрополии прав. Между двумя русскими революциями они образовали мусульманскую фракцию Государственной Думы. Дети империи, порожденные и пришибленные ею, они выступали против военно-народного управления, видя в нем источник отсталости¹.

Возвращаясь к спорам о колонизации в историографии, нужно признать, что завоевание Кавказа носило колониальный характер. Главным признаком колонии здесь был туземный статус населения, автономного, ущемленного в правах по сравнению с гражданами Центральной России. Он был отменен на Кавказе только в 1917 г. Массовая колонизация значительной части земель Закавказья и Северо-Западного Кавказа в последней трети XIX в. соединяла Кавказ с метрополией. Правда, на Кавказе переселенцы не имели перед мусульманами тех привилегий, какими обладали европейские колонисты, скажем, в Британской Индии или во Французском Алжире. Конечно, многое на русском Кавказе не поддается описанию в категориях колонии и метрополии. Точнее будет говорить о колониальных ситуациях и институтах в регионе. Это касается во многом режима военно-народного управления, охарактеризованного нами выше.

Вместе с тем особенностью Кавказского края был его неординарный и вместе с тем весьма неопределенный статус среди владений и территорий Российской империи. Кавказское наместничество было создано Николаем I как экстраординарное учреждение в условиях Кавказской войны (1844 г.).

Через наместника, особо приближенного к императору, и Кавказский комитет они были включены в единую имперскую властную иерархию. Наместник управлял Кавказским краем, в состав которого вошли все российские владения на Северном Кавказе и в Закавказье, включая Кавказскую область, преобразованную в 1847 г. в Ставропольскую губернию,

¹ Государственная Дума. Третий созыв: стенографические отчеты. 1909. Сессия третья. Ч. I. СПб., 1910. С. 1490–1491.

и Кавказскую линию. В административном плане Кавказ был отделен от Поволжья. В руках наместника была сосредоточена высшая гражданская и военная власть. Он также мог изменять общие законы империи применительно к условиям региона. Наместник являлся главнокомандующим Кавказской армией, руководил войсками и укреплениями Кавказской линии. Наместник имел право решать на месте все вопросы, не превышающие власти министра, т.е. фактически был уравнен в правах с министрами. Он не был подотчетен ни одному из центральных министерств и ведомств. По вопросам, выходящим за пределы министерских полномочий, он должен был обращаться в Кавказский комитет, а по вопросам военного или внешнеполитического характера — лично к императору.

В начале Первой русской революции (1905 г.) Петербург пошел на воссоздание наместничества, пытаясь возместить его учреждением общее ослабление имперской власти на окраинах. Оно просуществовало до гибели старого режима в феврале 1917 г.

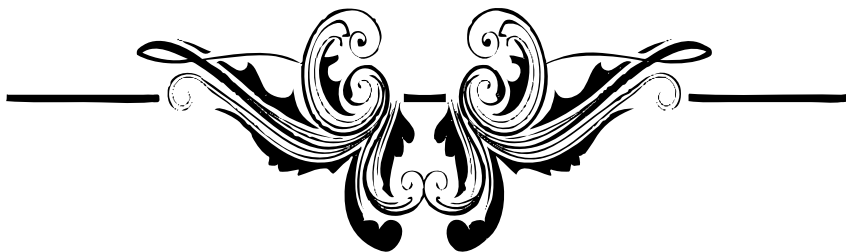
Некоторые выводы вместо заключения

В свете приведенных выше материалов можно сделать ряд наблюдений. Военно-народное управление в Российской империи отнюдь не списывалось с английских и французских колониальных образцов. Первые опыты по его использованию относятся к самому началу XIX в., когда подобные системы еще не были разработаны ни англичанами, ни французами. К тому же в более позднее время англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата из российской кавказской практики. Очевидно, правильнее говорить об обмене опытом колониального управления между великими державами. Общим стереотипом эпохи колониальных империй было представление о «бремени белых» на Востоке. Ориентализм был в XIX в. общеевропейским дискурсом власти и описания колонируемого общества, разделяемом различными колониальными державами. В большинстве случаев колонизация начиналась с завоевания и «умиротворения опасных дика-

рей». Наконец, косвенное управление было распространено на начальной стадии целого ряда колониальных империй. В системах такого военно-народного управления заметны местные региональные влияния. Источники показывают, что русские «учились» у турок и иранцев, которым принадлежала часть Северного Кавказа и Закавказья. Выходцы из правящих элит иранского и османского Закавказья переходили на русскую службу¹. По мере колонизации европейцы реформировали османскую систему косвенного управления.

Вместе с тем нельзя однозначно определять тип интеграции горцев Кавказского края в Российскую империю как разновидность колониализма. Точнее будет говорить о сменявших и дополнявших друг друга колониальных и неколониальных ситуациях на мозаичной имперской окраине. Военная оккупация колонизируемых территорий неизбежно вела к передаче власти и управления в руки военных со всеми вытекающими из этого последствиями. Трансфер моделей имперских реформ шел через ученых, публицистов, дипломатов и военных. С включением региона в состав России к их изучению подключились профессиональные ученые. Основным предметом их научных изысканий стала сельская община. Общие установки позитивистской науки последней трети XIX в. заставляли видеть в ней осколок первобытного быта и одновременно зародыш будущего устройства человечества. Не нужно, однако, представлять военных краеведов и этнографов эпохи империй в виде простых исполнителей «социального заказа» колонизаторов. Связи науки и политики были очень непросты. С результатами ученых изысканий власти колониальной периферии и метрополии нередко знакомились из популярных переложений в публицистике. Важным каналом связей были также переводы на русский язык работ французских ориенталистов.

¹ Колониальная политика русского царизма в Закавказье в 1820–1860-е гг. / сост. и отв. ред. И.П. Петрушевский. Ч. I. М.-Л.: Академия наук СССР, 1937. С. 93, 105–107, 111, 115, 185.

Л.М. Раванди-Фадаи, Т. Атабаки

**§ 3. Проблемы трудовой миграции
из Ирана в Центральную Евразию
в конце XIX — начале XX в.**

В начале XX века Иран представлял собой аграрную, полуколониальную страну с абсолютной монархией — объект политической и экономической экспансии со стороны Российской империи и Великобритании. Ирану, проигравшему России две войны, которые он сам и инициировал, пришлось подписать унизительные Гюлистанский (1813) и Туркманчайский (1828) договоры, по которым Российская империя получила территорию нынешнего Азербайджана, т.е. именно ту нефтегазоносную зону, которая стала одной из главных причин массового отходничества из Ирана.

Тем не менее к началу XX в. Ирану удалось отстоять свою относительную политическую независимость в значительной мере из-за борьбы России и Великобритании за влияние в стране, чем умело пользовался шахский двор¹. Строительство и эксплуатация незначительного количества промышленных предприятий, шоссе, паромных сообщений, а также телеграфных линий осуществлялись за счет привлечения ино-

¹ Более подробно см.: Ирандуст. Персия. Московский рабочий. М.-Л.: 1928; Lenczowski G. Russia and West in Iran. 1918–1948. New York, 1949.

странного капитала¹. Так же как и для многих других восточных стран, импорт зарубежной промышленной продукции тормозил, обесценивал и разорял местное мелкое производство. Почти полное отсутствие железнодорожного сообщения в Иране было обусловлено тем, что в 1885 г. Россия и Англия подписали Конвенцию, согласно которой оба государства взяли на себя обязательство, а также принудили иранские власти и другие державы отказаться от строительства железнодорожной инфраструктуры вплоть до 1910 г. Это было связано с тем, что Россия опасалась подрыва своей практически монопольной торговли в Северном Иране и усиления влияния англичан в Иране, а Британия опасалась сухопутной армии России, которая с помощью построенных в Иране железных дорог могла быть переброшена к границам Индии².

Начало трудовой миграции на Кавказ

*«Со всех концов нефтяные промыслы
и заводы стягивают рабочее население ...
Словно гигантская губка всасывает эта промышленность ...
силы народа и кладет на них свой отпечаток»³*

В конце XIX века массовый отход на заработки населения Северо-Западного Ирана был связан прежде всего с нефтяной лихорадкой и развитием промышленности вокруг Баку в Российской империи. Но Персия, особенно ее северная часть, издавна имела разнообразные и тесные экономические связи с соседней Россией, которые во многом обусловлены социально-экономическим положением Ирана. Еще до нефтяной лихорадки, в 1845 г. в журнале Министерства внутренних дел было отмечено, что в Закавказье приходили на заработки каменщики и плотники из Ирана и Турции и почти монополично выполняли

¹ Султан-Заде А.С. Экономика и проблемы национальных революций в странах Ближнего и Дальнего Востока. М.: Гос. изд. 1922. С. 45.

² Павлович М.П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Л.: Госиздат. 1925. С. 120–126.

³ «Кавказский вестник» // Архив Института истории Национальной академии наук Азербайджана, инв. № 1666. Л. 4.

работы по этим специальностям¹. Развивающаяся экономика России, в т.ч. Кавказа, привлекала иранских работников, главным образом в приграничные районы и в крупные промышленные города Российской империи.

Отсутствие возможности заработать на пропитание семьи на родине и языковая общность² также способствовали отходничеству из Ирана в Закавказье и в Туркестан. Хотя в документах царской России все приезжие из Ирана называются «персами», основную массу иранских рабочих в Баку и Закавказье составляли азербайджанцы — выходцы из Иранского Азербайджана, где большая часть населения говорит на азербайджанском языке (хотя были и другие народности Северного и Северо-Западного Ирана). Иранские крестьяне лишались своих наделов, так как феодалы захватывали земли общин. Огромная феодальная рента, многочисленные государственные налоги и поборы разоряли основную массу непосредственных производителей — крестьян-издольщиков. Тяжелые формы издольной аренды, неурожай и голод, отсутствие возможности усовершенствовать обработку земли — всё это было страшным бичом населения. Гонимые нуждой и слухами о «легких заработках», не имевшие возможности обеспечить в родных селениях жизненные потребности для себя и своих семей, крестьяне и ремесленники уходили порой за тысячи километров в поисках работы. Отправляясь на заработки, люди чаще всего не знали об ужасах эксплуатации на промыслах и нефтяных заводах.

В начале 80-х гг. XIX в. один очевидец, наблюдавший за иранскими поданными, пересекающими границу, отметил: «С наступлением весны большие партии, человек в 40–50, с изнуренными и истощенными лицами, из которых многие босые, без шапок, со всклокоченными волосами, оборванные до последней возможности и едва прикрывающие разноцветным тряпьем свое черное и загорелое тело, медленно пробираются через русско-персидскую границу, направляясь из Персии в

¹ Журнал Министерства внутренних дел. 1845. Ч. X. С. 356.

² Речь идет об азербайджанском языке, на котором говорили азербайджанцы в Закавказье. Отходники, которые прибывали в Азербайджан, в основном были азербайджанцами.

Закавказский край...»¹. В 1858 г. на кавказском участке русско-иранской границы было выдано 4852 паспорта лицам, уходившим на заработки в Закавказье².

В связи с развитием экономики, постройкой Закавказской железной дороги и т.п., царские власти стали поощрять приток отходников, и еще в 1887 г. иранским поданным было разрешено проживание в определенных районах России сроком на полгода по своим паспортам и без консульской визы и уплаты сборов³. В пограничных пунктах Шахтахты, Джульфы, Худоферина и др. иранские пограничные власти выдавали паспорта, с которыми трудяги переходили границу, или вместо выдачи специальных паспортов выдавали так называемые пропускные свидетельства или легитимационные билеты, действовавшие в пограничной полосе⁴.

Елизаветпольский губернатор отмечал в своем донесении: «Персидскоподанный бедняк, ограбленный на родине своим правительством, часто не имевший гроша в кармане, при наступлении дня не уверен, что он достанет себе на пропитание, а при наступлении ночи не знает, где у него будет ночлег. Этот бедняк, перейдя границу (реку Аракс), идет к цели своей мечты (на заработки в Карабах, Ганджу, Нуху и т.д.) голодный, оборванный, зарабатывая лишь по пути насущный хлеб»⁵. Массовая миграция иранских рабочих на Кавказ и в Туркестан отвечала интересам России в освоении нефтяных месторождений на Апшеронском полуострове Каспийского побережья (с 1862 г.)⁶. Стремительно растущая добыча нефти вскоре превратила этот регион в основного поставщика всей потребляемой российской нефти (95%) и обладателя второго крупнейшего нефтяного месторождения в мире после США. В этот период в России быстро

¹ Ю. Гессен. История горнорабочих в СССР. Т. II. М.: 1929. С. 162.

² Белова Н.К. Об отходничестве из Северо-Западного Ирана в конце XIX — начале XX века // Вопросы истории. № 10. М.: 1956. С.113.

³ Там же.

⁴ Российский Государственный исторический Архив. Ф. 23. Оп. 11. Д. 812. Л. 3.

⁵ Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века. С.113

⁶ Как мы отмечали выше, иранские рабочие приезжали на заработки в Закавказье и раньше. Мы берем дату условно, так как уже в 1862 г. в Баку функционировало два завода по выработке фотонафтила, лампового масла и парафина, на которых работали свыше 220–230 постоянных и временных рабочих, в том числе из Ирана.

развивалась промышленность¹, шло строительство железных дорог, таких как Транскаспийская железнодорожная сеть, соединяющая Кавказ с Центральной Азией, и автомобильных дорог, что еще более увеличивало поток трудовой миграции и рост населения в промышленных зонах. Так, население Баку в основном в результате «нефтяной лихорадки» выросло с 13 тыс. в 1859 г. до 112 тыс. в 1879 г. и до 300 тыс. в 1917 г.²

При таких темпах индустриализации стала ощущаться нехватка как квалифицированного, так и неквалифицированного труда. С серьезным дефицитом рабочей силы сталкивалась не только промышленность, но и сельское хозяйство, например чайные плантации. Многие отрасли российской экономики оказались в большой зависимости от импорта трудовой силы. А соседний Иран в XIX веке с его упадком экономики и безработицей мог обеспечить дешевую рабочую силу для быстро растущей российской экономики.

Иранские мигранты проживали в разных местах Российской империи: Баку, Ереване, Тбилиси, Елизаветполе³, Батуми, Астрахани, Ашхабаде, Мерве, Самарканде, а также в менее важных промышленных центрах, таких как Алаверди и Нуха, и даже в северных городах Поволжья⁴. Большая часть трудовых мигрантов отправлялась на Южный Кавказ, но и число ищущих работу в Центральной Азии также было значительным. В 1886 г. натуралист-путешественник А.М. Никольский в своих путевых рассказах сообщил: «В Баку наш корабль взял триста персидских рабочих, по пути на работу на Транскаспийскую железную дорогу.»⁵ В 1897 г. из 9543 общего числа рабочих в Бакинской

¹ *Fakus M.E.* The Industrialisation of Russia. 1700–1914. London, 1972. P. 44–46, 64–66. *Hassan Hakimian.* Wage Labour and Migration: Persian Workers in the Southern Russia, 1880–1914. *IJMES.* 17 (1985). P. 443–462.

² *Encyclopedia of Islam online.* Leiden: Brill, 1999.

³ Елизаветпольская губерния была одной из самых значительной по пространству губерний Закавказья и считалась административно-территориальной единицей Российской империи с 1868–1917 гг. На юге граничила с Персией по реке Аракс, на западе с Тифлисской и Ереванской губернией, на севере граничила с Тифлисской губернией, Закатальским округом и Дагестанской областью, на Востоке с Бакинской губернией. В настоящее время Елизаветполь называется Гянджа (в 1918–1935 гг. — Ганджа, в 1935–1989 гг. город носил название Кировабад).

⁴ Государственный исторический Архив Грузии. Фонд 13. Оп. 1. Д. 267. Л. 14.

⁵ *Никольский А.М.* Летние поездки натуралиста. Л.: Госиздат, 1924. С. 129.; *Issawi, Charles (ed).* The Economic History of Iran 1800–1914. London, 1971. P. 51.

губернии 18,6%¹ составляли выходцы из Ирана. В Центральной Азии уже к концу первого десятилетия XX века общее число иранцев составляло 55 тыс. чел., из которых 30–31 тыс. переселились давно, а более 24–25 тысяч относились к новым переселенцам и отходникам из Ирана, хотя подавляющее большинство оставалось иранскими поданными².

К началу XX века приток иранских рабочих в Закавказье и Туркестан стал постоянно расти. Российские консульства в Персии, особенно в северных провинциях — Азербайджане, Гиляне и Хорасане выдавали разрешения на работу и визы тысячам иранцев. В Тебризе, Мешхеде, Реште и Астрабаде между 1876 и 1890 гг. выдавали в среднем 13 тыс. разрешений на работу и виз для въезда в Россию ежегодно. К 1896 г. эта цифра достигла 56371³. Только в Тебризе количество разрешений на работу, выдаваемых российским консульством, выросло с 15615 в 1891 г. до 19639 в 1896 г. и 26855 в 1898 г., то есть на 72% в течение семи лет⁴.

При этом следует учитывать, что эти данные не охватывают всех мигрантов, так как часть их пересекали границу нелегально. В XIX в. распространенной практикой у жителей приграничных регионов был нелегальный переход границы. В частности, одним из центров нелегальной миграции в Закавказье был Ардебиль и его окрестности. Число нелегальных мигрантов из этого региона превышало 20 тыс. в год⁵, а в одной только Бакинской губернии на рубеже веков количество нелегальных рабочих достигло 18 тыс.⁶ Дореволюционный исследователь Л.Ф. Тигранов, сам в 1902–1904 гг. проехавший по этим районам, указывает, что число отходников из Северного Ирана ежегодно

¹ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897г. СПб., 1905. С. 36–49.

² Иран: сб. статей / под ред. А.З.Арабаджяна и Н.А. Кузнецовой. М.: Наука, 1973. С. 201.

³ Hassan Hakimian. Wage Labour and Migration. P. 446.

⁴ Миллер В. Движение персидских рабочих на промыслы в Закавказье // Сборник консульских донесений Министерства иностранных дел. Вып. 3. СПб., 1903. С. 205.

⁵ Ильинский Г.Н. Аграрные отношения в Иране в конце XIX — начале XX века // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. VIII. 1953. С. 120.

⁶ Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). Баку, 1960. С. 134.

составляло 30–35 тысяч в год¹. Советский ученый И.В. Стригунов, суммируя все данные и учитывая отходников из близлежащих районов, которые не брали проходных свидетельств и проходили границу нелегально, приходит к выводу, что их число к началу XX века составляло 60–75 тыс. чел. в год.² В апреле 1897 г. газета «Каспий» сообщила, что «В последнее время из Персии в Баку приезжает с каждым пароходом по 150–200 персидских подданных — чернорабочих...»³

Основную часть трудовых мигрантов составляли сезонные рабочие, зимой возвращавшиеся в Иран⁴. Например, в 1900 г. из 67304 персидских рабочих, которые легально перешли российские границы, 57489 вернулись в Иран. В 1906 г. это соотношение было также значительным: 95132 и 60524, в 1913 г. — 274555 и 213373⁵. Но, как мы видим, все больше мигрантов уже оседали в Закавказье и в Средней Азии, и само постоянство процесса миграции привело к тому, что иранцы составляли значительную рабочую силу в регионе. На бакинских нефтепромыслах и в других отраслях промышленности на Кавказе и в Туркестане иранские рабочие составляли 30% от общего числа рабочих и образовали там самую большую иностранную группу⁶. В 1905 г. на медных рудниках и в промышленных предприятиях Алаверды на севере Еревана, работали 2500 мигрантов из Персии — 70% общего числа работников.

Большой процент трудовой иранской миграции объясняется не только безработицей в Иране и спросом на трудовую силу в Российской империи: иранцы пользовались хорошей репутацией, как утверждает чиновнический документ того времени из грузинских архивов: «...Прибывающие из Персии рабочие не представляют из себя элемента преступного, они очень трудо-

¹ Тигранов Л.Ф. Из истории общественно-экономических отношений Персии. СПб., 1905. С. 159, 160.

² Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 88.

³ Газета Каспий. Апрель 1897.

⁴ Подробнее об этом см.: Мамедова Н.М. Иранская диаспора в России // Иран сегодня. 2008. № 1(8). С. 36–39.

⁵ Entner M.L. Russo-Persian Commercial Relation 1828–1914. Gainville: 1965. P. 60; Hassan Hakimian. Wage Labour and Migration. P. 447.

⁶ Государственный исторический архив Грузии. Ф. 13. Оп. 1. Д. 267. Л. 14.

любивы, и поэтому спрос на эти рабочие руки всегда большой»¹. Из архивных документов Азербайджана следует: «...персияне идут в Баку, можно сказать, как в свой родной город; они неприхотливы в своих требованиях, довольствуются меньшей зарплатой и нанимаются на всякую черную работу»².

Этническая среда иранских рабочих в Закавказье и Туркестане

*«Тяжелый гнёт феодализма, с одной стороны,
постоянное разорение кустарей и растущая пауперизация —
с другой, выбрасывает из Персии на рынок труда в Закавказье
и Туркестан ежегодно десятки тысяч дешевых рабочих рук»³.*

Сравнивая численность иранцев с представителями других национальностей, общее число которых было свыше 30⁴, обратимся к «Обзору фабрик и заводов Бакинской губернии», в котором отмечено: «Промысловые рабочие представляют сбор племени и народов — кого только здесь нет? Русский, татарин⁵, персиянин, армянин, немец, грузин, швед, француз и пр. и пр.»⁶ В другом исследовании указано, что «можно без ошибки сказать, во второй половине 1880-х и начале 1890-х гг. на промыслах по добыче нефти заняты были преимущественно туземцы — татары и в небольшом количестве персы и армяне»⁷. Такое соотношение Стригунов связывает с тем, что местные рабочие-азербайджанцы обладали необходимой выучкой, знакомством с нефтяными колодцами и нефтью, которую часто употребляли

¹ Государственный исторический архив Грузии. Ф. 13. Д. 267. Л. 13.

² Государственный исторический архив Азербайджанской Республики. Ф. 44. Оп. 6. Д. 17. Л. 6.

³ Султан-заде А.С. Современная Персия. М., 1922. С.59.

⁴ Ибрагимов З.И. Революция 1905–1907 гг. в Азербайджане и ее особенности // Азербайджан в годы первой русской революции. Баку: Из-во АН АзССР, 1965. С. 56.

⁵ Татарами (или кавказскими татарами) называли азербайджанцев Северного Азербайджана и Персии.

⁶ Гулишамбаров С. Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии. Тифлис. 1890. С. 55.

⁷ Петрович П. Рабочие бакинского нефтепромышленного района. Тифлис. 1911. С. 9.

для освещения, смазки, приготовления кира¹ и т.д.² Как указано в архивных документах, среди рабочих у трех подрядчиков бурения в конце XIX в., численно преобладали азербайджанцы: в одном списке азербайджанцы составляли 100% (28% — из Северного и 72% — из Южного Азербайджана), во втором 60%, в третьем 55,1%.³ Кроме рабочих-азербайджанцев, в бурении были заняты русские, дагестанские и армянские пролетарии. Рабочие с разных уголков в Закавказье стекались на заработки. Так, для крупного нефтеперегонного и химического завода «Товарищество С.М. Шибаета и К^о» И.В. Стригунов приводит следующие данные: «Число рабочих на этот завод в 1899–1901 гг. составляло 2551 человек из которых насчитывалось 14,3% — из Южного Азербайджана; около 2,5% происходило из Северного Азербайджана, 0,9% уроженцев Армении и Грузии, Пензенской (13,8%), Саратовской (8,9%), Рязанской (7,9%), Симбирской (7,5%), Нижегородской (7,1%), Казанской (6,0%), Владимирской (4,9%), Тамбовской (4,8%), а на долю уроженцев остальных губерний Европейской России приходилось (11,3%)»⁴.

А вот национальный состав рабочих, занятых в добыче нефти и бурении скважин, из «Обзора бакинской нефтяной промышленности»⁵:

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	1893 г. в %	1900 г. в %
Азербайджанцы	35,5	43,7
В том числе:		
Местные татары ¹	21,5	19,0
Персы ²	14,0	24,7

¹ Кир — мягкий асфальт из высохшего под солнцем мазута, которым топили печи и покрывали крыши в Баку и вообще на Востоке.

² Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С.142.

³ Государственный исторический архив Азербайджанской Республики. Ф. 156. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–90б.

⁴ Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 97.

⁵ Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1893. Баку: 1894. С. 91, 93; Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1900. Баку, 1901. С. 284, 286.

Русские ³	13,7	10,9
Армяне	26, 4	24, 3
Лезгины ⁴	19,1	17,0
Прочие	5,3	4,1

В целом удельный вес русских рабочих (в нефтяной промышленности — около 20%), в нефтепереработке (55%) и механических мастерских (42,9%).⁵ И.В. Сталин называл дореволюционный Баку «калейдоскопом национальных групп»⁶, в котором трудились рабочие более 30 национальностей.

Бурный рост трудовой миграции из Ирана на юг Российской империи был приостановлен русской революцией 1905 г. Так, уже в январе 1906 г. число иранцев, занятых на 75 нефтяных предприятиях на Кавказе, снизилось на 6 тысяч⁷. Необходимо отметить и расхождения в различных документах. В донесении российского дипломата Гартвига от 6 сентября 1907 г. указано, что подъем иранской революции побудил царские власти установить строгий пограничный надзор, ограничить число проходных пунктов (до четырех) и ввести карантинные стеснения, в связи с чем количество отходников резко сократилось в 1907 г.⁸ Но в газете «Баку» даны совсем противоположные данные. В ней указано, что с развитием после 1906 г. Конституционного движения в Иране поток мигрантов вновь возобновился, и уже в 1907 г. на Кавказе и в Центральной Азии наблюдался массовый приток рабочих из Ирана. Тысячи крестьян из северной провинции Персии — Азербайджана перешли российскую границу в поисках работы⁹. Согласно документам Владикавказской же-

¹ Имеются в виду азербайджанцы из Северного Азербайджана.

² Имеются в виду выходцы из Южного Азербайджана.

³ В число русских входили и украинцы, и белорусы.

⁴ Здесь имеются в виду лезгины.

⁵ Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 148.

⁶ Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 364.

⁷ Ибрагимов З.И. Революция 1905–1907 гг. в Азербайджане и ее особенности. С. 95.

⁸ Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1028. Л. 341.

⁹ Баку № 42. 22 февраля 1907.

лезной дороги только за три дня в сентябре 1907 г. в Баку прибыло 1500 рабочих.¹ В том же году количество иранских мигрантов в нефтяной и других отраслях бакинской промышленности достигло прежнего уровня 50 тыс.²

Итак, в нефтедобывающей промышленности в Баку³:

Год	Количество рабочих	Иранские рабочие в %
1893	7060	11,1%
1903	23 435	22,2%

Год	Количество рабочих	Иранские рабочие
1907	10 648 бурильщиков	30,3% (на промыслах 24,65)
1907	37 394 рабочих, занятых на добыче нефти в подсобных предприятиях	7418 чел.

В 1909 г. поток иранцев, ищущих «работу в Закаспийской области, увеличивался настолько, что, например, в провинции Хорасан, только число офисов в деревнях для выдачи заграничных паспортов выросло с десяти до двадцати пяти»⁴. К 1917 г. в пределах бывшей Российской империи проживало до 200 тысяч иранцев, почти половина из них — в Средней Азии. В Средней Азии выходцы из Ирана работали чернорабочими в хлопково-маслобойном, мыловаренном и кирпичном производствах в Ферганской и Самаркандской областях, причем их труд оплачивался ниже труда русских и узбеков, а также кочегарами работали исключительно иранские подданные⁵. Вместе с рабочими местных национальностей иранцы участвовали в строительстве Средне-Азиатской железной дороги, а после окончания строительства незначительная часть их осталась работать железнодоро-

¹ Бакинское эхо. 16 сентября 1907.

² Баку № 42. 22 февраля 1907.

³ Пажитков К.А. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.: 1940. С. 95, 96, 97; Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1906 год. Баку, 1907. С. 73, 74, 76.

⁴ Charles Issawi (ed) The Economic History of Iran 1800–1914. London, 1971. P. 52.

⁵ Заорская В.В., Александр К.А. Материалы изысканий по устройству водохранилищ в верховьях реки Сыр-Дарья. Вып. 1. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. С. 177, 312.

рожными рабочими и служащими¹. В целом — более 2%² населения Ирана³.

Детский и женский труд

*«Трудно было смотреть на полуголых детей,
они месили ногами зеленоватую жирную слизь в лужах,
группами по трое, по пяти, уныло сидели в дверях жилищ,
прижавшись друг к другу, играли на плоских
крышах обломками железа, щепками»⁴.*

Бахрам Агаев, известный иранский революционер, в отчете об условиях жизни иранских крестьян отмечал: «...что просто невозможно было оставаться жить в Персии, особенно в Персидском Азербайджане, где губернатор взял такую власть, что обирал крестьян, брал с них взятки и делал с ними, что хотел»⁵. Там же Бахрам Агаев говорит о наживавшихся на кошмарной крестьянской нужде так называемых «почтальонах», вербовавших в иранских деревнях множество детей. «Почтальон» обещал заплатить их родителям 40 рублей в год. Значительную часть этой суммы родителям приходилось отдавать помещикам. Набрав около сотни детей, «почтальон» вёл их пешком в направлении Баку, это занимало 7–8 дней. В промышленных центрах «почтальон» встречал подрядчика, которому передавал детей, получая по 100 рублей за каждого ребенка. Уйти от подрядчика дети не мог-

¹ Пясковский А.В. Народы Туркестана в революции 1905 г. М., 1949 (кандидатская диссертация). С. 50.

² Рейснер И.М. Русская революция 1905–07 гг. и пробуждение Азии // Советское Востоковедение. 1955. № 2. С. 21.

³ Согласно переписи 1920–1921 гг. в Азербайджане, главным образом на Бакинских нефтепромыслах, было сконцентрировано 41020 иранцев. См.: Агаев С.Л., Платун В.П. Вопросы коммунистического и национально-освободительного движения в Иране в 20-х гг. // Коминтерн и Восток: Критика критики. Против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении: сб. статей АН СССР, Ин-т международного рабочего движения / отв. ред. Р.А. Ульяновский. М.: Наука. 1978. С. 247.

⁴ Картина нефтепромышленного ада описана Максимом Горьким, который дважды побывал в дореволюционном Баку. См.: Горький Максим. Собрание сочинений. Т. 17. С. 116.

⁵ РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1(4). Д. 78. Л. 2.

ли, так как его интересы всячески отстаивало иранское консульство в Баку¹. Труд детей широко эксплуатировался при обработке волокна, животных продуктов, дерева, металлов, в производстве продуктов питания, в полиграфии, а также на сельскохозяйственных работах и переработке с/х продукции и т.д.

Так, в 1901 г. в производстве табака в Бакинской губернии 44,7% работников составляли подростки от 15 до 16 лет и дети от 14 лет и младше. В том же году в полиграфии было занято 32,2% детей, из чего виден быстрый, почти на 40%, рост по сравнению с 7,5% в 1897 г.² При этом на табачных фабриках и в типографиях дети работали даже в праздники на основании официального разрешения в ответ на ходатайство фабрикантов использовать труд малолетних рабочих в праздничные дни «с пользой», которую якобы получали дети, «приучаясь к самостоятельной работе»³. Что касается труда на табачной фабрике, то в «Обзоре фабрик и заводов Бакинской губернии» отмечалось, что «...во всех помещениях атмосфера пропитана едкой табачной пылью, разъедающе глаза и легкие»⁴.

Средняя заработная плата детей и женщин была в 2–3 раза меньше, чем у мужчин⁵. К сожалению, имеющиеся данные об иранских трудовых мигрантов не дают картину их гендерного состава. В одном из архивных отчетов за 1894–1895 гг. описан семейный состав рабочих нефтеперегонных предприятий Баку, и отмечено, что «Русские мастеровые и рабочие, служащие на заводах, преимущественно семейные, живут вместе с своими семьями. Армяне в большинстве холостые или живут одни, оставив свои семейства на родине. Только весьма незначительная часть их имеет при себе своих жен и детей. Мусульмане все без исключения живут при заводах одиноко, оставляя своих жен в деревнях или прибывая без них из Персии»⁶. Нефтепромыш-

¹ РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1 (4) Д. 78. Л. 2, 3.

² РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 68 Л, 1, 8. *Стригунов И.В.* Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 139.

³ Государственный исторический архив Азербайджанской Республики. Ф. 509. Оп. 1. Д. 68. Л. 5а–5б.

⁴ Гулишамбаров С. Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии. Тифлис, 1890. С. 132.

⁵ *Стригунов И.В.* Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 138.

⁶ Российский Государственный исторический архив. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2304. Л. 23, 24.

ленники старались принимать на работу холостых рабочих, так как это позволяло избежать дополнительных расходов¹. Также слабое распространение женского труда на Кавказе было связано и со сложившимся на Востоке за много веков положением женщины, которая не имела права участвовать во многих областях производственной и в общественной жизни. Тем не менее, по данным первой национальной переписи населения Российской империи от 28 января 1897 г., мы можем дать приблизительную картину гендерного состава иранской миграции на Кавказе и в Центральной Азии². В этих регионах женщины составляли около 20–25% от общего числа иранских мигрантов. Советский ученый Ирандуст (В.П. Осетров) утверждал, что из общего числа 22 840 иранских работников, работающих в нефтяной промышленности Баку в 1915 г., 8,3% были женщины. Это число сократилось до 7,7% от общего числа 24 958 в 1920 г.³ Женский и детский труд использовался главным образом на табачных фабриках и в сельском хозяйстве, так как в таких отраслях, как добыча нефти, нефтепереработка, а также на транспорте, где нужны были крепкие и физические развитые рабочие, преобладали здоровые мужчины 20–39 лет⁴.

Общая картина условий труда рабочих

«Нефтяные промыслы остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада»⁵.

В 1911 г. Мохаммад Амин Расулзаде написал в статье, опубликованной в «Тарагги», что «иранские рабочие на Кавказе работают больше всех и, между тем, это — самые бедные рабочие. Они

¹ Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 137.

² Первая национальная перепись 1897 г. разделила сообщество на две категории: первая группа представляла тех, кто говорил по-персидски, но не имела персидского гражданства. Вторая группа, известна как персидские поданные, состояла в основном из вновь прибывших эмигрантских рабочих.

³ Irandoust. Tabaqeh-Kargardar Iran-e Mo'aser. Sharq Novin. 20 (1926). (на перс. яз.)

⁴ Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 135

⁵ Горький Максим. Собрание сочинений. Т. 17. С. 113.

работали от 15 до 18 часов в день — иногда даже в ночное время. Ежедневная средняя заработная плата докерам «хамшахри» — от 50 до 60 копеек. Их заработок составляет около 20% среднего заработка других наемных рабочих. Они едят плохо и часто живут от 10 до 15 человек в одной комнате, выплачивая ежемесячно 50 копеек за нее. Эти комнаты выглядят как конюшни, не хватает очень элементарной и основной гигиены»¹. Иранские трудящиеся-мигранты большей частью использовались как неквалифицированные рабочие. Так, согласно советской исследовательнице Н.К. Беловой, в Елизаветполе сельскохозяйственные земли обрабатывались преимущественно персами, которые в поисках работы тысячами ежегодно прибывали в эту губернию, а местные работники отказывались от работы из-за низкой платы и плохих условий труда. Елизаветпольский губернатор отмечал в своем донесении: «В низменных волостях губернии — в местах исключительно малярийных, очистка и рытье оросительных канав, поливка полей и лугов, виноградников, особенно риса, пропалывание хлебов, снятие хлопчатника, сенокошение и хлебокошение, окуливание серой виноградников... производятся исключительно персиянами»². На болотистых полях работники страдали от страшного зноя, грязи и отсутствия чистой питьевой воды. Их косила малярия. Интересно отметить факт, что, когда в 1907 г. число иранских отходников резко сократилось³, рабочие из Тифлисской и Кутаисской губерний — молокане, духоборы и грузины, привлеченные обещанием высоких заработков — нанялись работать на низинных полях, где ранее трудились исключительно иранские отходники, то из-за тяжелых климатических и бытовых условий они бросили работать, в результате чего громадные пространства полей в губернии не были обработаны и много хлеба осталось на корню⁴. Труд значительной части отходников из Северного Ирана использовался и в сельском хозяйстве Армении и Грузии. Сезонные рабочие из Ирана работали на

¹ Mohammad Amin Rasul zadeh. Gozareshhaiiaz Enqelab-e Mashtuteh. Tehran, 1998. P. 78. (на перс.яз.)

² Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века // Вопросы истории. № 10. М., 1956. С. 115.

³ Причины сокращения числа иранских отходников будут представлены ниже.

⁴ Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века. С. 115.

хлопковых полях, в огородах, проводили оросительные каналы, переносили клади, выполняли наиболее тяжелую, трудоемкую и низкооплачиваемую работу¹. По официальным данным, в 1910 г. в Тифлисе число иранских чернорабочих составляло 4954 чел., а в Борчалинском уезде число чернорабочих достигало летом 4500, зимой 2000 чел.²

Если в Елизаветпольской губернии местные работники отказывались работать за низкую оплату на тяжелых условиях, то в других местах согласие иранцев на работу за более низкую оплату вызывало конкуренцию и вытеснение местного рабочего класса. Так, газета «Саратовский вестник» сообщала, что в Нижнем Поволжье уже в 1900 г. судовые русские рабочие «положительно вытеснялись персами». На пристанях Астрахани, на всех товаро-пассажирских и буксирных пароходах грузчиками работали исключительно амбалы — иранцы, русские же крючники лишились этого заработка, потому что пароходчики предпочитали сдавать погрузку и выгрузку подрядчикам — «персам» по цене от 4 до 4,5 руб. за 1 тыс. пудов, тогда как в городах Верхнего Поволжья, где работали русские, платили по 5–5,5 руб. Корреспондент газеты добавляет: «Волгари уверяют, что в непродолжительном времени персы будут грузчиками на всех значительных пристанях Поволжья»³. В сообщении, опубликованном в 1900 г. в газете «Саратовский Вестник» о трудящихся-мигрантах, автор утверждает, что по всей России иранские рабочие принимались на самые тяжелые работы. В качестве примера он ссылается, в частности, на Астрахань, где докерами были исключительно иранцы⁴. Иранские портовые рабочие работали по 15–18 часов, нередко ночью. Некоторые из них ходили в лохмотьях, в лаптях, в рубахах из мешковины. Ночевали в сарае, который нанимали в складчину, или же под открытым небом. Обед обычно состоял из куска хлеба, лука и огурца⁵.

¹ Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века. С. 115.

² Центральный Государственный исторический Архив Грузии. Ф. 13. Д. 267. Л. 25–26; Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века. С. 115.

³ Клейнборт Л.М. История безработицы в России. 1857–1919. М., 1925. С. 85–86.

⁴ Стригунов И.В. Из истории формирования бакинского пролетариата (70–80-е гг. XIX века). С. 88–89.

⁵ Богрова Е. Персия и персы. М., 1903. С. 2–3.

Различные отчеты, составленные иранскими государственными консульствами в Баку, Гяндже и Тбилиси, также отображают тяжелые условия труда этих рабочих. «В портах сгнившие доки, как правило, являются причиной гибели сотни из них, утонувших в море»¹. Условия работы в нефтяном секторе были не лучше. В одном из сообщений говорится: «в бакинских районах Сабунчи и Балаханы частные владельцы нефтяных скважин используют исключительно иранских землекопов. Глубина скважины составляет от 35 до 45 метров. Несчастные иранские рабочие, как правило, ниже 30 метров отравляются газом и погибают. Рабочим не предоставляется информация об условиях заранее, поэтому иранские землекопы с незнанием того, что их ожидает в нижней части скважины, принимают оплату от 20 до 40 манатов день, чтобы встретить свою несчастную судьбу. Почти каждый день становится известно о смерти четырех или пяти землекопов в местной прессе»².

Социальное обеспечение иранских рабочих было крайне скудным, и такие условия не могли не привести к беспорядкам. Очень немногие рабочие места были постоянными, и даже у нефтяников Баку это не было исключением. В соответствии с законом 1903 г. работодатели не имели никаких обязанностей при несчастных случаях с иностранными работниками, а несчастные случаи из-за почти полного отсутствия охраны труда были в то время массовым явлением. Здоровью и жизни рабочих угрожали массовые профессиональные заболевания, связанные главным образом с тяжелыми условиями производства. Рабочий день на промыслах длился 10, 12 и даже 18 часов, а дней отдыха не предоставлялось. Столь продолжительный рабочий день, напряженный труд в невыносимой обстановке, мизерная зарплата и высокие цены, обрекавшие рабочих на систематическое недоедание и голод, кошмарные жилищные условия — все это приводило к преждевременному истощению организма, к болезни и даже смерти. Официальные комиссии отмечали совершенно неудовлетворительные условия жизни рабочих. Грязь в их поселках была неопишуемой. О жилищных

¹ Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Tehran (AMFA). B. 12. D. 32, 1910. B. 13. D. 51. 1912.

² Ibid. B. 13, D. 34, 1912.

условиях рабочих царский чиновник писал: «В лучшем случае они живут в кишлаках вблизи селений во временных помещениях, а бывает и так, что, работая в поле, в саду, они ночуют под кустами, в канавах, под заборами, у изгородей вокруг садов»¹. Рабочие ютились также в тесных и душных казармах, где быстро распространялись тиф и дизентерия. Бедняки из Иранского Азербайджана в большинстве случаев не могли получить место в промысловых казармах и снимали сообща так называемые «артельные квартиры». Это были ветхие лачуги, землянки или подвалы, где большинство людей спало вповалку на полу, страдая от сырости, темноты, грязи, холода, тесноты и удушливой вони². А на иранской границе карманы отходников, возвращавшихся домой из России, очищали иранские чиновники, которые для этой цели выставляли отряды феррашей³. Если отходники неотдавали денег, то их избивали палками.⁴

Начало рабочего движения

«Сегодня третий день, как мы свидетели самых ужасных и тяжелых сцен — уличных беспорядков... приходится видеть разъяренную массу народа. Не дай Бог никому быть очевидцем подобного зрелища... страшен народ, когда он восстает!»⁵

Хотя условия на родине были невообразимыми, а в России хамшахи получали оплачиваемую работу, их недовольство от жутких условий труда на Кавказе стало нарастать. В 80–90-х годах XIX в. происходили первые забастовки и стачки рабочих в Баку, носившие стихийный и неорганизованный характер. Это не могло не волновать работодателей, поэтому при поступлении на работу иранских отходников даже стали

¹ Белова Н.К. Об отходничестве из северозападного Ирана в конце XIX — начале XX века. С. 116

² Стопани А.М. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. Баку, 1916. С. 86.

³ Ферраш — слуга, исполнитель воли официального лица.

⁴ Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века. С. 118

⁵ Газета «Неделя». СПб.: № 19. 1881. С. 652.

заставлять клясться на Коране, что они не будут вступать в члены профсоюза и бастовать.

К числу первых выступлений относятся забастовки рабочих-аробщиков, которые до постройки нефтепроводов на Апшероне занимались перевозкой нефти с промыслов на нефтеперегонные заводы и в хранилища. К этим забастовкам присоединились рабочие предприятий обрабатывающей промышленности, в частности табачных фабрик¹. Хамшахри также принимали участие в рабочих стачках. Большое значение для политического сознания иранских отходников имела июльская стачка 1903 г. Как отмечает советская исследовательница Н.К. Белова, «Бакинская организация РСДРП уделяла большое внимание агитационно-пропагандистской работе среди пришлых рабочих-мусульман и воспитанию пролетарского, интернационалистского отношения к «амшаре» со стороны местных рабочих»². Газеты писали о трехдневной забастовке иранских рабочих на табачной фабрике братьев Мирзабекянц в Баку в 1903 г. (четверть из 800 работников этой фабрики были иранцами). Во время этой забастовки были разбросаны листовки на персидском языке³ со списком требований⁴. Неизвестно, где эти листовки были напечатаны⁵. Обычно листовки персидским шрифтом публиковались на Кавказе и распространялись не только среди иранцев на Кавказе и в Средней Азии, но и пересылались в Иран. Так, А. Касрави в своей работе «Тарих-е Машруте-йе Иран», пишет, что Бахшали, таможенный работник в Джульфе, провез революционную литературу через границу в Иран⁶. Под руководством Бакинского комитета РСДРП

¹ Весной 1881 г. одновременно на всех табачных фабриках в Баку возникла забастовка. А следующая произошла на табачной фабрике Мирзабекянца в 1892 г.

² Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века. С. 119.

³ Для иранских азербайджанцев родным языком был азербайджанский, и они свободно общались с северными азербайджанцами, но читали и писали они на персидском. Поэтому было важно публиковать пропагандистские материалы именно на персидском языке.

⁴ Алиев С.М. К вопросу о связях Бакинского и Тифлисского комитетов РСДРП с иранскими революционерами в 1903–1911 // Славные страницы борьбы и побед. Баку: 1965. С. 192

⁵ Необходимо напомнить, что в то время было крайне нелегко тайно печатать большой тираж листовок или брошюр из-за редкости и недоступности типографии и государственного контроля над печатью. В романе «Бесы» (1872) Ф.М. Достоевского ключевую роль для революционеров играет зарытая в лесу типография.

⁶ Ahmad Kasravi. Tarikh-e Mashruteh Iran. Tehran, 1978. P. 151 (на перс. яз.).

была проведена забастовка бакинских рабочих 13–31 декабря 1904 г., которая закончилась заключением первого в истории России коллективного договора рабочих с нефтепромышленниками¹. Забегая вперед, отметим, что в пятую годовщину декабрьской забастовки Бакинский комитет РСДРП выпустил листовку, в которой об иранских рабочих говорилось: «Из «амшары» и «вьючного животного» мы сразу превратились в людей, борющихся за лучшую жизнь! Вот что нам дала декабрьская забастовка и декабрьский договор!»² В 1905 г. 700 иранских рабочих медных рудников Алаверды (на севере Еревана) инициировали забастовку (иранские шахтеры составляли 2500 из общего количества шахтеров от трех до четырех тысяч)³. Среди 28 пунктов их требований были: сокращение рабочего дня до 7 часов, увеличение заработной платы на 20% и улучшение условий труда. Требования⁴ были переданы через посредничество иранского консульства⁵. В результате подавления забастовки⁶ 29 шахтеров погибли, все иранские шахтеры-участники акции были арестованы и депортированы в Иран⁷. После забастовки в Алаверды царская полиция стала пристально следить за деятельностью иранских трудящихся-мигрантов, и, по некоторым данным, некоторые иранцы были арестованы и изгнаны из России⁸.

Использование частной охраны, постоянно находившейся на территории предприятий, отнюдь не было исключением в Баку в то напряженное время. В 1905 г. только бакинские нефтепромышленники затратили огромную сумму — около

¹ Белова Н.К. Об отходничестве из северо-западного Ирана в конце XIX — начале XX века. С. 119.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 170.

³ Revolutionary movement in Armenia. 1905–1907. Collection of documents. Yerevan, 1955. P. 185; газета “Nor Khosk” (New Word). No. 6. 31 August 1906.

⁴ Главным требованием было повышение заработной платы.

⁵ Archive of the Ministry of Foreign Affairs. B. 7. D. 5. 23 April 1905.

⁶ Приблизительно через 5 месяцев была послана военная колонна генерал-губернатором Кавказа для подавления восстания.

⁷ Revolutionary movement in Armenia. P. 185; “Nor Khosk”, 6 (31 August 1906). Шаумян в своем докладе Пятому съезду РСДРП (1907) представил подробный отчет о забастовке Алаверды. Джалил Мохаммад Голизаде в статьях, опубликованных в Кавказском рабочем листке (24 ноября 1905), дает подробный отчет об этой забастовке и судьбе иранцев-шахтеров, депортированных в Иран.

⁸ Центральный государственный архив истории политических партий и общественных движений Азербайджана. Ф. 13. Оп. 27. Д. 533.1907; Ф. 15. Оп. 1. Д. 78. 1908.

400 тыс. рублей на содержание частной охраны¹. По архивным данным, собранным советским историком Самедовой, «проводилась военизация полиции»: «специальный циркуляр департамента полиции, изданный 28 июня 1905 г., определял обязанности полиции по подавлению забастовок и стачек, политических демонстраций и митингов. Циркуляр обязывал полицию применять оружие для «охраны порядка» и оказывать войскам содействие в вооруженном подавлении революционного движения»². Журнал «Нефтяное дело» зафиксировал 63 забастовки на нефтепромыслах в первой половине 1907 г., из которых полиция участвовала в подавлении 28³.

В донесении фабричного инспектора от 28 июня 1906 г. о майской забастовке типографских рабочих с требованиями о повышении зарплаты отмечается: «Я советовал заведующему типографии закрыть на время типографию и выдать расчет всем рабочим. Советовал это потому, что обследование прежних забастовок показало, что всякого рода уступки по требованию рабочих не приносят пользы. Достаточно самого ничтожного повода, и возникает новая забастовка, появляются новые требования». Далее инспектор демонстрирует точное понимание психологии и духа рабочего движения: «забастовки являются для рабочих своего рода испытанием их сплоченности»⁴.

Положение иностранных работников стало еще драматичнее после 1905 г., когда после беспорядков по всему Баку российские власти вынуждены были экстрадировать тысячи из них⁵. По указанию царских властей им был даже разрешен бесплатный проезд по железной дороге и на пароходах до Ирана⁶.

Летом 1906 г. 616 рабочих подняли забастовку на всех заводах товарищества С.М. Шибаева с требованием введения 8-ча-

¹ Каспий. № 41. 22 февраля 1906 г.

² ЦГИА Азерб. ССР. Ф. 484. Оп. 1. Д. 47. Л. 220а–221б.

³ «Нефтяное дело». 1907. № 19. С. 1435; Цит. по изд.: Самедова С.М. Фабричная инспекция и рабочее движение в Баку в 1905–1907 гг. // Азербайджан в годы первой русской революции. Баку: Из-во АН АзССР, 1966. С. 223.

⁴ Филиал ЦГИА Украинской ССР в г. Харькове. Ф. 834. Оп. 818. Д. 132. Л. 11а–11б. Цит. по изд.: Самедова С.М. Фабричная инспекция и рабочее движение в Баку в 1905–1907 гг. С. 216.

⁵ Hassan Hakimian. Wage Labour and Migration. P. 450.

⁶ Государственный исторический Архив Азербайджанской Республики. Ф. 1/1. Оп. 1–1. Д. 1569. Л. 2; Ф. 6/С. Оп. 1. Д. 51. Л. 15.

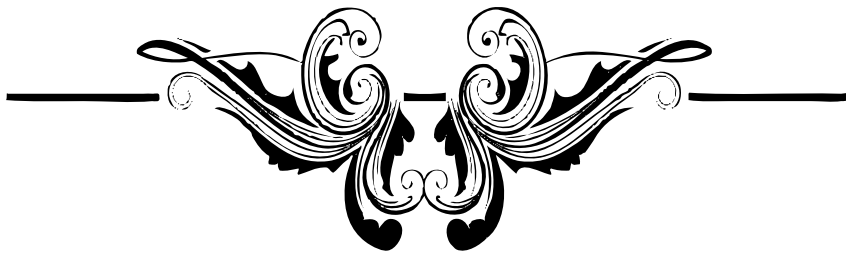
сового рабочего дня. В своем донесении о случившемся старший фабричный инспектор писал: «В начале забастовки рабочие вели себя угрожающе, почему была вытребована охрана в 50 казаков, которая находилась на заводе, все время... Забастовка прекратилась отчасти благодаря изданному временным генерал-губернатором постановлению об арестах и высылке на родину бастующих рабочих, а главным образом — вследствие истощения материальных средств у бастующих рабочих»¹. Хотя инспектор не указал национальность бастующих, но учитывая превосходящее число иранцев среди туземцев, можно сделать вывод, что под «высылкой на родину» имеется в виду Персия.

В 1905 г. в большевистской газете «Кавказский рабочий листок» была выражена братская солидарность и опубликовано специальное обращение к иранским отходникам, насильно высланным из России: «...уезжая, вы, бедные силы Ирана, должны помнить следующее:

Во-первых, вы уезжаете от нас спокойно, не унося с собой никакого чувства злобы, вражды. Вы должны помнить, что никто у нас, считая вас гостями, не питал к вам злобы и ни на волос не думал вас обижать... Не забудьте вот еще чего, бедные персидские рабочие. Когда вы прибудете на родину, то соберите вокруг себя оборванный, голодный и угнетенный, как и вы сами, рабочий люд и объявите такую добрую весть: расскажите ему, что у нас по всей России поднялся на ноги весь рабочий народ и, сплотившись в грандиозную силу, свергнул с себя тот гнет, под которым он по сие время стонал. Передайте там вашим землякам рабочим, что их российские товарищи шлют им привет. Если там они захотят следовать по стопам здешних своих товарищей, если захотят высвободиться из-под ярма, которые накладывают на них персидские деспоты, ханы, хозяева, муллы, предприниматели, принцы и др., если захотят завоевать свои человеческие права и вздохнуть свободно, то тогда их российские товарищи преподнесут им в знак памяти свое знамя со священным лозунгом, изображенным на этом знамени. Пусть оскорбленный, обездоленный персидский рабочий народ прочтет этот лозунг: “Пролетарии всех стран соединяйтесь!” И пусть прочтут и соединяются»².

¹ Самедова С.М. Фабричная инспекция и рабочее движение в Баку в 1905–1907 гг. С. 217.

² Кавказский рабочий листок. 9 (22) декабря 1905.

Б.А. Алимжанов

**§ 4. Политика сохранения военной
администрации Туркестанского
генерал-губернаторства:
Андижанское восстание 1898 г.**

Основными причинами Ферганских беспорядков, по мнению туркестанской администрации, были: 1) разделение властей между исполнительной и судебной властью в Туркестанском крае¹; 2) ослабление прав уездных начальников, которые завалены бумагами и не имеют возможности почаще объезжать вверенные им территории²; 3) институт выборов для населения края³; 4) «фанатизм» и «отсталость» населения⁴; 5) турецкая агитация в форме панисламизма⁵.

В метрополии мнения по поводу андижанских событий разделились: одни безоговорочно приняли версии туркестанской администрации (например, Военное министерство, так как туркестанская администрация подчинялась ему непосредственно), другие с большим недоверием отнеслись к сообщениям местных властей (Министерство финансов и

¹ Закаспийское Обозрение (далее ЗО). 1898. № 106.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Туркестанские Ведомости (далее ТВ). 1901. № 67.

МВД). Особенно большой скепсис метрополии вызвала попытка объяснить эти события исламским фанатизмом. В то время Россия была занята Дальним Востоком, только что был присоединен Порт-Артур (март 1898 г.), и для министра финансов С. Витте это событие было «некстати». Он не хотел переключаться на Среднюю Азию, так как этот вопрос для него был исчерпан еще Горчаковым. С. Витте не хотел менять политический «курс» по отношению к Туркестану, как того добивалась туркестанская администрация¹. И еще один немаловажный факт: в то время в Санкт-Петербурге гостил Эмир Бухарский, и заострять исламский вопрос во время его визита к императору и двору не имело никакого смысла, так как не хотелось портить отношения с Бухарой². Скорее всего, поэтому, андижанский вопрос не имел большого отклика в метрополии, даже крупные газеты ограничились маленькими заметками по этому вопросу, «свалив» все на население Ферганы и неумение местных администраторов.

В столичной печати можно было наблюдать «борьбу» мнений и взглядов по андижанской проблеме. Газеты «Русский Инвалид» и «Новое Время» выражали позиции Военного министерства, а «Санкт-Петербургские Ведомости» — точку зрения МВД и Министерства Финансов.

Официальный орган Военного министерства «Русский Инвалид», в андижанских беспорядках обвинил местное население края «для которых идеи “газавата” сохранила и поныне свою силу и значение»³. Также газета увидела причины восстания в Положении 1886 г., потребовав увеличить штат служащих и роль военной администрации в политической жизни Туркестанского края⁴. Военное ведомство понимало недостаточную обоснованность версии о фанатизме, и поэтому свет увидела еще одна интересная интерпретация о «реставрации монархии» в Фергане. Автором этой теории был генерал-майор В.Ю. Мединский, который настаивал, что восстание Дукчи-ишана не что иное, как очередное «монар-

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 409. Л. 4 об. — 5 об.

² СПб Ведомости (далее СПбВ). 1898. № 140–143.

³ Русский Инвалид (далее РИ). 1898. № 217.

⁴ Там же.

хическое выступление» народа, и кипчаки¹ в этом движении играют активную роль»². Военное ведомство также отлично понимало, что все население Ферганской долины не может быть причастно к движению Ишана, и поэтому, анализируя состав участников «восстания», оно пришло к выводу, что активистами в этом инциденте были кипчаки, как и во всех предыдущих беспорядках в регионе³. Эта версия была ближе к истине, так как кипчаки издревле считались беспокойным элементом Ферганской долины.

Интересным взглядом на андижанское дело явилась статья в столичной газете, где основной причиной движения указывается «игнорирование» ислама в Туркестанском крае. По мнению автора статьи, «игнорирование является результатом незнакомства служащих в войсках, в полиции и в других отделах гражданского управления Туркестанского края с самыми существенными чертами ислама и обусловливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения, определяющего собой и весь порядок их внутренней жизни. Между тем при соприкосновении всякого рода властей с туземцами и их жизнью подобные знания оказываются существенно необходимыми для избежания различных недоразумений и иногда крупных промахов»⁴.

Он обвиняет представителей местной администрации в нехватке «знаний» о населении Туркестанского края, что и привело к трагическим событиям. Обвинение автора было несправедливым, так как местная администрация полагалась на низшие чины туземной администрации, которые непосредственно соприкасались с народом и были трансляторами воли высшей администрации.

Пресса метрополии в своих статьях уловила «суть» происшедших событий, но в «деталях» проблемы Туркестанского края она показала свою неосведомленность, что порождало

¹ Кипчаки — полукочевое племя, обитавшее в Ферганской долине. В Кокандском ханстве они в основном служили в гвардии хана и имели огромное влияние на политику Кокандского ханства.

² РИ. 1898. № 145.

³ Имеется в виду восстания Пулатхана (1875–76 гг.), Етимхана (1878 г.) и Дервишхана (1885 г.). См.: ЗО. 1898. № 150.

⁴ ЗО. 1898. № 208.

неправильные рекомендации по реформе административной системы Туркестанского края.

Некоторые авторы увидели причину происшедших событий в экономической ситуации в Ферганской долине. Автор «экономической» версии обращается к трудам Ферганского областного статистического комитета, изданным в 1897 г. и имеющим предметом результаты поземельно-податных работ в Андижанском уезде: «из этих данных следует, что два класса населения — духовенство и пролетариат — могли быть недовольными уничтожением вакфных доходов и обложением этих вакфов поземельной податью. ...Цены на главные продукты в промежутке 5 лет (1889–1893 гг.) поднялось в 3 и 5 раз. Между тем Фергана — область, замкнутая в смысле народного продовольствия, и регулировать цены на припасы в ней трудно. Население принялось расширять у себя культуру хлопка, которая ведет к крушению натурального хозяйства и патриархальных отношений»¹.

По мнению автора статьи, развитие капитализма в крае стало основной причиной андижанских беспорядков, который прививается там в форме хлопководства. Слабость «экономической» версии очевидна, так как к этому времени в Фергане развитие хлопководства только набирало силы.

Результатом всех «дискуссий» об андижанском событии стал «Всеподданнейший доклад» генерал-губернатора Туркестанского края С.М. Духовского императору. В своем докладе С.М. Духовской подчеркивает, что «ислам есть кодекс, враждебный не только нашей религии, но и всей вообще нашей культуре»². Удивительно, государственный деятель С.М. Духовской выступает как активный исламофоб, не понимающий задачи строительства империи. Он делает акцент на том, что возмутителями спокойствия в исламском мире выступают сектанты — суфии, к которым принадлежал андижанский старец. По этому поводу он пишет, «суфизм во многих отношениях для нас опаснее ортодоксального ислама, ...сказавшееся в последнее время, между прочим, в общеизвестном движении африканских махдистов, причем душой этого движения, так же как и при

¹ЗО. 1898. № 234.

² Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век // отв. ред. Д.Ю. Арапов. М.: РАН, 2004. С. 245.

Шамиле, и во время последнего Андиганского восстания был тарикат, обрядовая сторона суфийского учения»¹.

Духовской снова возвращается к версии мирового панисламизма, который принял форму суфизма. Он это делает сознательно, чтобы доказать, что существуют силы, которые угрожают единству империи и с которыми нужно активно бороться. Поиск внутреннего врага, связанного с мировым панисламизмом, — основная идея Духовского. «Тайное сочувствие воинствующему мусульманству и идеям, резюмирует он в докладе военному министру, исходящим из Константинополя, проявляется не только в низших слоях туземного населения края, по видимому, и среди наших вассальных владетелей»².

Версия Духовского о «воинствующем мусульманстве» и «влиянии панисламизма» на андиганские события стали официальной версией местных властей. По поводу рекомендаций С. Духовского С. Витте писал: «Таким образом, ни Андиганское восстание само по себе, ни вызванный им призрак панисламизма, обуславливая, быть может, необходимость некоторых частных предупредительных мер чисто местного характера, не смогут, однако, служить достаточным основанием для того решительного и крутого поворота в издавна усвоенной нашим правительством общей системе отношений к мусульманству, который, кажется, стал необходимым генералу Духовскому»³.

Интересно, что Петербург не только не воспринял доклад Духовского серьезно, даже его рекомендации не были приняты в расчет, а вскоре он сам был отозван в метрополию.

Андиганское дело сыграло неоднозначную роль в судьбах туркестанской администрации, она потеряла доверие центральных властей. Интересно отметить, что когда чиновник администрации туркестанского генерал-губернатора А.С. Стеткевич в своей брошюре о прибыльности Туркестана попытался доказать, что туркестанские войска должны считаться общеимперскими, а не должны иметь местный статус, Министерство финансов парировало, что «совершенно неосновательно мнение, что Туркестан для “местных” целей не нуждается в военной силе;

¹ Мусульманская Средняя Азия Традиционализм и XX век. С. 247.

² РГИА. Ф.1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 195–195 об.

³ Там же. Ф 821. Оп. 150. Д. 409. Л. 12.

лучшим, хотя и прискорбным, опровержением этого мнения могут служить недавние андижанские волнения и ряд других мятежных беспорядков в Фергане в течение последних 20 лет»¹.

Это было полное фиаско «исламской» версии, а метрополия настаивала на «слабости» и «неспособности» туркестанской администрации в решении местных проблем. Понимая свое поражение, туркестанская администрация стремилась «замять» андижанское дело, перенаправив общественное мнение в другое русло. Местная администрация пыталась заострить внимание общественности на экономических проблемах и изменениях, происшедших в крае после печального события. «Туркестанские Ведомости» писали в 1901 г., что «грустное событие в Андижане 17 мая 1898 г., имевшее бесспорно очень важное значение, не может, однако, считаться столь выдающимся для внутренней жизни Туркестанского края, как открытие Среднеазиатской железной дороги, присоединение Семиреченской и Закаспийской областей к Туркестанскому краю, последствия которых для будущности неисчислимы»².

Но пресса время от времени возвращалась к андижанским событиям и предлагала разные «рецепты» предотвращения подобных инцидентов в будущем. Один из прожектеров писал, что «андижанская попытка, эта безумная, нелепая и, по замыслу и по выполнению, затея фанатика нашла все таки приверженцев и воочию доказала, что меры к обрусению народонаселения края не привели к желательному результату». Автор статьи П. Марусин предлагал брать туземцев в армию, «где они обрусуют»³.

В 1901 г. в Туркестанский край был командирован капитан Давлетшин, который изучал состояние народных судов края. Одновременно он изучал причины андижанских беспорядков, опрашивая местных народных представителей: «Главными причинами андижанских беспорядков считают фанатизм и невежество народа. Это справедливо. Но при этом забывают, что не менее важная причина кроется в глухом недовольстве народа отсутствием правосудия и невозможностью разобраться

¹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 203.

² ТВ. 1901. № 2.

³ Там же. 1900. № 19.

в своих взаимных отношениях»¹. Интересный диагноз. Нужно отметить, что все прибывавшие в Туркестанский край комиссии и ревизии в своих отчетах неодобрительно отзывались о местной администрации и пытались раскритиковать туземные власти и «исправить» их по рецептам ревизора и начальника особой комиссии. Конечно, комиссии и ревизии из метрополии больше «дестабилизировали» администрацию края, чем принесли определенную пользу для развития региона².

Спустя десять лет во время ревизии сенатора К. Палена снова «всплыли» последствия андижанского события. Дело касалось хакентских жителей, проживающих вокруг Андижана, земли которых были конфискованы в пользу казны после «восстания» Дукчи Ишана³. В туркестанской прессе по этому поводу появились статьи по андижанскому делу. Но эти статьи носили позитивный характер, доказывали, что повторение этих событий просто невозможно. Одна из местных газет писала: «У сартов нет идей сепаратизма и опасных людей в этом отношении они не только сторонятся, но даже окажут содействие для укрощения их. О затее же андижанского ишана многие из них отзываются как об идее сумасбродной и называют ишана-фанатика — «Ишан джинны» (сумасшедший ишан)»⁴.

А в 1912 г. другая местная газета полностью отрицала повторение андижанских событий, мотивируя это тем, что «русская политика в Средней Азии существенно отличается от английской политики в Индии и для нас панисламистское движение не имеет такого значения, как для Англии. Россия никогда не имела и не будет иметь таких эксплуататорских поползновений на туземное население в Средней Азии, какие преследует Англия; поэтому мы можем быть спокойны за наших туземцев. Совсем иначе обстоит дело в Индии, где давно уже идет борьба с английским владычеством и развиваются сепаративные стремления»⁵.

¹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 394. Л. 32 об.–33.

² Интересно отметить, что советская историография брала примеры из материалов ревизий и комиссий, чтобы раскритиковать местные власти или показать их в невыгодном свете.

³ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 261. Л. 3.

⁴ ТК. 1908. № 78.

⁵ Туркестан. 1912. № 18.

Автор статьи явно ставит выше русскую политику в Туркестане по сравнению с британской в Индии и полностью отрицает влияние панисламизма на Средне-Азиатский регион, доказывая, что он стал частью Российской империи, то есть он уже не «колония», а полноправный субъект российской государственности.

Одним из самых вдумчивых и влиятельных мыслителей, который проанализировал последствия российского присутствия в Средней/Центральной Азии и создавший собственную теорию по проблемам края был В. Наливкин¹. Он был представителем той части туркестанской служилой интеллигенции, которая хотела «модернизировать» край в европейском понимании этого слова. В. Наливкин был активным сторонником усиления власти туркестанской администрации края, так как он понимал, что без сильной власти невозможно осуществить намечаемые реформы в Туркестане. Для В. Наливкина внутренним врагом модернизации края было фанатичное духовенство, которое постоянно противостояло всем благим начинаниям русской власти. «Восстание» Дукчи ишана, было очередной силовой «акцией» местного духовенства против русской власти. По поводу андижанского события он писал, что «все чаще, все громче и грозней раздавались речи и вопли нашей оппозиции (т.е. духовенства), пока, наконец, вызванное ими, на почве наших служебных недугов, нервное возбуждение, постепенно охватывающее все большую и большую часть туземного общества всего вообще края, не разразилось в Фергане восстанием Дукчи ишана. Весьма слабое в техническом отношении, восстание было быстро подавлено; но счеты с его нравственными результатами быть может, придется сводить лишь в будущем»².

По мнению В. Наливкина, местное духовенство использовало «промахи» русской власти в свою пользу, ловко манипулируя сознанием народной массы. В. Наливкин мастерски развивает мысль, что главный враг «прогресса» — местное духовенство и что идет борьба за души между русской властью и «реакционными» слоями местного общества. Он не отрицает «промахи»

¹ Крупный знаток края Туркестанского края и служивший в разных ведомствах Туркестанского генерал-губернаторства.

² ТК. 1913. № 88.

администрации в модернизации края и как бы исповедуется, когда пишет: «Мы говорили и писали по поводу восстания очень много, но ни одним словом не обмолвились о самой главной, наиболее существенной причине этого восстания (т.е. «восстания» Дукчи-ишана), о тех тяжких, хронических недугах нашей официальной жизни (служебной и общественной), которые, будучи нежелательными и вредными вообще, представляются сугубо вредными и опасными на мусульманской окраине»¹.

В. Наливкин указывает на «недуги» местной администрации, которые стали причиной андижанского события. Но он преувеличивает значение андижанских беспорядков и «историзирует» причины и последствия данного инцидента. Наливкин возвращается к «старым» версиям андижанских беспорядков и идеологизирует их в мировом масштабе, т.е. он связывает это событие с «прогрессом» и борьбой между властью и духовенством, что неминуемо вело к широким историко-философским обобщениям.

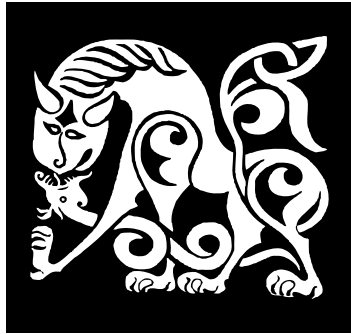
Известный востоковед В.В. Бартольд по Андижанскому восстанию 1898 г. принял версию «реставрации монархии» в Ферганской долине (в основном он развивал версию генерала В. Мединского), он считал, что основным поводом Андижанского события стало отмена зякета², а причиной — «оскудение кочевников, которое привело к упадку военного и служилого сословия»³. Тем самым В.В. Бартольд констатирует, что главными врагами русской власти в Туркестанском крае были старая служилая знать и крепко связанное с ней духовенство.

Нужно сказать, что «версий» андижанских событий было множество, и каждая «версия» преследовала определенные интересы властных структур (Военного министерства, МВД и Министерства финансов). В этой «борьбе» версий в выигрыше оказалось Министерство финансов, которое понимало «узкие» интересы туркестанской администрации и не поддавалось доводам и уговорам властвующей в крае военной элиты.

¹ТК. 1913. № 95.

²Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Т. II. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1963. С. 371.

³Там же. С. 373.

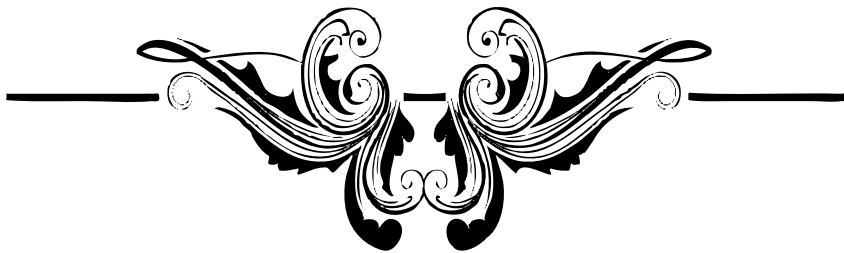

ГЛАВА III

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

В заключительной главе обсуждаются возможности использования традиционных коммуникаций на нынешнем этапе развития Центральной Евразии, перспективы современных коммуникаций, связанных с распространением Интернета и новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Наилучшим образом коммуникативные процессы на уровне «жизненного мира» конкретного человека прослеживаются при изучении традиционной общины. Продолжающаяся общественная трансформация в древних городах с их размеренным ритмом жизни не обходится без осложнений и деструктивных процессов, которые протекают на фоне снижения значимости горизонтальных функциональных связей, а следовательно, и традиционных регуляторов общественных отношений. Вопрос заключается в том, к каким социальным изменениям приведет распад общины в ее традиционном понимании? Возможно ли ее возрождение на принципиально новой основе, в условиях динамично меняющегося и глобализирующегося мира?

В связи с периодически возникающими в Центральной Евразии конфликтами, быстро принимающими межнациональный характер и широкий размах и приводящими к человеческим жертвам, особое значение придается особенностям межличностных коммуникаций в регионе. На примере т.н. «принимающих» стран (России и Казахстана) анализируются и сравниваются факторы, затрудняющие включение трудовых мигрантов из Центральной Азии в конкретные сегменты уже существующих систем организации правового поля, рынка труда, социокультурной среды. По итогам рассмотрения даются рекомендации по оптимизации стратегий преодоления барьеров инклюзии.

П.И. Тахнаева

**§ 1. Использование опыта традиционных
коммуникаций на Северном Кавказе
на современном этапе**

Важной специфической чертой современного Северного Кавказа принято считать его приверженность этническим традициям и обычаям, которые занимают среди населения доминирующие позиции, влияют на формирование ценностных, политических, идеологических, гражданских приоритетов. По всей видимости, эту черту было решено использовать на государственном уровне при построении гражданского общества в регионе, не совсем ответив на важные вопросы — насколько эффективно сочетать традиционные ценности с ценностями гражданского общества? Насколько допустимо использование бывших институтов и регуляторов традиционных обществ для построения гражданского общества в условиях сильных этнических традиций? В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать усилия (начиная с 2010 г.) по формированию постоянно действующего органа в виде Общественного совета и Совета старейшин как новых инструментов борьбы за умы и сердца местного населения. Ранее, в 2007 г., в Цхинвале возникла идея созвать сход старейшин народов Кавказа и учредить Ассоциацию советов старейшин народов Кавказа (и такая действительно была создана, АССНК).

19 мая 2010 г. на заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Элла Памфилова обратилась к президенту Д.А. Медведеву: «Исходя из местной специфики, видимо, целесообразно сформировать в округе постоянно действующий общественный орган – совет старейшин (может быть, это тема для обсуждения, мы её очень активно обсуждали и до встречи с Вами)...»¹ Д. Медведев ответил: «Если говорить об использовании такого института, как совет старейшин, наверное, применительно к северокавказским проблемам это абсолютно разумная вещь. Нужно только понять, какие вопросы могут рассматриваться такого рода советами и каким образом то, что вырабатывается с использованием опыта старейшин, можно было бы применять на практике, чтобы то, что предлагается, не выбрасывалось. Мы же понимаем, нетрудно собрать кого-то, стариков позвать, сказать, чтобы они выступили с чем-то, а потом делать абсолютно другое. То есть если работать по этому направлению, нужно понимать, каким образом будет осуществляться связь между этими решениями и актами власти»². И далее заключил: «Александру Геннадиевичу (Хлопонину) я даю на эту тему поручение, безусловно, такую структуру можно создать, как и совет старейшин, о котором говорилось. Нужно действительно только подумать над тем, как он будет выглядеть, и самое главное, чтобы его решения были действенными, а не просто попыткой выпустить пар, что очень часто преследуют такого рода структуры»³. Таким образом, в мае 2010 г. президент России Д. Медведев поручил полпреду в Северо-Кавказском федеральном округе А. Хлопонину решить вопрос создания Общественного совета по проблемам Северного Кавказа и Совета старейшин. Предполагалось, что, апеллируя к бывшим эффективным социальным регуляторам традиционного общества, в регионе будет

¹ Стенографический отчёт о заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. 19 мая 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/7792> (дата обращения: 30.11.1919).

² Там же.

³ Там же.

создан новый общественный механизм в «борьбе за умы и сердца» местного населения, особенно молодежи.

Опыт обращения к институту Совета старейшин, исторически канувшего в лету, как к некоей панацее, в общественно-политический кризис наблюдался в 2007 г., когда в городе Цхинвале возникла идея создать сход старейшин народов Кавказа и учредить АССНК — Ассоциацию Советов старейшин народов Кавказа. Эту инициативу одобрил Президент РЮО Э. Кокойты. 24 мая 2007 г. в городе Цхинвале собрались представители Советов старейшин Кавказа, которые пришли к единодушному решению о возрождении Совета старейшин народов Кавказа. Президент Кокойты выступая на сходе подчеркнул, что в «сегодняшней непростой общественно-политической ситуации создание Ассоциации Советов старейшин народов Кавказа чрезвычайно необходимо». На съезде присутствовало до 600 делегатов регионов России, соотечественники ближнего и дальнего зарубежья (представители Республики Абхазия, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Дагестан, Республики Северная Осетия — Алания, почетных стариков Всевеликого войска Донского, Терского казачества и Республики Южная Осетия)¹. На былой традиционный институт управления современники возлагали большие и малообоснованные надежды, АССНК видела свои цели и задачи в «укреплении мира и стабильности на Кавказе, утверждении идеи общего кавказского дома и сохранения его для будущего поколения»². «Старейшины на Кавказе испокон веков были хранителями опыта, традиций и заветов предков, — говорилось в Заявлении Ассоциации. — Мы осознаем единство братской семьи народов Кавказа, общность исторических судеб наших народов и свою ответственность за ныне живущие и будущие поколения. Мы выступаем за Кавказ без военно-политических блоков, за Кавказ без войн и вооруженных конфликтов, за межнациональное и межконфессиональное согласие <...> Институт старейшин на Кавказе распространен испокон веков, он имел авторитет во всех этнических группах. Попытка сегод-

¹ Состоялось открытие Схода Советов Старейшин народов Кавказа // Государственное информационное агентство «Рес». 24.05.2007 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://cominf.org/en/node/1166474703> (дата обращения: 29.11.1919).

² Там же.

на возродить Совет старейшин на федеральном уровне имеет под собой основу, потому что освещенная веками национальная составляющая всегда приносила добрые плоды. Надеемся, что старейшины народов Кавказа смогут повлиять на внутриобщественную и внешнеполитическую жизнь РЮО, а также на взаимоотношения с Республиками Северного Кавказа»¹. Однако организация АССНК вскоре канула в лету, так и не сыграв на общественно-политическом пространстве Кавказа заметной роли, кроме заявления нескольких пафосных политических деклараций².

Раннее в Российской Федерации Совет старейшин уже осуществлял свою деятельность на основании Федерального закона № 82 «Об общественных объединениях» (принят 19.05.1995 г.). На его основании в республиках Северного Кавказа был принят ряд документов, регламентирующих деятельность Советов старейшин. В частности, в п. 1 «Положения о Совете старейшин Республики Дагестан», утвержденном Указом Президента Республики Дагестан № 32 от 12 апреля 2006 г., определялось, что Совет старейшин при Президенте Республики Дагестан является совещательным и консультативным органом при Президенте Республики Дагестан, образованным для участия старейшин республики в решении наиболее важных проблем общественно-политической жизни республики³. Аналогичный указ был принят и в Республике Адыгея «О Совете старейшин в Республике Адыгея» от 24 июня 1997 года № 179 : «В целях сохранения исторических традиций, культуры, преемственности поколений, активной опоры на мудрость, жизненный опыт ветеранов Республики Адыгея, повышения роли старейшин в укреплении

¹ Декларация Ассоциации Советов старейшин народов Кавказа. [Электронный ресурс] // URL: <http://cominf.org/en/node/1166474702> (дата обращения: 12.12.1919).

² Делегация старейшин народов Кавказа приняла совместную декларацию по итогам встречи в Цхинвали // Регнум, 24 мая 20?? г. [Электронный ресурс] // URL: <https://regnum.ru/news/833006.html>; Старейшины Грузии и Осетии стремятся решить проблемы Кавказа // Кавказский Узел. 8 августа 20?? г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/120590/> (дата обращения: 18.01.1920).

³ Указ Главы РД от 22.07.2014 № 155 «О внесении изменений в Указ Президента Республики Дагестан» от 12 апреля 2006 г. № 32 «О Совете старейшин при Президенте Республики Дагестан и об утверждении состава Совета старейшин при Главе Республики Дагестан». [Электронный ресурс] // URL: <http://ipravo.info/dagestan1/law/334.htm> (дата обращения: 29.11.1919).

общественно-политической стабильности, мира, согласия и дружбы народов многонациональной Республики Адыгея»¹.

С 2010 г. совет старейшин был институционализирован, а его статус закреплен региональными нормативно-правовыми актами. Например, Указ «О Совете старейшин при главе Карачаево-Черкесской Республики» от 9 ноября 2011 года № 343, обеспечивал участие старейшин республики в решении наиболее важных проблем общественно-политической жизни региона. Одной из первоочередных задач данного «совещательного органа» выступает участие в реализации концепции национальной политики, консолидации народов республики, содействие в укреплении общественно-политической стабильности, достижении доверия и взаимопонимания между народами». В сфере деятельности Совета старейшин находилось «нравственное воспитание подрастающего поколения в рамках традиций и обычаев, самобытной культуры и языка». Институт старейшин должен был выступать в качестве проводника общественного мнения по решениям, принимаемым руководством республики в общественно-политической и социально-экономической сферах.

Майское предложение президента (2010 г.) о создании Общественного совета по проблемам Северного Кавказа и Совета старейшин было поддержано региональными политиками. Глава Чечни Рамзан Кадыров заявил, что «создание Совета старейшин — правильное и своевременное решение», заметив, что «если с первых же дней полностью использовать его потенциал и возможности, которые традиционно заложены на Кавказе в этом институте, это может способствовать в решении многих проблем». Юнус-Бек Евкуров, глава Ингушетии, высказался в том же духе, ссылаясь на незыблемые исторические традиции региона: «Создание Совета показывает, что и сегодня учитываются обычаи и традиции народов Северного Кавказа, где во все времена чттили старейшин. Надеюсь, что Совет будет содействовать политике консолидации общества на Северном Кавказе и в воспитании подрастающего поколения, а также будет надежной опорой для полпреда президента в принятии каких-либо важ-

¹ О совете старейшин Республики Адыгея. 24 июня 1997 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/430568899> (дата обращения: 05.08.1919).

ных решений по развитию округа»¹. В Дагестане Совет старейшин существовал с 1998 г., как «совещательный и консультативный орган при Президенте Республики Дагестан» с 2006 г.²

Наряду с позитивной реакцией это предложение вызвало критику политологов и общественных деятелей, которые сочли его следствием заблуждений федеральной власти относительно устройства жизни на Кавказе, заметив, что она мыслит не реальной ситуацией, а руководствуется набором мифом и стереотипов об архаичности кавказского общества, преувеличивая роль старейшин, которые в настоящее время не играют той роли, которая была у них сто лет назад.

О попытках реанимировать роль института старейшин в современном обществе специалист по кавказской этнополитике, академик В.А. Тишков, не причисляя себя к сторонникам «этнографического романтизма и абсолютизации традиции как общественного института» заметил, что «с тех времен, как наше российское общество, включая регион Кавказа, прошло эпоху позднеимперской государственности и советской модернизации» и «мы живем по европейской правовой норме, восходящей к Кодексу Наполеона, а не по суданскому шариатскому кодексу»³. Признавая, что на Северном Кавказе «традиционные институты являются важным дополнительным механизмом регулирования социальной жизни и управления», академик заметил, что «ввести институт старейшин как механизм правового и социального общественного контроля можно», но «как вернуть разрушенный авторитет старейшин со стороны молодых?». Институт религиозных лидеров В.А. Тишков признал более важным институтом в регионе, нежели институт старейшин: «Потому что и исламские лидеры, и лидеры православной церкви (а на Северном Кавказе, включая Краснодарский и Ставрополь-

¹ Белуза А. Хлопонин сформировал Совет старейшин // Газета «Известия». 17 мая 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://izvestia.ru/news/374865> (дата обращения: 05.08.1919).

² Указ Президента РД от 12.04.2006 N 32 «О Совете старейшин при Президенте Республики Дагестан» // Название ресурса. [Электронный ресурс] // URL: <http://arc.rusouth.info/territory8/pack1b/paper-hfk7gf.htm> (дата обращения: 05.08.1919).

³ Джамааты тоже часть гражданского общества. Интервью с В.А. Тишковым. Беседовал Р. Курбанов // Ансар.Ру. 21 февраль 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ansar.ru/person/dzhamaaty-tozhe-chast-grazhdanskogo-obshhestva> (дата обращения: 05.08.1919).

ский края, православных не меньше, чем мусульман) пользуются в регионе большим авторитетом. Особенно в Дагестане, где мы недооцениваем ту роль, которую играют религиозные лидеры, в том числе неформальные авторитеты. Их предписания и призывы могут быть порой мощным орудием сдерживания или, наоборот, мобилизации верующих»¹. Показательный пример: При выборах в Государственную Думу седьмого созыва (2016 г.) в Республике Дагестан был засвидетельствован факт, когда в с. Гимры (Шамильский р-н), жители полностью отдали свои голоса за А.М. Хархарова (мурида покойного шейха Саида афанди, спонсора Духовного управления республики, за которого сказал слово поддержки преемник Саида афанди — Абдулжалил афанди), который имел влиятельную поддержку со стороны определенных представителей суфийского сообщества Дагестана, и за которого призывало голосовать ДУМД (Духовное управление мусульман Дагестана), но откровенного аутсайдера республиканской власти. Между тем власть приписала Гимрам тотальное голосование за никому не известного кандидата — дагестанца из Москвы². Подобная картина наблюдалась во многих дагестанских селениях аварских районов Южного округа.

О том, что институт старейшин исторически «морально устарел», было в том же 2010 г. отмечено рядом экспертов, которые указывали на то, что с тех пор, как Кавказ фактически оказался интегрирован в общероссийскую действительность, в его обществе произошли достаточно серьезные изменения, роль старейшин нивелировалась³. Некоторые эксперты отмечали, что эффективность работы совета старейшин будет понятна, когда появится механизм его функционирования, подчеркивая, что совет старейшин должен создаваться не сверху, а самим населением, и только тогда он будет эффективен. К тому времени,

¹ Джамааты тоже часть гражданского общества. Интервью с В.А. Тишковым. Беседовал Р. Курбанов // Ансар.Ру. 21 февраль 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ansar.ru/person/dzhamaaty-tozhe-chast-grazhdanskogo-obshhestva> (дата обращения: 05.08.1919).

² Икрамутдин Хан. Дело Хархарова: ДУМД зачистили на выборах в Дагестане // Голос ислама, 20 сентября 2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://golosislama.com/news.php?id=30232> (дата обращения: 16.11.2019).

³ Резчиков А. Медведев дает совет Кавказу // Взгляд. 7 июня 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://vz.ru/politics/2010/6/7/408677.html> (дата обращения: 17.01.2020).

как упоминалось, в ряде регионов Северного Кавказа уже существовали Советы старейшин, но они были наделены только совещательными функциями и не принимали активного участия в политической и общественной жизни субъектов¹. Возможно, Совет старейшин Северо-Кавказского федерального округа мог выполнять свою функцию — обеспечить возложенный на него диалог общества и власти только при правильных подходах к его формированию, исключающих возможность назначения чиновниками своих «дежурных стариков». Но при соблюдении и этого условия было очевидно, что наделить Общественный совет и совет старейшин реальными полномочиями не получится, поскольку это не государственные органы².

В положительной перспективе, по мнению члена Общественной палаты Дагестана журналиста Алика Абдулгамидова, Совет старейшин «должен стать новым коммуникационным каналом, по которому власть должна получать более объективную информацию о ситуации в регионе», при условии, что в него «должны войти люди <...>, имеющие опыт регулирования межнациональных конфликтов, а чиновников туда допускать нельзя, потому что, если там будут региональные чиновники, то этот Совет превратится в людей в папахах, который будут просто заседать и больше ничего»³. Архиепископ Ставропольский и Владикавказский Феофан, высказал мнение, что в Совет старейшин должны войти религиозные и общественные деятели, пользующиеся безупречным авторитетом на Кавказе, утверждая при этом противоречивое, что возраст — не главный критерий для вхождения в состав Совета старейшин: «Старейшины — это не значит старики по возрасту, это люди, которые пользуются авторитетом и признательностью в республиках или в крае (Ставропольском)»⁴. Очевидно, что власть попадает в

¹ Президент России поручил создать в СКФО новые общественные институты // Газета «Взгляд». 7 июня 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://vz.ru/politics/2010/6/7/408677.html> (дата обращения: 23.01.2020).

² Совет старейшин Кавказа не должен стать клубом «дежурных стариков», считают эксперты // Правозащита. 8 июня 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://old.memo.ru/d/44764.html> (дата обращения: 14.01.2020).

³ Там же.

⁴ Эксперты боятся, что Совет старейшин станет «клубом дежурных стариков». 8 июня 2010, источник: РИА Новости. [Электронный ресурс] // URL: <https://news.mail.ru/politics/3938059/> (дата обращения: 12.12.2019).

некоторую ловушку своих представлений о Кавказе, поскольку существует полусказачный образ Кавказа. Созданные в регионе с 14 декабря 2010 г. и действующие по настоящий день Советы старейшин наглядно продемонстрировали, что, создавая эту структуру, политикам и чиновникам не удалось вырваться из «полусказочного образа Кавказа»¹.

Полномочный представитель Президента РФ в СКФО Сергей Меликов на встрече с членами советов старейшин регионов СКФО, состоявшейся в мае 2015 г. в г. Пятигорске, подчеркнул, что «на Северном Кавказе всегда традиционно прислушивались к мнению старших при решении особо важных вопросов. Неслучайно большинство руководителей субъектов округа сформировали такие консультативные органы, как советы старейшин, в которые вошли мудрые и авторитетные люди»². Полпред СКФО Сергей Меликов в своих выступлениях, ссылаясь на исторические традиции в регионе (скорее, выдавая желаемое за действительное), подчеркивал роль старейшин в противостоянии информационной агрессии против России: «Борьба за Северный Кавказ продолжается и в наши дни, только уже средствами информационной войны... Мы — и власть, и общественность — должны действовать на упреждение. А к мнению старших в важных вопросах традиционно прислушивались»³. Попытка представить Совет старейшин в субъектах СКФО как один из важных и действующих институтов гражданского общества, препятствующих распространению экстремистской идеологии, «способствующий сохранению традиций и воспитанию молодого поколения в духе патриотизма и любви к своей Родине — России», в действительности не выдерживала критики⁴.

Между тем, утверждая, что Совет старейшин не архаизм, который должен был остаться в прошлом, а «вполне действующий

¹ Протокол первой конференции Общественного совета СКФО // Северо-Кавказский федеральный округ. 14.12.2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://old.skfo.gov.ru/society/os/kos/1kos/1kos-prot/> (дата обращения: 24.01.2020).

² Советы старейшин готовы работать на укрепление мира и единения в регионе. 22 мая 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://pyatigorsk.org/5663> (дата обращения: 04.02.2020).

³ Роль Совета старейшин в противостоянии распространению идеологии «ИГ» на Северном Кавказе // Кавказовед. 31.10.2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkazoved.info/authors/anton-bredihin.html> (дата обращения: 28.09.2019).

⁴ Там же.

институт, способствующий сохранению традиций и воспитанию молодого поколения в духе патриотизма и любви к своей Родине — России», и причисляя его к числу важных институтов гражданского общества, препятствующих распространению экстремистской идеологии, члены Совета старейшин Общественного совета Северо-Кавказского федерального округа полагали, что его возможности велики, но только как консультативный орган он малоэффективен.

Председатель Совета старейшин Сайд-Абдулла Ахмадов в ходе заседания обратил внимание на важность идейно-нравственного воспитания подрастающего поколения, знания своих обычаев, истории и языка. Он напомнил о том, что чеченский народ принадлежит своей единственной родине — Чеченской Республике, равно как и своему отечеству — России. «Мы не должны позволить уничтожить вайнахскую этику, где главенствующее место занимает уважение и почитание старших. Нельзя допустить, чтобы невежество, наркомания и преступность завладели нашей молодежью», — сказал Ахмадов. Один народ — две системы. Совет старейшин ЧР решает все вопросы в рамках шариата. В 2015 г. заместитель председателя региональной общественной организации «Совет старейшин Чеченской Республики» Магомед Дадуев, заметив, что в активе их организации немало общественно значимых результатов деятельности («реализация проектов по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения, участие советов старейшин в проведении приема граждан на местах и в работе по противодействию экстремизму и наркомании»), выступил с предложением «четко определить статус и повысить роль советов старейшин в общественно-политической жизни Северного Кавказа»¹.

Еще в 2014 г. в Республике Дагестан, в 2014 г., при избрании нового председателя и обновлении состава Совета старейшин при Главе республики, Алексей Гасанов — руководитель администрации Главы и Правительства РД отметил, что роль данного консультативного института неопределима: «Данный институт имеет колоссальное значение для республики, ведь именно к

¹ Роль Совета старейшин в противостоянии распространению идеологии «ИГ» на Северном Кавказе // Кавказовед. 31.10.2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkazoved.info/authors/anton-bredihin.html> (дата обращения: 28.09.2019).

его членам и их совету прислушиваются представители молодого поколения». По его словам, члены прошлого состава Совета также провели огромную работу, они участвовали в общественной и политической жизни республики: «Ни для кого не секрет, что в настоящее время в республике делается огромная работа по очищению и «обелению», реализуются приоритетные проекты развития республики. Но вместе с тем накопилось большое количество проблем, и потенциал старшего поколения необходим для их решения. Для нас важна ваша активная позиция, важно, чтобы этот институт работал на благо республики и взаимодействовал с подрастающим поколением»¹.

В 2015 г., согласно официальной хронике, член Совета старейшин при главе РД Назим Ханбалаев на одном из расширенных заседаний Совета «ознакомил присутствующих с планом мероприятий по рекомендациям Сергея Меликова городским и районным советам старейшин в РД, где основное внимание уделялось вопросам искоренения экстремизма, создания новых рабочих мест, развития малого и среднего бизнеса, создания предпосылок к экономическому росту, возрождения промышленности, сельского хозяйства, туризма, качественного образования, здравоохранения.

Также он подчеркнул необходимость активизировать повседневную воспитательную работу среди молодежи и возродить традиции и обычаи горцев, которые во все времена способствовали укреплению дружбы и мирному существованию народа»². Заявление Н. Ханбалаева, что «Совет старейшин — одно из основных звеньев гражданского общества, его члены просто обязаны действовать масштабно и не только чувствовать свою ответственность за происходящие в обществе процессы, но и влиять на ход событий»³, звучало скорее претенциозно, чем соответствовало его реальному положению.

¹ В Махачкале избрали нового председателя и состав Совета старейшин при Главе РД // РИА Дагестан. 11 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.riadagestan.ru/news/politics/v_makhachkale_izbrali_novogo_predsedatelya_i_sostav_soveta_stareyshin_pri_glave_rd/ (дата обращения: 17.01.2020).

² Заседание Совета старейшин провели в Сулейман-Стальском районе // РИА Дагестан. 12 октября 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.riadagestan.ru/mobile/news/suleyman_stalskiy_rayon/zasedanie_soveta_stareyshin_proveli_v_suleyman_stalskom_rayone/ (дата обращения: 19.01.2020).

³ Там же.

В 2016 г. Председатель Совета старейшин при Главе РД Абдулла Магомедов на встрече главы Дагестана Рамазана Абдулатипова с членами Совета старейшин при Главе РД «с удовлетворением констатировал: «Смелостью мысли, жизненным опытом мы влияем на мировоззрение и на культурные ценности молодого поколения и взрослого населения» и предложил «придать решениям и аналитическим материалам Совета старейшин нормативный характер»¹. Р. Абдулатипов на этой встрече, в свою очередь, согласился с тем, что «совет старейшин является авторитетным, уважаемым институтом гражданского общества» и подчеркнул: «Исторически сложилось так, что мы в Дагестане всегда прислушивались к слову старших и в их советах находили ответы на многие общественно значимые вопросы. Это наша добрая многовековая традиция, и мы ей будем всегда следовать. Высказываемая вами позиция всегда носит взвешенный и принципиальный характер, отличается государственным подходом. В рамках своих заседаний вы обсуждаете наиболее актуальные для республики проблемы в социально-экономической, культурной сферах, большое внимание уделяете выработке мер противодействия экстремизму и терроризму, укреплению межнационального мира и согласия»².

Если помнить о том, что состав Совета старейшин при главе РД утверждается Указом главы РД и пополняется из членов бывшей партноменклатуры и госчиновников, вышедших на пенсию, то легко объяснима та готовность, с которой происходит безоговорочное сопровождение различных инициатив главы РД и выражение их полной поддержки. Действительно, институт совета старейшин имеет глубокие корни у народов Северного Кавказа, однако приписывать этой архаичной общественной структуре, канувшей в лету, традиционное уважение к старшим, неотъемлемой части культуры и быта народов Кавказа, не совсем корректно (старость — не всегда мудрость) и откровенная попытка подмены понятий.

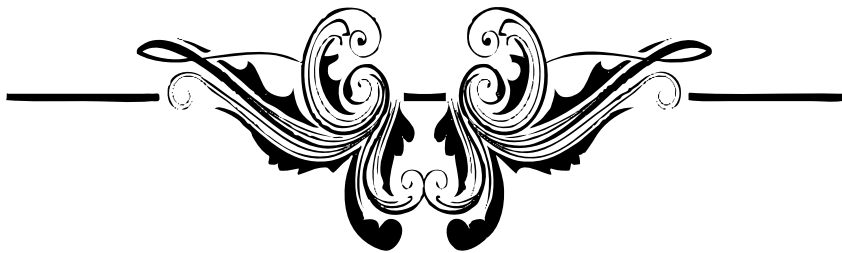
¹ Рамазан Абдулатипов: «Совет старейшин – совет мудрых людей» // Молодежь Дагестана. 21 июня 2016 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.md-gazeta.ru/articles/nedelya/ramazan_abdulatipov_sovet_stareyshin_sovet_mudrykh_lyudey/ (дата обращения: 08.11.2018).

² См. там же.

Практически все известные политики, утверждая о значимости создания Совета старейшин на современном этапе, ссылались на глубокие исторические традиции, бытовавшие в регионе. Между тем короткий экскурс в историю Дагестана показывает, что здесь уже с первой трети XX в. нельзя говорить о Совете старейшин как о действующем общественном институте. С началом колхозных преобразований в 1930-е гг. и перехода к советско-колхозной системе была разрушена традиционная дагестанская гражданская община, в которой уже не было места духовной интеллигенции или свободному общиннику-крестьянину, исторически составлявшим социальную среду почетных людей общества, претендовавшим на роль в совете старейшин (местного самоуправления). Им на смену пришли «уважаемые люди» из районной партийной и хозяйственной структуры, однако к Совету старейшин они уже не имели никакого отношения. Тем не менее в настоящее время среди политологов продолжает бытовать мнение в духе идеологических лозунгов, что «к числу важных институтов гражданского общества, препятствующих распространению экстремистской идеологии, можно отнести и Совет старейшин»¹. Однако некоторые эпизоды общественно-политической жизни региона свидетельствуют о том, что федеральные игры в Советы старейшин в регионе как «институт и регулятор традиционных обществ на Кавказе при строительстве современного гражданского общества» закончились.

О сиюминутных, очевидных и непонятных выгодах от имитации и фальсификации прошлого, которые наблюдаются за современными попытками реанимировать на Кавказе Совет старейшин, лучше всех экспертов выразил герой романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984», Уинстон Смит: «Самым же кошмарным для него было то, что он никогда не понимал отчетливо, какую цель преследует это грандиозное надувательство. Сиюминутные выгоды от подделки прошлого очевидны, но конечная ее цель — загадка. Он снова взял ручку и написал: «Я понимаю КАК; не понимаю ЗАЧЕМ»».

¹ Роль Совета старейшин в противостоянии распространению идеологии «ИГ» на Северном Кавказе // Кавказская политика. 1 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://kavpolit.com/blogs/bredikhinav/25738/> (дата обращения: 12.12.2019)

А.В. Грозин

§ 2. Интернет-коммуникации в Центральной Азии

При изучении Интернета как части общественно-политической жизни основное значение имеют не технические достижения в сфере массовой коммуникации, а та роль, которую данный вид связи приобрел в сегодняшнем обществе. В условиях, когда возможности обычных каналов информации уже недостаточны, Интернет и социальные сети становятся все более важными источниками сведений, в частности, о ситуации в постсоветских республиках Азии, тем более что и само население региона все активнее осваивает современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

В последние годы для России стало характерно активное развитие виртуальных средств массовой информации (СМИ), посвященных пространству бывшего Советского Союза, положению русского и русскоязычного населения в «новых» республиках, а кроме интернет-версий крупных российских печатных и электронных СМИ, своими сетевыми ресурсами еще на рубеже веков обзавелись и ведущие региональные российские СМИ. В текущем году данные тенденции получили дальнейшее развитие. Более того, разворачивающееся в мировом медиaprостранстве информационное противоборство ведущих мировых центров силы начинает проявлять себя и в центральноазиатских сегментах всемирной информационной сети.

На ресурсах Интернета, посвященных государствам Центрально-Азиатского региона (ЦАР), представлены самые разнообразные оценки ситуации в странах региона, поэтому нельзя сказать, что в Рунете к настоящему времени сложился некий «общий», поддающийся четким оценкам образ «новой» Азии. В то же время во «Всемирной паутине» заметно преобладание тенденции если не к нейтральной, то к негативной информации, касающейся обстановки во всех пяти республиках ЦАР. При этом «негативное» отношение к положению в той или иной республике не статично, оно «мигрирует» от страны к стране под воздействием политической динамики в мире, России и в самих государствах Центральной Азии. Несколько лет назад пользователи Рунета чаще других негативными чертами наделяли образ Туркмении. Затем, с 2000-х гг. интернет-пользователи в РФ более критически оценивали Таджикистан, Узбекистан и Киргизию, что, вероятно, было связано с трудовой миграцией и проблемой контрабанды наркотиков в РФ. Успешнее до последнего времени выглядели попытки властей Казахстана создать в Рунете позитивный образ страны и ее руководства.

На формирование в Рунете образа «новой» Азии заметно влияют идеологические модели, активно выстраиваемые в молодых республиках. Материалы, которые условно можно назвать «историко-идеологическими» (или «культурно-политическими») чаще привлекают внимание внешнего потребителя информации о Центральной Азии и во многом влияют на формирование у зарубежного веб-сообщества представления о азиатских странах, возникших после распада Советского Союза.

Интернет и социальные сети, обеспечивая существенную часть обмена информацией между Россией и ЦАР, приобретают все большую значимость. Для многих в РФ источником информации об обстановке в Центральной Азии к настоящему времени стал именно Интернет, а не бумажные носители информации или телевидение. Накопленный в Сети массив данных о постсоветской Азии превратился в главную (подчас и единственную) базу для формирования представлений о регионе у подрастающего поколения россиян, воспроизводится в блогах, рефератах, докладах, курсовых и дипломных работах учащихся и студентов РФ.

Расширение влияния Интернета на общества центрально-азиатских стран, превращение социальных сетей в важную об-

пественную силу и новый фактор общественно-политического развития региона несколько затормозилось после событий т. н. «арабской весны», кризиса в Восточной Европе и расширения глобальной террористической угрозы. Можно утверждать, что к текущему моменту все политические режимы Центральной Азии укрепились во мнении о том, что расширение Сети несёт не только новые возможности и перспективы для развития, но и новые угрозы и вызовы. По оценке аналитиков Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» (Уфа), «интернет-коммуникации стали магистралью в вопросах религиозности, этничности. Поэтому неудивительно, что помимо позитивного контента, опирающегося на традиционные ценности народов Центральной Азии, в общественное сознание начал проникать и экстремистский контент»¹.

Прошлое и настоящее центральноазиатских сегментов «Всемирной паутины»: общее и различное

Наряду с постепенным расширением аудитории пользователей Интернета в ЦАР в последнее время активизируются различные, пока еще не до конца изученные процессы трансформации общества. Благодаря новым ИКТ с их динамикой передачи сведений окончательно размывается монополия государства на распространение информации, уменьшаются возможности власти контролировать мысли и бытовое сознание общества. С расширением «Всемирной паутины» во многом утрачивают значение территориальные границы, нивелируются этнические особенности, сглаживаются социокультурные различия между разнообразными группами и слоями обществ. С расширением Сети перед пользователями на постсоветском пространстве открывается множество не существовавших ранее возможностей.

¹ Информационный эффект от «арабской весны» в Центральной Азии сохраняется, но ситуация стабильная // Центр геополитических исследований «Берлек-Единство». 7 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://berlek-nkp.com/analytics/6894-artur-suleymanov-informacionnyy-effekt-ot-arabskoy-vesny-v-centralnoy-azii-sohranyaetsya-no-situaciya-stabilnaya.html> (дата обращения: 08.11.2018).

Россияне, которые еще в начале 1990-х гг. были, по оценкам западных исследователей Интернета, практически не готовы к информационной революции, сделали впечатляющий рывок. Рунет заметно разросся за последние годы. В доменных зонах стран бывшего СССР русский язык по-прежнему остается самым популярным.

Уже к началу 2010 г. по уровню доступа к информационным технологиям Россия находилась в верхней трети рейтинга (на 48-м месте из 159 стран), опережая другие страны СНГ (при этом темпы роста этого показателя превосходят западные)¹. Динамика роста российской интернет-аудитории с 2000 по 2010 г. составила 1826%². В сентябре 2011 г. Россия обошла Германию по числу интернет-пользователей и впервые заняла первое место в Европе. Согласно отчету Morgan Stanley, РФ еще в конце 2010 г. вошла в пятерку стран с самым большим интернет-рынком, а российская аудитория Интернета составила 60 млн пользователей, или 42% населения³. Если учесть, что за 2012–2013 гг., по данным Фонда «Общественное мнение», 64.4 млн совершеннолетних жителей РФ хотя бы раз в месяц пользовались Интернетом⁴, то по любым меркам «русскоязычное виртуальное сообщество» сегодня представляет собой мощную онлайн-группу. В конце 2004 г. русский язык занимал в Интернете десятое место по рейтингу популярности⁵, а в начале 2013 г., судя по исследованиям W3Techs, он поднялся в этой градации на второе место.

¹ В рейтинге стран с высоким уровнем доступа к интернету Россия на 48-м месте // Ассоциация распространителей печатной продукции. 25 февраля 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.arpp.ru/2009-01-28-14-47-20/22945-v-rejtinge-stran-s-vysokim-urovнем-dostupa-k-internetу-rossiya-na-48-m-meste.html> (дата обращения: 01.06.2015).

² Развитие Интернета в России // РИА Новости. 30 сентября 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://ria.ru/infografika/20100930/280796937.html> (дата обращения: 22.11.2016).

³ Россия в пятерке крупнейших интернет-стран // Статистика/Хабрахабр. 18 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://habrahabr.ru/post/108385/> (дата обращения: 02.07.2016).

⁴ Социологи подсчитали число пользователей интернета в России // LentaRu. 16 марта 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/news/2013/03/16/internet/> (дата обращения: 22.10.2016).

⁵ Сондерс Р. Национальность: киберрусский // Россия в глобальной политике. № 4, июль–август 2004, 6 сентября. [Электронный ресурс] // URL: http://globalaffairs.ru/number/n_3549 (дата обращения: 02.07.2018).

Профессор Герман Ким, сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при президенте РК, приводил следующие данные: «В последней волне эмиграции из России 1990-х гг. был чрезвычайно велик процент программистов и технических специалистов, владеющих компьютером. Это во многом и предопределило столь динамичное освоение русскими дальнего зарубежья Интернет-пространства. За несколько лет они проделали путь от открытия личных web-страниц, к созданию крупных порталов, охватывающих все стороны жизни русскоязычной диаспоры»¹.

Описанные процессы оказывают прямое воздействие на формирование в Рунете **образа постсоветской Азии**. Вопрос о том, насколько соответствует этот образ действительности, не составляет предмета нашего рассмотрения, данная тема требует самостоятельного исследования. Хотелось бы обозначить основные тенденции того, как складывается образ «новой Азии» у российских пользователей Сети и как этот процесс протекает в настоящее время.

Хотелось бы обозначить некоторые тенденции, проявляющиеся в Интернете, в освещении постсоветских азиатских государств и формирующие их образ у российских пользователей «Всемирной паутины».

Виртуальное пространство — не просто место и способ общения между узкой группой «творцов» и массой конечных потребителей продукта, а децентрализованная система коммуникации, в которой люди выступают одновременно в роли и потребителей и создателей: пользователи сами выбирают, какую информацию получать. Сеть не поддается государственному регулированию: блокировать те, или иные сайты (особенно, расположенные за пределами национальных территорий) технически сложно, дорого и в целом, с учетом возможностей Интернета, высокзатратно и малоэффективно.

Исключением представляется изолированный от внешнего мира Туркменистан, где с момента получения независимости существовал единственный провайдер Интернета — «Туркментеле-

¹ Ким Г. Русскоязычный Интернет, как инструмент российского влияния в постсоветской Центральной Азии // Корёсарам. 18 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://kore-saram.ru/Kim-G-N-Russkoyazichnii-Internet-kak-instrument-Rossiiskogo-vliyaniya-v-postsovetской-TSentralnoi-Azii> (дата обращения: 13.07.2016).

ком», официально наделенный правом контролировать частную электронную переписку. В стране давно и четко отлажен жесткий контроль за СМИ и доступом в Сеть¹. При этом лидеры туркменской оппозиции еще в начале 2000-х гг. заявляли: «У туркменской оппозиции, есть только один способ распространять свою информацию в обществе — это Интернет. У нас есть свои веб-сайты, и они читаются внутри Туркменистана, хотя там они заблокированы. Материалы, размещаемые на наших сайтах, все-таки доходят и до людей, которые не пользуются Интернетом. Конечно, они доходят не в том объеме, в каком мы бы хотели»².

По иному пути шло руководство Кыргызстана, еще со времен президентства Аскара Акаева демонстрировавшее, как минимум на уровне риторики, понимание важности развития новых ИКТ и сравнительно либерально относившееся к работе оппозиционных и независимых Интернет-ресурсов и сетевой журналистики. Был создан Совет по информационно-коммуникационным технологиям при президенте. Один из пунктов программы еще тогда предполагал создание общедоступного «электронного правительства», т. е. подключение государственных учреждений всех уровней к компьютерной сети, а также осуществление коммерческих операций в виртуальном пространстве.

По данным бывшего министра транспорта и коммуникаций КР, экс-вице-премьер-министра К. Жумалиева, в начале 2003 г. в республике насчитывалось 150 тыс. пользователей «Всемирной паутины» и к 2007 г. эта цифра, по его мнению, достигнет одного миллиона человек³. В одном Бишкеке сейчас работает четыре основных Интернет-провайдера и с десятком Интернет-компаний, перепродающих услуги провайдеров. По недавним данным число интернет-пользователей в Кыргызстане превысило 4 миллиона человек. Значительно выросло количество

¹ Затулин К.Ф., Гойденко В.Г., Егоров В.Г., Грозин А.В. и другие. Сохранение и развитие русского языка в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт СНГ), 2011. С. 147.

² Кулиев А. Эпоха центральноазиатских диктаторов близится к концу // ЦентрАзия-Ру. 20 февраля 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1046384100> (дата обращения: 01.08.2016).

³ Волков В. Интернет в Центральной Азии: обычное средство связи или роскошь? / Немецкая волна. 2003, 7 марта. См.: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.infogrant.ru/doc/15783.html> (дата обращения: 06.08.2003).

пользователей, заходящих в Интернет через смартфоны. Они составляют более 30% от жителей Киргизии¹. В настоящее время ввиду конкуренции операторов связи в Кыргызстане развитие Интернета постепенно переходит на новый этап, проникновение в Бишкеке приближается к 100%.

Для развития Интернета в Киргизии естественно, немаловажны внутривнутриполитическая ситуация и особенности политического строя республики, отличающегося от строя других стран ЦАР. Киргизские политики (и во власти, и в оппозиции) охотно используют Интернет для формирования необходимого для них общественного мнения. На этот счет недвусмысленно высказался экс-министр культуры и информации КР Султан Раев: «Политики прекрасно понимают, что многое потеряют, если будут игнорировать возможности Интернет-журналистики. В первую очередь, они сами окажутся в информационном вакууме, а, как известно, кто владеет информацией, тот владеет миром»². Схожего мнения придерживался и один из лидеров партии «Ар-Намыс» Эмиль Алиев: «Интернет-издания сегодня представляют собой настолько мощный инструмент для формирования общественного мнения, что с ними вынуждены считаться все кыргызстанские политики»³.

В целом Интернет-пространство при всех президентах — А. Акаеве, К. Бакиеве, «временном президенте» Р. Отунбаевой, А. Атамбаеве и Р. Жеенбекове, представляет незаменимое поле деятельности для политиков, политологов и политтехнологов.

В журналистской среде КР распространено мнение о том, что пресса на киргизском языке в Кырнете уступает русскоязычной по уровню качества, а потому менее популярна и менее влиятельна, как в регионах, так и в столице.

В последнее время в КР имеет место интересный феномен: увеличивается число сетевых переводных публикаций с

¹ Абдымомунов С. Экстремисты заполнили кыргызский интернет // Азаттык-наалгысы. 7 августа 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gezitter.org/society/42379_ekstremisty_i_zapolonivshie_internet/ (дата обращения: 06.02.2016).

² Торалиева Г. Интернет-издания в Кыргызстане: аспекты влияния // Бишкекский пресс-клуб. 11 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1227092520> (дата обращения: 12.08.2018).

³ Влияние онлайн-изданий на принятие решений // MediaCenter. 12 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.monitoring.kg/?pid=126&cid=1&nid=1789> (дата обращения: 02.07.2018).

киргизского на русский язык. Работает популярный в Рунете киргизский сайт, размещающий переведенные материалы киргизоязычных печатных и виртуальных СМИ ГазеттерОрг (Gezitter.org). В силу особой эмоциональной заряженности, а часто и несдержанности отдельных киргизоязычных авторов, освещающих различные темы, их материалы, переведенные на русский, расходятся по Рунету (их регулярно перепечатывают ЦентрАзия, ИноСМИ, ЛентаРу и другие российские сайты).

Традиционные СМИ республики все чаще обращаются к информации, содержащейся в интернет-изданиях. Радио, газеты и телевидение Киргизии уже несколько лет ежедневно помногу цитируют, а иногда и целиком публикуют материалы из интернет-источников. Информация, таким образом, через традиционные формы СМИ доходит и до отдаленных регионов республики.

В Киргизии, в отличие от других республик ЦАР, Сеть уже продемонстрировала свой потенциал влияния на социально-политические процессы во время событий на юге страны летом 2010 г. (межэтнические столкновения узбеков и киргизов в Ошской и Джалалабадской областях КР). Информация о происходящем тогда в основном распространялась по социальным сетям на фоне молчания государственных СМИ. Пользователи соцсетей создавали патрули добровольцев для защиты Оша и Бишкека от грабежей и мародерства в апреле 2010 г., когда в стране произошла вторая «революция», свергнувшая президента К. Бакиева. Через Сеть организовывалась гуманитарная помощь для беженцев и пострадавших во время межэтнических столкновений на юге КР. При этом в сборе помощи приняли участие не только граждане Киргизии, но и Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, мобилизованные через Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Мой Мир¹. Эти события продемонстрировали, что в ЦАР Интернет имеет потенциал к превращению в одно из средств политической самоорганизации масс.

В целом интернет-издания в КР пользуются немалым влиянием, и информация, тиражируемая в онлайн-источниках,

¹ Ибрагимова Г. Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс Безопасности. № 1 (104). Т. 19. 2013. С. 103–104.

как представляется, теоретически может влиять на принятие властью тех или иных решений. Вместе с тем на киргизскую интернет-журналистику влияет общая для всех центрально-азиатских стран тенденция ангажированности сферы СМИ. Главный редактор одного из ведущих российских сайтов, посвященных Центральной Азии, ИА «Фергана», отмечает: «Нам кажется, что после двух революций там (в Киргизии. — А. Г.) уже полная свобода. Узбекская пресса про них пишет, что, мол, разнузданная журналистика, но никак не независимая. И, в общем, это во многом правда, киргизские газеты обслуживают те или иные кланы, или властные группировки, или просто персоналии. Потому что там все знают, что эта газета принадлежит вот этому, а эта — вот этому. Они ругаются между собой, и они позволяют себе все, что угодно, и даже более чем все, что угодно. То есть каждую газету открываешь — там нарушение закона. Там призывы к расовой ненависти, там оскорбления, клевета, все остальное. Если подходить с формально-юридической точки зрения, то Кыргызстан стал первым государством, в котором ликвидировано наказание за клевету»¹.

При этом даже в наиболее демократичной в регионе Киргизии и при К. Бакиеве и при А. Атамбаеве отмечаются попытки блокировать отдельные сайты (ЦентрАзия, Фергана и пр.). В Киргизии долгое время был закрыт доступ к сайту Фергана Ру. Между тем эксперты считают, что подобные меры малоэффективны, поскольку «большинство пользователей, хорошо ориентируясь в интернет-пространстве, могут заходить на те же социальные сети обходными путями, с помощью безопасных протоколов или прокси-серверов. Кроме того, миллионы граждан находятся за пределами своих стран и их общению в соцсетях невозможно помешать»².

То, насколько в итоге малоэффективными оказываются попытки ограничить доступ к оппозиционным сайтам с использо-

¹ Мустакиллик, узбекилик и выжженное поле. Интервью с главным редактором ИА «Фергана» Даниилом Кисловым // LentaRu. 26 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/articles/2011/09/26/kislov/> (дата обращения: 21.08.2018).

² Панфилова В. Интернет и СМИ в Центральной Азии берут под колпак. В Таджикистане закрывают более 130 популярных сайтов, в том числе — социальные сети // Независимая газета., 24 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.ng.ru/cis/2012-12-24/6_asia.html (дата обращения: 17.08.2016).

ванием административных мер, многократно наглядно демонстрировала ситуация с Интернетом не только в Узбекистане, но и в Казахстане. При этом через анонимные прокси-серверы, через посреднические сайты, находящиеся далеко за пределами Казахстана, людям, обладающим некоторой квалификацией, легко удавалось и удается получать доступ к любым «неблагонадежным» ресурсам. К ним в разное время относились АзипаРу, Евразия ОргРу, КУБ Кз, Информационно-аналитический портал «Республика», ГульжанОрг, интернет-телеканал «К-плюс», который через Интернет, спутник и кабельные каналы вещает на все страны ЦА¹. Только через прокси-серверы в Казахстане в разные периоды времени можно было войти на сайты газет «Вести Павлодара», «Республика», «Взгляд» и пр. Следует учесть также, что число сайтов, занятых освещением ситуации в Центрально-Азиатском регионе увеличивается. Данный процесс характеризуется как появлением ранее не существовавших в Рунете ресурсов, ориентированных на изучение ситуации в постсоветских государствах (ЦентрАзияРу, Фергана Ру, РосБалтРу, Материк Ру, ТрансКаспианРу, Регнум, ИА REX, ИАЦ МГУ, Sputnik и пр.), так и тем, что в постсоветских республиках Азии растет число русскоязычных ресурсов. Обоснованным выглядит тот вывод, что для россиян основным местом хранения информации о ЦАР становятся Интернет и социальные сети, а не бумажные носители информации. По оценкам центральноазиатских экспертов, «национальные сегменты Интернета стран Центральной Азии, такие как «Kaznet, Uznet и т.п. отстают от Рунета по техническим возможностям и количеству пользователей на 5–6 лет, а по контенту — в десятки раз»².

Остается значимой и технологическая зависимость центральноазиатских сегментов Сети от Рунета. 96% интернет-пользователей в Узбекистане (перешедшем на латиницу еще в первой половине 1990-х гг.), пользуются русифицированной

¹ Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. / [В.В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 48.

² Ким Г. Русскоязычный Интернет, как инструмент российского влияния в постсоветской Центральной Азии // Корёсарам. 18 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://kore-saram.ru/Kim-G-N-Russkoyazichnii-Internet-kak-instrument-Rossiiskogovliyaniya-v-postsovetskoi-TSentralnoi-Azii> (дата обращения: 13.07.2016).

системой Windows¹. В Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане эта сейчас доля близка к 100%.

Стоит упомянуть и весьма показательный, по нашему мнению, штрих: к активным потребителям русскоязычной Сети на сегодняшнее время эксперты ЦА относят политическую, военную, деловую и культурную элиту стран региона, от которой и зависит принятие важных решений.

Другая группа центральноазиатских пользователей возможностей Рунета — студенчество, что предполагает долгосрочную (как минимум информационную) ориентацию «продвинутой» части обществ ЦА на российские информационные потоки.

Имеет значение и геополитический фактор: пользователи Рунета в ЦА из представителей титульных наций сосредоточены в ключевых центрах государств региона — столицах и крупных городах (для части урбанизированных титульных этносов русский язык стал по своим функциональным параметрам и языковой компетенции первичным), таких как Ташкент, Астана, Алматы, Бишкек и т.д.

В то же время во всех странах региона наблюдается процесс смены поколенческих групп, формирование элит, не обладающих советской идентичностью, связью с общим прошлым. Во всех странах Центральной Азии более половины населения уже составляют люди не старше 30 лет, получившие начальное и среднее образование вне влияния прежних «советских» ценностей, ранее объединявших народы². Данная тенденция в Сети, как представляется, работает на «разделение», а не на какой-то синтез. Во всех государствах ЦАР идет многолетнее неуклонное сужение сферы образования на русском языке, сокращение русскоязычного информационного пространства³.

В Интернете при этом картина выглядит немного иначе. Много лет ресурсы на национальных языках уступали даже «малобюджетным» сайтам на русском языке: их посещаемость оставалась

¹ Что представляет собой Windows 7? // Bomond UZ. 19 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.bomond.uz/IT_gadgets/124 (дата обращения: 11.08.2016).

² Шаймергенов Т., Абишева М. Центральная Азия 2027: Меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на десять лет вперед. Астана: Библиотека Первого Президента Республики Казахстан, 2017. С. 25–26.

³ Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / [В.В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 48.

низкой, а возможности привлечения рекламы и получения финансовых ресурсов были малы. Как отмечала ещё в 2013 г. казахстанский медиаэксперт Галия Ибрагимова, «значимой проблемой для Казахстана является крайне низкий уровень использования государственного языка в Казнете. Раньше внедрение казахского языка сталкивалось с проблемой его кодировки и распознавания, но теперь она решена. Тем не менее казахстанцы используют в основном кириллический контент сайтов. В национальном сегменте Сети почти отсутствуют электронные библиотеки, слабо развиты ресурсы системы образования и науки»¹. Начавшийся в РК перевод графики казахского языка с кириллицы на латиницу, теоретически, призван изменить данное положение вещей, но сами казахстанские эксперты оценивают перспективы данного «супер-проекта» с диаметрально противоположных позиций.

В других республиках ЦА, обладающих меньшими, чем Казахстан, финансовыми, технологическими и интеллектуальными ресурсами ситуация в национальных доменных зонах выглядит не лучше. В целом, сегодня можно утверждать, что русскоязычный контент продолжает доминировать в центральноазиатских национальных сегментах Сети.

Характерны в этом смысле данные о казахстанцах: «В настоящее время большинство казахстанских пользователей зарегистрированы в российских социальных сетях и используют приложения этих сайтов. По статистике российской Mail.RuGroup, в Казахстане первое место занимает социальная сеть “Мой мир” (1,5 млн пользователей), на втором месте — “ВКонтакте” (более 1 миллиона), на третьем — “Одноклассники” (800 тыс.), четвертом — Facebook (в эту сеть из Казахстана ежемесячно входит 694 тысячи пользователей)»².

Интересными представляются данные и выводы исследования (первого в Казахстане) интернет-ресурсов общественно-политической направленности на казахском языке, завершённое

¹ Ибрагимова Г. Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс Безопасности 2013. Т. 19. № 1(104). С. 109–110.

² Макпал Муқанқызы. В России – «Одноклассники», в Казахстане – сайт о соплеменниках // Казахская служба РСЕ/РС. 7 ноября 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://rus.azattyq.org/content/sait-rulas-kazakhskiye-zhuzy-i-plemena/25160751.html> (дата обращения: 12.01.2020).

в 2013 г. Общественным Фондом «Центр социальных и политических исследований «Стратегия» при поддержке Фонда Эберта в Казахстане. Исследование подтвердило давно известную тенденцию: в РК с начала независимости возникли и существуют два параллельных и практически не пересекающихся информационных мира — русскоязычный и казахскоязычный. В результате исследования также выяснилось следующее: «мало того, что они (эти миры. — А. Г.) не пересекаются, никто даже не предпринимает попыток к этому. Несмотря на то, что существуют они в рамках единого государства, но зато далеко не однородного общества. Под неоднородностью мы подразумеваем прежде всего разность понимания и оценок окружающей нас социально-экономической и общественно-политической действительности»¹.

Отражением соотношения русскоязычного и казахскоязычного сегментов Казнета остаются рейтинги. Низкие рейтинги казахских сайтов общественно-политической направленности на фоне русскоязычных изданий аналогичного типа долгое время оставались постоянным фактором. «По данным казахстанского сервиса интернет-статистики zego.kz, на сегодняшний день (на 15 июня 2013 г. — А. Г.) самым популярным интернет-изданием на казахском языке, специализирующемся на общественно-политической тематике, является ult.kz, который находится на 100-м общего рейтинга с количеством пользователей в сутки 3500. Для сравнения: популярный русскоязычный общественно-политический сайт zonakz.net собирает аудиторию в 4 раза больше — 14 тыс. пользователей в сутки и находится на 39-м месте»².

В последние несколько лет ситуация меняется коренным образом: на сегодняшний день казахскоязычные сайты общественно-политической тематики существенно поднялись в рейтингах посещаемости и несколько из них входит в топ-20: это безусловный лидер сайт Baribar.KZ, а также Нұр Астана и Жасқазак. В топ-50 лидеров посещаемости интернет-ресурсов РК, освещающих общественно-политическую тематику

¹ *Татия К.* Вещь в себе. Казахскоязычный Интернет через призму контент-анализа // Central Asia Monitor. 12 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://samonitor.com/archives/8412> (дата обращения: 01.04.2019).

² Казахские интернет-сайты: бери почти любое — и хоть сейчас же подавай в суд. // Эксклюзив. 22 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://exclusive.kz/obshhestvo/2317/> (дата обращения: 02.07.2019).

ку, казахскоязычных сайтов уже около трети. В то же время на 21 августа 2018 г. zero.kz фиксировалось у zonakz.net 333 409 посетителей и 1 258 076 просмотров, а у varibar.kz аналогичные цифры выглядели как 35 168 и 70 546¹.

На сегодняшний день очевидно, что продолжающиеся демографические изменения в казахстанском обществе постепенно меняют существовавшую два десятилетия картину абсолютного и безусловного «интернет-доминирования» русскоязычного контента.

Интернет в Центральной Азии как средство внутриполитической борьбы

Ресурсы Рунета, посвященные «азиатской проблематике» придерживаются различных, часто противоположных позиций в оценке ситуации в Центральной Азии. Самые расхожие стереотипы в оценке российскими пользователями Интернета, интересующимися ситуацией в постсоветской Азии, следующие: авторитарные политические режимы, тяжелое социальное положение, критическая ситуация в отношении соблюдения прав и свобод человека, неудовлетворительное состояние национальной безопасности стран региона, «наркоэкспансия» и т.д.

При этом у каждого российского сайта, специализирующегося на центральноазиатской тематике, существует свое представление о тех функциях, которые он выполняет в информационно-коммуникационном пространстве Центральной Азии. Например, редактор одного из старейших ресурсов Рунета о регионе ИА Фергана Ру Д. Кислов указывал: «Я бы сказал, что мы прежде всего пытаемся сохранить в сознании читающей публики явное или хотя бы мнимое представление о центральноазиатском пространстве, как о едином целом <...> У стран постсоветской Средней Азии так много похожего, начиная с культуры и общего прошлого в составе одного государства, трений на неурегулированных границах, водных проблем, этнического состава, продолжая моделями политического управления

¹ Рейтинг и статистика сайтов Казахстана по темам: Политика // Zero.kz. 21 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://zero.kz/?c=10&sr=kz&pd=86400> (дата обращения: 21.08.2018).

и заканчивая угрозами или “манками” извне, что разделить их и воспринимать в отрыве друг от друга практически невозможно <...> А русский язык во многом до сих пор остается “лингва франка” для общения жителей региона между собой и зачастую единственным “мостиком” для их контакта с внешним миром»¹. Однако ресурсов в Рунете, огульно и некритически описывающих среднеазиатские реалии как безусловный «беспросветный феодализм» и «ужас-ужас», от которого Москве следует держаться подальше, видимо, всё же больше.

Закреплению в русифицированном веб-пространстве подобных оценок способствует и большая популярность, в сравнении с государственно регулируемыми, независимых сайтов, посвященных ситуации в ННГ Азии. В данном случае, как представляется, проявляет себя такая особенность Интернета, как приватность и доступность общения в киберпространстве, позволяющие исповедовать разные, порой и самые радикальные идеи.

Интернет дает любым группам возможность заявить о себе и попытаться влиять на социально-политическую обстановку. «Всемирная паутина» вдохнула новую жизнь в «самиздат», где каждый имеющий даже самые скромные навыки в области веб-дизайна может пытаться влиять на общественное мнение по любому вопросу. И делать это можно без оглядки на государственную цензуру, редакционные комиссии и любые иные регулирующие информацию органы. Интернет для любых протестно-маргинальных групп становится незаменимым инструментом для определения своего места в мире и попыток оказать влияние на происходящее.

Статистика посещаемости в Рунете веб-ресурсов, которые ассоциируются с различными организациями оппозиционного толка, красноречива: официальные сайты уступают в популярности независимым ресурсам. Данная тенденция сохраняется в течение всех лет суверенного существования республик ЦА.

Например, российские потребители, интересующиеся ситуацией в Казахстане и в прошлом (АзиопаРу, Коготь барса, КУБ Кз, Компромат Кз, Контур Кз и др.) и в настоящем (Республика Кз/Республика Инфо/ЭкспертКз, Навигатор Кз/Зона Кз,

¹ Мустакиллик, узбекчилик и выжженное поле. Интервью с главным редактором ИА «Фергана» Даниилом Кисловым // LentaRu. 26 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/articles/2011/09/26/kislov/> (дата обращения: 21.08.2018).

Евразия Орг, ГульжанОрг/НурАдамКз и пр.), демонстрируют предпочтение неофициальным (или демонстрирующим «независимость» или «оппозиционность») ресурсам перед государственными. Достаточно сравнить, например, посещаемость «Республики» (до её закрытия) и официальных сайтов Президента РК, Мажилиса (Парламента) или правительства РК. Та же ситуация и с веб-ресурсами государственных и негосударственных СМИ: сайты ведущих государственно финансируемых «Казахстанской правды» или «Литера» по посещаемости в разы уступают «независимому» «Времени», «неполитизированному» «Каравану» или оппозиционной «Республике».

Сходным образом выглядит ситуация и в других республиках ЦАР.

В Узбекистане, например, уже много лет самым востребованным средством получения альтернативной и порой более объективной информации являлся, безусловно, Интернет. Национальные провайдеры периодически блокируют веб-порталы (ЭркинЮрт, ОзодОвоз, Муслим Узбекистон, Бирлик, Харажат и др.) или отдельные материалы, которые выходят на популярных сайтах (ЦентрАзияРу, Фергана Ру и др.). Различные международные организации («Репортеры без границ», «HumanRights» и др.) традиционно присваивают политическому руководству Узбекистана статус «врага Интернета»¹. Из года в год повторяется одна и та же ситуация: «Согласно ежегодному докладу американской организации «Фридом Хаус», Узбекистан занимает 189 место среди 195 стран по состоянию свободы прессы. Составители доклада в 2007 г. Узбекистан включили страну в десятку наихудших стран с самой сложной ситуацией в области прав человека»². Накануне ухода из жизни первого президента Узбекистана Ислама Каримова страна заняла в ежегодном докладе FreedomHouse 79-е место и осталась в списке «не свободных». Согласно FreedomHouse, правовая среда для интернет-пользователей в стране была одной из «наиболее строгих в Центральной Азии». «Узбекские власти

¹ Свобода слова в Узбекистане рассматривается как угроза действующей власти // Пресс-релиз Human Rights in Central Asia. 3 мая 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1209872040> (дата обращения: 22.11.2016).

² Ибрагимов Т. Темы-табу для узбекских журналистов // Немецкая волна. 6 мая 2008 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://vof.kg/?p=4193> (дата обращения: 06.08.2018).

блокируют доступ к широкому кругу веб-сайтов. Кроме того, правительство сильно контролирует онлайн-активность и часто использует сфабрикованные обвинения на отдельных лиц, которые публикуют материалы в Интернете, противоречащие интересам государства»¹, — отмечалось в докладе.

В то же время, хотя в республике еще при И. Каримове была реорганизована система информации (внесение изменений в положения законов о СМИ и о гарантиях доступа к информации) и было объявлено об отказе от цензуры, восприятие республики большинством членов русскоязычного веб-пространства существенно не изменилось.

Надежды на позитивные изменения появились лишь после смены власти в РУз и с приходом на пост президента Шавката Мирзиёева. Как отмечают наблюдатели, «Президент и сам меняет стандартное для местной медийной традиции восприятие первого лица, его имиджа. Новый президент, фото которого еще несколько лет назад с трудом можно было найти в Интернете, открыл свои страницы в Facebook и Telegram»².

Интернет в Узбекистане сегодня всецело зависит от государства, органы которого бдительно контролируют виртуальное пространство. В то же время можно сказать, что в республике уже сложилась интернет-журналистика и именно в Сети появляются наиболее острые и профессионально состоятельные материалы. После смены высшей власти в стране многие центральноазиатские эксперты в 2017–2018 гг. отмечают общую тенденцию к «улучшению ситуации в сфере свободы слова и развития СМИ. Появились критические статьи в газетах и в Интернете. Чиновники обязаны освещать важные шаги госорганов в ходе пресс-конференций и отвечать на вопросы журналистов»³.

Стоит отметить, что в Узбекистане в 2003 г., по официальным

¹ Активность Гульнары Каримовой в Twitter привела к усилению контроля соцсетей Службой национальной безопасности. Отчёт Freedom House // CA-News.Org. 5 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://ca-news.org/news:1133700> (дата обращения: 14.11.2017).

² Год президентства Мирзиёева в Узбекистане: подбор кадров, дружба с соседями // РИА Новости. 4 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/world/20171204/1510122319.html> (дата обращения: 10.11.2019).

³ Эффективность политики Ш. Мирзиёева за 2017 год: взгляд из Узбекистана, России и Великобритании // CABAR.asia. 22 января 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: https://cabar.asia/ru/effektivnost-politiki-prezidenta-uzbekistana-za-2017-god-vzglyad-iz-uzbekistana-rossii-i-velikobritanii/?_utl_t=fb (дата обращения: 10.11.2018).

данным, насчитывалось 275 тыс. постоянных пользователей Интернета, а уже летом 2011 г., согласно данным МИД РУз, количество интернет-пользователей составило «7,7 млн, из которых около 4,3 млн — пользователи Интернета через мобильную связь»¹. Итак, в Узбекистане число интернет-пользователей, в соответствии с данными государственных структур РУз, составило почти половину всех пользователей Сети всех центральноазиатских государств: по данным Internet World Stats, на начало 2012 г. доступ к глобальной сети имели около 16,1 млн жителей ЦАР².

Зона распространения Интернета в Таджикистане до середины «нулевых» охватывала только 12 наиболее крупных городов, в которых проживает менее трети населения РТ. Жители же Горного Бадахшана и Хатлонской области, за исключением Курган-Тюбе, не имели доступа к Сети вообще. Ситуация с доступностью для населения новых ИКТ осложняется и ввиду экономических причин — хотя за минувшие после окончания гражданской войны годы уровень бедности в стране сократился, таджикистанцы остаются беднейшим населением среди стран Центральной Азии.

В силу многолетней неразвитости Сети власти РТ долгое время не пытались регулировать ситуацию в национальном сегменте «Всемирной паутины». Были отмечены лишь несколько малозначительных эпизодов с попытками оппозиционных сил использовать интернет-возможности. Блокирование оппозиционного контента — широко распространенная практика в других республиках ЦАР, но в Таджикистане такое впервые имело место только в 2003 г. Блокировка Сети для Таджикистана не была системной, но ситуация существенно изменилась после событий «арабской весны».

Как писала таджикская газета «Бизнес и политика», судя по посещаемости информационных ресурсов РТ, таджикские пользователи в основном используют Интернет как средство общения в социальных сетях и для электронной переписки. Поиск и чтение новостей на таджикских веб-ресурсах практикуют

¹ Об использовании Интернета в Узбекистане // Пресс-служба Посольства Республики Узбекистан в Российской Федерации. Получено по эл. почте. 3 октября 2011 г.

² Asia Internet Use, Population Data and Facebook Statistics. // Internet World Stats. 31 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm#asia> (дата обращения: 23.10.2016).

не более 10–12 тыс. пользователей (это показатели суммарной посещаемости). «На фоне достаточно популярных в республиках СНГ российских сетевых СМИ (РИА Новости, Lenta.Ru, Vzglyad.Ru, Gazeta.Ru, Regnum и других), а также региональных — Centrasia.Ru, Ferghana.Ru (Россия–Узбекистан), Trend.Az (Азербайджан), SA–News (Киргизия), посещаемость таджикских сайтов очень низка, а посещаемость информационных сайтов на таджикском языке и вовсе мизерна. Мы не проигрываем в мировом информационном пространстве, мы по его масштабам практически не существуем»¹.

Стоит подчеркнуть такую особенность большей части интернет-ресурсов Центральной Азии: они часто ориентируются не только на потребителя информации в своих странах, но и вне их границ. Эта черта характерна не только для поддерживаемых властями ресурсов, но и для сайтов оппонентов существующих политических режимов: «Всемирная паутина» продолжает рассматриваться в ЦАР в первую очередь как средство «информационной войны» и «информационного противоборства». Все крупные форумы независимых и претендующих на статус независимых сайтов переполнены намеками и обвинениями в сотрудничестве участников тех или иных интернет-проектов с отечественными и иностранными спецслужбами или транснациональными корпорациями и местными финансово-промышленными группами.

Вполне очевидно, что отношение официальных властей стран ЦАР к Интернету как средству «внешнего» воздействия, вероятно, уже окончательно сложилось. Например, в Туркменистане, где Интернетом до настоящего времени постоянно пользуется небольшая часть населения, причем 99,9% из них обречены действовать через официального провайдера. В последние годы правления С. Ниязова появилось нескольких русскоязычных ресурсов, финансируемых официальными властями и ориентированных исключительно на создание положительного образа власти Туркмении в Рунете. По данным туркменской оппозиции и западных наблюдателей, в республике

¹ Сверхдержавы назначают имам-хатибов в мечетях? Таджикистан за неделю // ИА REGNUM. 31 января 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.regnum.ru/news/1369656.html#ixzz2PxxLjIh> (дата обращения: 08.08.2018).

был создан специальный фонд для работы по связям с общественностью, который выделяет средства для заказа и оплаты положительных публикаций о Туркменистане в международной прессе, создание «хвалебных» сайтов в Интернете, организацию поездок в Туркменистан «сочувствующих» иностранных политиков и журналистов, а также осуществление иных пропагандистских мероприятий за пределами страны¹.

«Экспортным продуктом» можно считать старейшую (и одну из немногих) интернет-газету Turkmenistan.Ru. Посещаемость данного сайта, предлагающего русскоязычному потребителю, по словам редакции, «самую оперативную и достоверную информацию о Туркменистане» заслуженно высока. Первоначально интернет-проводникам идей Туркменбаши хватало выдержки соблюдать солидность, но с 2003 г. под видом новостей на сайте стали возникать неожиданные сообщения о всемирной популярности туркменского кетчупа «Сердар» («Вождь»), туркменских джинсов, о проведении в Ашхабаде международного турнира по кикбоксингу на Кубок героя Туркменистана Атамурата Ниязова (отца прежнего президента Сапармурата Ниязова) и т.п. В целом, по-видимому, немалые ресурсы, затраченные на создание у российских пользователей Сети положительного образа Туркмении и ее руководства использовались в силу ряда причин (низкая квалификация исполнителей, непонимание психологических особенностей аудитории-потребителя и т.д.) малоэффективно.

Ситуация несколько изменилась со сменой руководства в республике. Гурбангулы Бердымухамедов заявил об изменении курса, указывалось, что Туркменистан становится открытым для Интернета. Некоторые эксперты (особенно, на Западе) отнеслись к этому как к оптимистическому сигналу, но в итоге надежды на некую «оттепель» не оправдались. В настоящее время, очевидно убедившись в затруднительности реализации стратегии продвижения положительного образа страны за рубежом, туркменские сетевые СМИ всё очевиднее перепрофилируются на сугубо внутриреспубликанскую работу. За последние годы к Turkmenistan.Ru добавились похожие Turkmenportal,

¹ Байрамов О. Туркменбаши уязвлен негативными отзывами о своем режиме // IWPR. 18 марта 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1047982320> (дата обращения: 19.03.2003).

InfoAbad, Arzuw и пр. Какого-то значимого качественного изменения данный процесс не дал и, как пишет «Фергана Ру», «СМИ в Туркменистане — это не средства массовой информации и даже не средства пропаганды. Пожалуй, лучше всего для них подходит определение «одическая поэзия». Читателям предлагается неустанно восхищаться повествованиями из жизни неизвестной процветающей страны, возглавляемой мудрым и всемогущим правителем — Аркадагом (Г. Бердымухамедовым. — А. Г.). Вероятно, сотрудники официальных СМИ не видят смысла писать о рутинной повседневности — каждый достойный гражданин и так каждый день видит вокруг себя экономический кризис, коррупцию, нарушения прав человека и нехватку продовольствия. А недостойный гражданин к тому же может нарушить запрет, обойти блокировки и прочитать обо всем этом в независимых СМИ, базирующихся преимущественно за границей и черпающих крохи информации от конспирированных соборов»¹. Эффективнее оказались усилия по формированию в Рунете положительного образа политического режима у руководства Казахстана. Сколько Астана тратит «на PR», определить невозможно — цифры нигде и никогда не публиковались, но обилие комплиментарных и прямо апологетических материалов в ряде российских СМИ (в том числе и сетевых), имевшее место до 2007 г., когда по экономике РК ударили мировые кризисные явления, позволяет предположить, что речь идет о значительных суммах.

Понимание значения Интернета пришло к казахстанским лидерам в 2000–2001 гг., и вызвано это было первым острым всплеском внутриэлитной борьбы между наиболее влиятельными властными финансово-промышленными группами (ФПГ) РК. Тогда события разворачивались стремительно и несколько спонтанно — последовала крайне ожесточенная информационная война (с использованием прессы, ТВ и Интернета) между командой тогдашнего зятя президента Н. Назарбаева Рахата Алиева и «младо-олигархами». Основной тезис Алиева был — «надо бороться с коррупцией» (т. е., с вышедшими из-под кон-

¹Зверинцева Т. И до и после обеда. Туркменские СМИ погрузили страну в информационный вакуум // ИА «Фергана». 23 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=10137> (дата обращения: 23.08.2018).

троля или отказавшимися «сотрудничать» бизнесменами); а «младо-демократов» — «надо бороться с диктатурой за демократию» (т. е., с Алиевым и «его» силовиками).

Особенно активно в «войне компроматов» участвовали сайт Евразия Орг (плюс ряд печатных органов, служивших фактическим приложением к сайту), принадлежащий экс-премьеру Акежану Кажегельдину (заочно осужден в РК, проживает в эмиграции) и сайт АзипаОргРу, созданный в РФ, как считают некоторые эксперты, с ведома Р. Алиева. Косвенно подтверждает это мнение то, что после того, как Алиев проиграл борьбу за влияние и был отправлен послом в Австрию, сайт, несколько месяцев лидировавший в рейтинге популярности интернет-ресурсов всей Центральной Азии, закрылся, не оставив после себя абсолютно никаких следов. Найти какие-то материалы, публиковавшиеся на этом ресурсе в течение более чем двух лет, сейчас невозможно.

С тех пор в РК начала активно применяться практика блокирования интернет-ресурсов. Накануне президентских выборов, на которых шансы имел Акежан Кажегельдин, местные провайдеры заблокировали доступ к сайту «Евразия», публиковавшему материалы в его поддержку. А через несколько лет «мятежником» стал уже Р. Алиев, обвинённый в совершении ряда тяжких преступлений. Затем он скрывался в Европе, а казахстанские провайдеры блокировали доступ к его скандальной книге о Н. Назарбаеве «Крёстный тесть»¹. С октября 2008 г. в Казахстане был заблокирован доступ к Livejournal. Это совпало с решением всё того же Алиева завести страницу в ЖЖ и начать там обсуждение упомянутой книги о его бывшем тесте.

Перенесение политических баталий на страницы Интернета стало в истории Казахстана началом еще одного этапа, отмеченного разграничением реальной политики и виртуальной оппозиционности. В 2000–2001 гг. впервые в истории казахстанской элиты появились попытки вынести «семейные» ссоры на суд мировой общественности, начались «войны компроматов». И активнее всего эти «войны» шли именно в Сети с её

¹ Шацких В. Цензура в Интернете: сегодня Казахстан, завтра Россия? // Свободная Пресса. 6 июля 2009 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://protv.ua/news/internet/78689/> (дата обращения: 02.08.2018).

анонимностью и широкими возможностями манипулирования общественным мнением.

Отработка политических заказов и лоббирование интересов различных групп влияния — привычная практика для Казнета. «Редакторы сайтов признают, что выполнение политических заказов является одним из важных источников финансирования сайтов. Чаще всего это имиджевые статьи относительно деятельности акима или министра. Бывают факты заказов “черного” PR с конкретной целью — скомпрометировать того или иного политика, общественного деятеля»¹.

С рубежа 2008–2009 гг. Казахстан первым в Центральной Азии вступил в период затяжной масштабной «интернет-междоусобицы» внутри элиты (как правящей, так и оказавшейся в эмиграции). И в настоящее время республика находится в том же тренде.

Можно констатировать, что практически любое печатное или сетевое СМИ РК в той или иной степени участвует (либо прямо, либо косвенно) в информационных войнах в Казахстане. И любой критический (или хвалебный) материал о чиновнике, занимающем высокий пост, воспринимается как очередной локальный конфликт в элите. Некоторые издания создаются и финансируются для того, чтобы стать оружием в межэлитных боях и в этой функции сайт, телеканал или газета важнее, чем в качестве носителя информации.

Основным полем информационных противостояний в Казахстане несколько лет была глобальная «война», которую вел против власти экс-банкир Мухтар Аблязов из-за границы. Это видно не только по публикациям на страницах подконтрольных ему в разное время виртуальных СМИ, но и по массовой контрпропаганде казахстанских властей.

Главный редактор биографической энциклопедии «Кто есть кто в Казахстане» Данияр Ашимбаев, так комментирует положение: «В данный момент информационные войны можно разделить на текущие и те, которые будут в перспективе. ...Есть войны, ведущиеся Аблязовым, Алиевым (а до этого Кажегельдиным,

¹ Алимов М. Казахский Инет: вчера, сегодня, завтра... // Central Asia Monitor. 5 декабря 2013. [Электронный ресурс] // URL: [camonitor.com http://camonitor.com/archives/10098](http://camonitor.com/archives/10098) (дата обращения: 12.08.2018).

Досмухамедовым) из-за рубежа и их политическими ставленниками внутри Казахстана. Как правило, они воюют против государственной власти, которую именуют не иначе как “кровавый режим”. Начиная с 1998–1999 гг. суть войн не меняется — меняются только беглые олигархи, которые эти войны развязывают. Второй тип — это внутриэлитные разборки. Скажем, заместитель руководителя администрации президента не станет публично выяснять отношения с неугодным ему министром. С этой целью используются гораздо более хитрые и сложные комбинации. Например, задействуется та же самая оппозиционная пресса из числа тех, кто не особо щепетилен в выборе средств»¹.

Стоит обратить внимание на то, что для «информационных войн» в государствах Центральной Азии и особенно в Казахстане используются преимущественно русскоязычные веб-ресурсы. Авторы контент-анализа общественно-политических интернет-ресурсов на казахском языке в 2013 г. пришли к заключению: «общественная и политическая элита страны, выступающая основными потребителями общественно-политической информации, предпочитает получать информацию на русском языке, что само собой делает русскоязычные СМИ более конкурентоспособными»².

По мнению казахстанских экспертов, технологически интернет-ресурс является идеальным средством ведения информационных войн, с широким охватом аудитории, относительно малыми затратами, мобильностью, простотой размещения и при этом, в отличие от «бумажных» СМИ или ТВ, гораздо более низкой ответственностью. «Несмотря на ужесточение законодательства, касающегося сетевых ресурсов, лазеек в нем по-прежнему остается множество. Тем более что создать сайт, вбросить через него какую-то информацию, а затем закрыть издание, сохранив при этом инкогнито, проще простого»³.

¹ Жалгас Б. Война план покажет. Картина информационных сражений в Казахстане остается прежней // CentralAsiaMonitor. 4 марта 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://camonitor.com/archives/814> (дата обращения: 12.07.2018).

² Татия К. Вещь в себе. Казахскоязычный Интернет через призму контент-анализа // CentralAsiaMonitor. 12 июня 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://camonitor.com/archives/8412> (дата обращения: 01.04.2016).

³ Жалгас Б. Война план покажет. Картина информационных сражений в Казахстане остается прежней // CentralAsiaMonitor. 4 марта 2011 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://camonitor.com/archives/814> (дата обращения: 12.07.2018).

Часто новые сайты в РК создаются под конкретного человека или как конкретный информационный заказ. Например, сайты Kaznet.us или Kontur.kz были посвящены лишь «злому гению» казахстанских властей — Мухтару Аблязову. В них создавался крайне негативный образ «главного врага Казахстана», причем публиковались не только оригинальные статьи (авторы — все псевдонимы, главным образом со славянскими «фамилиями»), но и практически все материалы, касающиеся этой темы, которые выходили в других СМИ. Из года в год «борьба с Аблязовым» обретала размах, и фигура экс-банкира приобрела в «государственном» Казнете просто демонические масштабы.

Поняв важность «Всемирной паутины» и оценив ее эффективность, руководство Казахстана еще с рубежа 2000 г. начало масштабную кампанию пропаганды в Сети успехов страны в экономике, социальной сфере и политическом реформировании. Работа в этом направлении, до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., шла активно, а средства, выделяемые на создание и поддержание ряда сайтов, были, по оценкам наблюдателей, значительны. Эффективным в этом направлении было создание ряда ресурсов, якобы независимых от власти и ее отдельных носителей, — Навигатор Кз, Компромат Кз, Номад Кз и пр. После 2005–2006 гг. в дополнение к этим ресурсам появились KonturKz, BetterKz, TengrinewsKz и пр. В 2012–2013 гг. появился TengrinewsKz, затем быстро набрал популярность медиалпортал RadiotochkaKz.

Указанные ресурсы (большинство из них по разным причинам уже закрылась, но основные продолжают функционировать) во многом ориентированы на «внешнего потребителя» и, в отличие от подобных структур, созданных официальным Ташкентом или Ашхабадом, позволяют себе долю критики казахстанского руководства и ситуации в стране в целом. В то же время в РК, как и в других государствах ЦА, есть ряд тем, которые долгое время были и остаются под запретом для обсуждения на подобных «независимых» ресурсах: так называемый «Казахгейт», вопрос о бизнесе «семьи» президента и пр. Основным же «табу» остается место и роль действующего президента.

Указанные темы постоянно поднимались на оппозиционных сайтах — Республика Кз (затем — Республика-Кз Инфо, сейчас закрыт), Гульжанорг (затем — НурАдамКз, сейчас закрыт),

КУБ Кз, Евразия Орг и пр. Сначала Министерство транспорта и коммуникаций РК, а затем — прямо ведущий провайдер республики «Казахтелеком», контролирующей большую часть Сети в Казахстане, технически блокируют оппозиционные веб-ресурсы, попавшие в список негласно запрещенных, население не имеет к ним доступа, либо получает зеркальное отражение сайтов с весьма ощутимыми купюрами¹. Как и остальные страны ЦА, Казахстан подвергается обвинениям в киберцензуре со стороны международных правозащитных структур.

Цензура особенно активно начала применяться в РК после беспорядков в декабре 2011 г. в г. Жанаозень. Ее основное направление состояло в попытках замолчать информацию о трагедии, оправдать применения силовиками оружия против гражданского населения, поиски «внешнего следа» и т.д.

Представляется, что жесткая реакция казахстанской власти на «интернет-вольницу», обозначившаяся на рубеже 2010–2011 гг., не в последнюю очередь объясняется и идеологическими соображениями: после кризиса в Жанаозене, серии масштабных террористических актов и нескольких девальваций национальной валюты в Казахстане, руководство страны уже не может в прежней мере использовать тезис о «стабильности».

С начала нового тысячелетия понимание влияния Интернета на международный имидж страны и репутацию политического режима появилось и у узбекских властей. Руководство РУз впервые мобилизовало национальные СМИ на информационную «войну» в 2003 г., после публикации серии статей, подрывающих репутацию главы государства и всей политической системы республики. Эти статьи (под псевдонимом «Усман Хакназаров») на русском языке были первоначально размещены на сайте ЦентрАзияРу, а затем широко растиражированы в Рунете и переведены на Западе. В них детально описывался внутренний механизм работы президентской администрации, а сам президент обвинялся в причастности к незаконной деятельности. Граждане РУз призывались к действиям, направленным на свержение правления Ислама Каримова. В статьях подробно описывалась неформальная система власти в стране — с харак-

¹ Свиридов А. В доме повешенного не говорят о верёвке // СолДАТ, 25 апреля 2003 г. С. 3.

теристиками ведущих групп элиты, описанием борьбы за влияние и бизнес внутри правящего класса страны.

Сайты, опубликовавшие тексты «Хакназарова» в Узбекистане были заблокированы. Политолог Санобар Шерматова отмечала: «До этого в республике, где обсуждение ситуации в коридорах власти и взаимоотношений высших чиновников, их бизнеса, относится к запретным темам, не происходил настолько мощный выброс «компромата» на действующего президента и руководителей спецслужб. Статьи Хакназарова вызвали шок в обществе, а высказанные в них обвинения многие считают правдой. И хотя в Узбекистане не так много пользователей Интернета, в больших городах по рукам ходит множество самиздатовских фотокопий этих статей»¹. Напряжение высших государственных чиновников Узбекистана продолжалось несколько месяцев — статьи «Хакназарова» о коррупции узбекской элиты в Сети появлялись периодически. Тексты «независимого политолога» появлялись главным образом на российском частном сайте ЦентрАзияРу, вызывая активное обсуждение на форумах и конференциях в Рунете и в Узнете.

После 2003 г. таких ударов по узбекской элите в Сети не отмечалось. Лишь с конца 2012 г. появились признаки использования виртуального пространства в войнах между властными группами страны: основные компрометирующие материалы были посвящены не только президенту (здоровью, перспективам передачи власти), но и его старшей дочери Гульнаре Каримовой, ее «бизнес-империи» и отношениям внутри президентской семьи. «Г-жа Каримова много общается в Интернете, особенно на своей странице в Twitter. Делает там много заявлений, говорит о поддержке узбекского малого бизнеса через патронируемый ею Фонд. Однако ее слова у СМИ не вызывают доверия. Их, скорее всего, оценивают как параллель к шквалу статей. Раньше Каримова не комментировала подобные обвинения. Но недавно многих удивила ее позиция, озвученная в швейцарском известном издании Билан, личном блоге и в Twitter»².

¹ Шерматова С. Интернет — убийца Каримова. Каримов пытается сохранить репутацию после появления в Интернете разоблачительных статей // EurasiaNet. 26 февраля 2003 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.freeas.org/?nid=726> (дата обращения: 02.11.2016).

² Новак Т. Инсайдерское расследование скандала в Узбекистане // Аналитика ЦА. 8 апреля 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://reportca.weebly.com/1/post/2013/04/8.html> (дата обращения: 02.08.2016).

Активная в недавнем прошлом интернет-пользовательница Г. Каримова отметилась неоднозначными действиями. Как писало независимое узбекское интернет-издание «Биржевой лидер», «что позволено простым людям, то является неприемлемым для людей публичных, которые облечены властью либо известностью. Однако и у них бывают подобные срывы, о чем может свидетельствовать пример дочери президента Узбекистана Ислама Каримова — Гульнары, которая не постеснялась обложить бранью одного из своих собеседников в социальной сети “Твиттер”»¹. В Twitter Каримова весной 2013 г. публиковала гневные тексты, разоблачающие коррупционные деяния ряда высших руководителей РУз, однако это не возымело никаких последствий. В Европе же параллельно разворачивался скандал с обвинениями ряда компаний ЕС, якобы дававших взятки Гульнаре. Итогом этой затянувшейся на несколько лет истории стало то, что в течение 2014–2016 гг. «бизнес-империя» Каримовой была уничтожена, большинство ее приближенных было осуждено на длительные сроки за экономические преступления, а сама старшая дочь первого президента РУз сейчас находится под домашним арестом и полностью прекратила любую интернет-активность.

В целом налицо общая и для Казахстана, и для Узбекистана тенденция: по мере обострения проблемы транзита высшей власти элиты и внешние центры влияния активнее используют Сеть для распространения разнообразных неподцензурных материалов.

Определенное влияние на отношение властей ЦАР к Интернету давно оказывают не только российские и русскоязычные потребители сетевой информации. Еще задолго до «цветных революций», в конце 2002 г. на рассмотрение Конгресса США был внесен законопроект, предлагавший конкретный набор мер противодействия попыткам «репрессивных режимов», в том числе на Кавказе и в Центральной Азии, ограничить доступ населения к информации. Предлагаемые меры касались прежде всего электронных СМИ: отмечалось, что «неограниченный доступ к новостям и информации в Интернете является фактором, сдерживающим репрессивные режимы во всем мире».

¹ Белый Р. PR и мораль: эксперты о нецензурной брани Гульнары Каримовой в соц-сетях // Биржевой лидер. 2 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/uzbekistan/entry1008162241.html> (дата обращения: 19.08.2018).

В программном заявлении, предварявшем законопроект, государственные монополисты на рынке интернет-услуг Центральной Азии были обвинены в регулярном нарушении принципа свободы слова. По мнению американских конгрессменов, узбекские и казахстанские провайдеры начали подключаться к китайским серверам, дав тем самым понять, что пользователи Интернета в Узбекистане и Казахстане должны довольствоваться таким же «ограниченным» Интернетом, какой предлагает своим гражданам КНР.

Полномасштабное введение в действие Акта о свободе в глобальной сети Интернет США отложили, но не вызывает сомнения, что продолжение движения в этом направлении было санкционировано (и официально, и, что важнее, неофициально) и давление на «врагов Интернета» продолжится при любой администрации в США.

С учетом того, что после «цветных революций», «арабских весен», «майданов» и расширения в 2014–2016 гг. влияния террористического квазигосударства ИГИЛ у всех руководителей азиатских ННГ стали расти подозрения о намерениях внешних сил реализовать в их государствах те или иные варианты перемен, свободное функционирование уже не только оппозиционных, но и ряда западных интернет-ресурсов периодически оказывалось заблокированным. Особенно активно в 2017–2018 гг. процесс блокировок наблюдался в Таджикистане, но и во всех остальных странах ЦАР данная тенденция становится все более и более распространенной и даже привычной.

Ситуация для властей постсоветских республик Азии осложняется тем, что оппозиция в их государствах эволюционирует и прессинг на оппозиционные организации иногда приносит эффект, обратный ожидаемому: оппозиционные структуры радикализируются, все большая часть оппозиционно настроенной молодежи, убедившись в невозможности реализовать свои идеи в рамках светского государства, уходит в различные подпольные исламистские группы и движения. Это, в свою очередь, в конечном счете ведет к «возникновению в обществе светско-исламского мировоззренческого противостояния»¹.

¹ Курбанова Н. Исламское образование в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. Т. 17. Вып. 1. 2014. С. 116.

Основные выводы

Будучи значимой частью передачи информационного потока между Россией и Центральной Азией, Интернет поступательно приобретает все большее значение. Регион, где еще недавно проблема информационного неравенства (неравенства финансовых возможностей пользователей), была одной из наиболее острых, на сегодня активно осваивает современные ИКТ. Интернет в центральноазиатских республиках для большинства граждан уже перестал быть некой экзотикой, превращаясь в повседневную, необходимую в быту и на работе деталь существования.

За недолгое время существования в Центральной Азии Интернет прошел через три этапа развития: начальный («доинтернетовский»), столичный (концентрация пользователей в столицах ЦАР) и современный (проникновение Сети в регионы и за пределы Центральной Азии), начавшийся в конце 1990-х гг. Одна из существенных особенностей последнего, текущего периода в том, что в «новой» Азии активно развивается мобильный Интернет. Мобильной связью уже охвачены самые отдаленные уголки региона, что не в последнюю очередь объясняется тем, что тарифы на мобильный Интернет из-за конкуренции нескольких операторов традиционно ниже, чем на стационарный, регулируемый государственными провайдерами-монополистами.

При этом процесс расширения влияния Сети на страны и общества региона идет нелинейно и характеризуется в каждой из республик своими особенностями. Однако в последние годы эта «национальная специфика» в регионе во многом «стирается». Вероятнее всего, эта «унификация» объясняется не какой-то злой волей авторитарных властей, а внешними причинами. События 2011–2015 гг. («цветные революции» и расширение глобального влияния исламистских террористических структур) вызвали опасения и полемику в электронных ресурсах в ЦАР и, вынудили власти стран региона начать масштабную политику «закручивания гаек» в национальных сегментах Сети. В течение 2017–2018 гг. все страны региона продолжали активные практики по борьбе с экстремизмом и радикализмом в виртуальном пространстве. При этом характерным является сохраняющаяся во всех центральноазиатских обществах спокой-

ная реакция на эти действия властей. Например, как отмечает «Немецкая волна», в Казахстане, несмотря на то что одобренная правительством страны «антитеррористическая программа позволит уже в ближайшей перспективе контролировать практически каждый шаг жителей страны, население к ожидаемым изменениям оказалось безразличным. Ни в социальных сетях, ни на интернет-форумах популярных изданий не видно жарких дискуссий по поводу усиления мониторинга интернет-ресурсов и социальных сетей на предмет соблюдения законодательства страны. Нет там и рассуждений о том, каким образом силовики, в соответствии с представленной ими программой, будут выявлять насаждаемые международными террористическими организациями «антиобщественные настроения, раскол казахстанского общества по конфессиональному признаку» вместе с «размыванием» национальной и религиозной идентичности»¹.

Как представляется, опасения властей стран ЦА по поводу того, что социальные сети станут способствовать распространению политического инакомыслия, преувеличены. Намного более опасной стала тенденция распространения «сетевого экстремизма», основанного в первую очередь на идеях религиозной и национальной нетерпимости. В последние годы только в Казахстане заблокировали сотни веб-сайтов, которые были сочтены экстремистскими. Аналитики Stratfor отмечали: «Радикализация потенциальных джихадистов посредством Интернета — вещь не новая, и казахские власти воспринимают эту угрозу довольно серьезно. Астана заявляла, что многочисленные подозреваемые, задержанные с начала августа, использовали Интернет для поддержания контакта с радикальными кругами или другими боевиками за пределами Казахстана, вероятно, из Пакистана, Афганистана и с российского Кавказа. Беспрепятственный доступ — или даже ограниченный доступ — к таким ресурсам может способствовать радикализации и предоставить экстремистам новые возможности»².

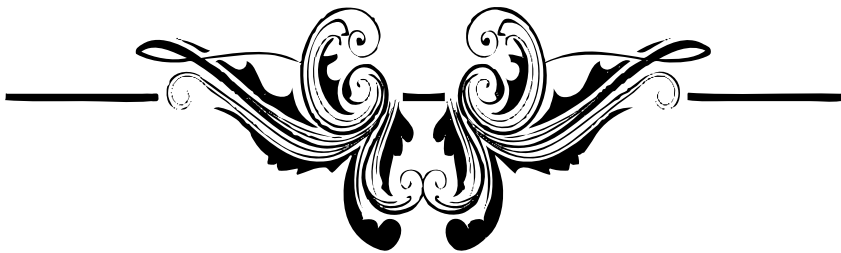
¹ Казахстанская специфика борьбы с терроризмом // Немецкая волна. 8 марта 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dw.com/ru/казахстанская-специфика-борьбы-с-терроризмом/a-42890592> (дата обращения: 09.11.2018).

² Stratfor. Kazakhstan's Growing Culture of Extremism // InoSMIRu. 2011, 28 ноября. См.: [Электронный ресурс] // URL: http://www.inosmi.ru/middle_asia/20111129/178764589.html (дата обращения: 02.07.2015).

Как указывает директор Павлодарского центра анализа и развития межконфессиональных отношений Гульназ Раздыкова, «очень активно ведут пропаганду через соцсеть “ВКонтакте”, который буквально “кишит” салафитскими текстами, книгами и демотиваторами <...> Большая часть блогеров — русскоязычные люди, на своих страницах они выступают якобы за права мусульман. Всюду, где они ни появляются, везде ругань и негатив. Не имея никакого религиозного образования, прочитав 2–3 книжки, они берут на себя ответственность судить об образованности имамов. Они распространяют информацию, которая порочит священнослужителей, традиционную религию, обычаи и традиции казахского народа. Именно этого добиваются идеологи деструктивных течений: обесценивания духовно-нравственных устоев казахстанского общества. ...Далее речь может пойти, например, о необходимости строить Халифат и жить по канонам ислама»¹.

По мере того, как пользователи Сети становятся все более умелыми, правительства оттачивают методы контроля электронных ресурсов. Учитывая изменчивость «Всемирной паутины», окончания противостояния, в котором власти противоборствуют со сторонниками свободы слова «без конца и края», на территории Центральной Азии не предвидится.

¹ Раздыкова Г. Социальные сети не должны быть полем для религиозной полемики // Центр анализа и развития межконфессиональных отношений, г. Павлодар. 16 февраля 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://carmo-pvl.kz/ru/article/gulnaz-razdykova-socialnye-seti-ne-dolzhen-byt-polem-dlya-religioznoy-polemiki> (дата обращения: 13.05.2018).

И.С. Савин, С.М. Джунусбаев

**§ 3. Возможности и барьеры социальной
коммуникации в Центральной Евразии
(на примере инклюзии мигрантов
из Центральной Азии в России и Казахстане)**

Пути взаимодействия трудовых мигрантов и принимающего общества много обсуждаются в последнее время в научной и публицистической литературе на разных уровнях. Чаще всего исследователи задаются вопросом, насколько значительно влияние такой миграции на экономику принимающих и отправляющих мигрантов стран. Но не менее важно знать состав и качество населения, доминирующий социокультурный облик и наиболее распространенные типы коллективных идентичностей и лояльностей как в странах донорах, так и в странах реципиентах рабочей силы.

В зависимости от того, каким образом исследователь сам для себя отвечает на эти вопросы, формируются его исследовательские стратегии и приоритеты, что влияет на выводы исследования. В одном случае они становятся аргументами в защиту либерализации миграционного законодательства принимающей стороны и свидетельствами неудовлетворительного состояния механизмов интеграции и уровня толерантности там, куда устремлены потоки иностранной рабочей силы. В другом случае автор показывает, что изменяющийся

состав населения несет угрозу «традиционным ценностям», сложившимся нормам и практикам, уровню взаимодоверия веками формировавшемуся между давно живущими рядом сообществами. И в том и в другом случае в обществе возникает подозрение в ангажированности исследователя теми или иными ценностями, что приводит к «игнорированию» в его исследовании определенных сторон миграционных процессов, «замалчиванию» или «недооценке» им мнений, отличных от собственного.

Но если рассматривать международную трудовую миграцию в рамках концепций социальной коммуникации в культурно-сложных обществах, которыми страны Центральной Евразии были на протяжении всей своей истории, то эта исследовательская предзаданность/предвзятость может смениться более целостным анализом, охватывающим отличающиеся, но дополняющие друг друга исследовательские интенции. В этом случае присутствие на территории России или Казахстана трудовых мигрантов из других стран можно рассматривать как акт социальной коммуникации и в экономическом, и в административно-правовом, и в социально-правовом аспектах.

А если учитывать, что сегодня трудовые мигранты в режиме «онлайн» находятся в непрекращающемся контакте с родственниками, оставшимися в местах исхода в других странах, то тогда есть основания говорить о формировании единого коммуникационного пространства охватывающего огромные территории Центральной Евразии. Мотивы акторов коммуникации, формирующих это пространство, не во всем совпадают зачастую разнонаправлены, а порой и антагонистичны, но это не отменяет факта их включенности в единый процесс коммуницирования: то есть, постоянного взаимодействия, взаимовлияния, взаимоизменения.

Говоря о трудовой миграции, нужно понимать коммуникацию как двусторонне направленный процесс взаимного изменения и приспособления, как прибывающих мигрантов, так и принимающего общества. Понимаемый таким образом акт коммуникации позволяет рассматривать его не с несовпадающих иногда позиций «приезжих» и «местных» или «потребителей иностранной рабочей силы» и «самозанятых и наемных работников», а равно важных для его свершения участников

коммуницирования. Главным индикатором его успешности/неуспешности является создание условий, в которых все участники являются выгодоприобретателями.

А это возможно лишь в ситуации, когда и сами, и мигранты, и предприятия, их привлекающие, и местные власти, и жители ощущают превышение выгод от их труда над возможными издержками. В логике рассмотрения миграции сквозь оптику коммуникативных концепций нет необходимости в использовании столь таксономически и идеологически нагруженных терминов, как «интеграция», «адаптация» и т.д. Их вполне заменяет термин «инклюзия», который имеет в виду включение мигрантов в конкретные сегменты уже существующих систем организации правового поля, рынка труда, социокультурной среды и т.д.¹. Это понятие гораздо более локально по своему характеру и не претендует на описание глобальных явлений, по-разному оцениваемых в узком фокусе дискурса отправляющего или принимающего общества.

В данной статье мы хотели бы показать на основе полевых исследований в двух странах (Россия и Казахстан), какие обстоятельства являются/воспринимаются в качестве главных препятствий инклюзии мигрантов из Центральной Азии в принимающее общество. То есть попытаться ответить на вопрос: что и почему мешает и что может помочь осуществлению данного типа социальных коммуникаций в Центральной Евразии.

Казахстан

В Казахстане объектом изучения стали возвратные мигранты, то есть те граждане стран Центральной Азии, которые в силу разных причин (получение запрета на повторный въезд в РФ, осознание экономической нецелесообразности работы там) перестали работать в РФ и приехали в Казахстан, как в страну альтернативной миграции. Подробнее об этой категории мигрантов рассказывается в докладе Международной организации

¹ Study on Active Inclusion of Migrants Final Report Prepared by Institute for the Study of Labor (IZA) and The Economic and Social Research Institute (ESRI). [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iza.org/publications/r/145/study-on-active-inclusion-of-migrants> (дата обращения: 10.12.2019).

по миграции (МОМ) в Центральной Азии, который был подготовлен при участии автора статьи¹.

Применительно к нашему случаю возвратных мигрантов в Казахстане барьеры инклюзии будут включать себя обстоятельства, затрудняющие их легальное трудоустройство, препятствующие получению юридического статуса, обеспечивающего достойные условия проживания, получения социальной помощи в случае необходимости, осложняющие взаимоотношения с местным населением, государственными и общественными институтами.

В имеющейся литературе, посвященной возвратным мигрантам, рассматриваются факторы, которые обусловили формирование различных степеней готовности к возвращению домой. Некоторые из этих факторов косвенно соотносятся с обстоятельствами, формирующими барьеры инклюзии. Но, поскольку в этих работах возвратные мигранты помещены в пространство взаимодействия только между страной исхода и страной назначения, то тезисы их авторов вряд ли могут помочь нам в обсуждении ситуации возвратных мигрантов в стране «альтернативного и/или незапланированного назначения» (кавычки — И. С.)². Напротив, в работах посвященных неформальным практикам мигрантов из ЦА в Казахстане не учитываются такие вновь возникшие феномены, как альтернативная миграция в Казахстан и возвратные мигранты.³

¹ Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: Основные причины и социально-экономические последствия возвратной миграции. Региональная полевая оценка в Центральной Азии 2016. Астана, 2016. 288 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://wiki.pdfm.ru/36ekonomika/263231-1-i-potrebnosti-integracii-centralnoy-azii-osnovnie-prichini-socialno-ekonomicheskie-posledstviya-vozvratnoy.php> (дата обращения: 13.12.2019.).

² Чобанян А. Возвратная миграция и вопросы реинтеграции: Армения. [Электронный ресурс] // URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27864/CARIM-East_RR-2013-04.pdf?sequence=1 (дата обращения: 18.12.1919); Чобанян А. Некоторые вопросы реинтеграции возвращающихся в Армению мигрантов. [Электронный ресурс] // URL: http://www.yasu.am/files/o2H_Chobanyan.pdf (дата обращения: 12.12.1919); Cassarino J.-P. Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited // International Journal on Multicultural Societies (IJMS). Vol. 6. No. 2. 2004. Pp. 253–279; Cassarino J.-P. Return migration and Development // The Routledge Handbook of Immigration and Refugee Studies. London — New York: Routledge, 2016. Pp. 216–222; Cassarino J.-P. Conditions of Modern Return Migrants // Editorial Introduction International Journal on Multicultural Societies (IJMS). Vol. 10. No. 2. 2008. Pp. 95–105.

³ Dave B. Informal practices and corruption in regulation of labor migration in Kazakhstan // Interim report for Exploring informal networks in Kazakhstan: multidimensional approach. IDE-JETRO 2014. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ide.go.jp/library/English/Publish/Download/Rb/2013/pdf/C11.pdf> (дата обращения.11.12.2019).

Тем более важную роль для нас играет непосредственное общение с самими мигрантами (возвратными и нет), и наблюдение за обстоятельствами их жизни и работы в Казахстане. Это стало возможным в ходе полевого исследования в рамках проекта Международной организации по миграции (МОМ) «Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Средней Азии», итоги которого представлены в публикации 2016 г.¹ В течение марта–июня 2016 г. удалось побеседовать с 35 мигрантами из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана в различных городах Казахстана (Астана, Алматы, Актау, Петропавловск, Шымкент) и провести несколько фокус-групп среди них. На основании их высказываний можно отметить следующие барьеры инклюзии их в казахстанский рынок труда, правовую систему и общество Казахстана.

Информационный барьер

Респонденты отмечали, что во время транзита через Казахстан мигрантам сложно узнать об иммиграционных правилах, так как они не получают необходимой информации на границе и полагаются только на то, что узнают от других мигрантов. Все респонденты, с кем пришлось беседовать, находились в Казахстане с неурегулированным статусом: двое из них не успели вовремя зарегистрироваться и еще один мигрант работал без разрешения на работу, для всех них это означало большой риск стать жертвами произвола со стороны сотрудников полиции. По этой причине они прятались от представителей власти и прибегали к помощи только знакомых или случайных контактов среди мигрантов. Участники интервью также пояснили, что те мигранты, кому удалось найти хорошо оплачиваемую работу, остаются в Казахстане, а остальные, кому с работой не так повезло, возвращаются домой, заработав и накопив достаточно денег на дорогу.

«Мы приехали в Астану осенью, когда я узнал, что в Россию, мне больше нельзя... Обещали много работы и денег. Но осенью здесь быстро стало холодно, не все работы можно делать на мо-

¹ См. сноску 429

розе. Не было ни работы, ни денег... Не заключили вовремя договоров, просрочили регистрацию... Теперь сидим ждем работы, ни домой уехать, ни денег» (Мурод).

Исследование показало, что от безысходности мигранты с запретами на въезд отправляются в поездки, связанные со значительными рисками, не имея социальных сетей в месте назначения, пользуясь услугами непроверенных посредников и соглашаясь на унизительные условия труда, а их правовой статус вынуждает их находиться в добровольной изоляции от государственных органов.

Юридические барьеры

Доступ на внутренний рынок труда Казахстана иностранных работников осуществляется через специальные механизмы, определенные Законом РК «О миграции населения» от 2011 г. и последующими изменениями к нему¹. До 2014 г. основным механизмом регулирования численности иностранных работников было квотирование рабочих мест для них. На 2014 и 2015 гг. квота была установлена на уровне 0,7% от экономически активного населения и составляла 63 000 единиц. Несмотря на то, что на протяжении последних четырех лет количество привлеченных иностранных работников увеличивалось, квоты оставались не выбранными более чем на 50%. В 2014 г. были введены процедуры выдачи разрешений на работу на основании договоров об оказании услуг домохозяйствам физических лиц, что значительно увеличило число регулируемых трудящихся-мигрантов до 224 тысяч по итогам 2016 г.

И все же значительная часть трудовых мигрантов из стран Центральной Азии работает без контрактов и без регистрации. Впервые оказавшись в Казахстане, опрошенные мигранты с запретами на повторный въезд в Россию не имели опыта постановки на учет в Казахстане. Часть из них утверждали, что узнать о правилах и быстрых способах регистрации сложно, а некото-

¹ Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: Основные причины и социально-экономические последствия возвратной миграции. Региональная полевая оценка в Центральной Азии 2016. Астана, 2016. С. 209–213.

рые даже думали, что это дорого, хотя очевидно ничего не знали о местных административных процедурах.

Один молодой мигрант из Узбекистана, возможно имевший запрет, в ходе интервью в Астане заявил: «Получение всех документов — это пустая трата времени. В России я знал, как это сделать, куда пойти. Здесь я не знаю, куда идти... Я не знаю город, никогда не выхожу на улицу, потому что полиция постоянно пристает к нам [узбекам]. Никто не помогает с документами, ни работодатели, ни посредники... Работать в Казахстане легально — это дорого! Я даже не пытался» (Хасан).

Как показывает исследование, легализация была проблемным вопросом как для мигрантов с запретами, так и для других уязвимых мигрантов с небольшим опытом миграции в стране (в том числе и из-за молодого возраста) и ограниченными социальными сетями. Один респондент рассказал, что невыполнение административных процедур было общепринятой практикой среди мигрантов. 22-летний Дастан, не имевший запрета, впервые поехал в эмиграцию и оказался в Актау. Он не доехал до России, так как, по его словам, у него не было ни денег на дорогу, ни знакомых, кто мог бы помочь. На вопрос о своем нерегулированном статусе он ответил: «В Казахстане слишком дорого получить разрешение на работу. Никто этого не делает» (Дастан).

В то же время Дастан не знал о возможности получения патента в Казахстане. Иногда работодатели сознательно преувеличивают размер необходимых выплат в бюджет Казахстана в случае легального оформления и вводят мигрантов в заблуждение. Хотя на сегодняшний день (май 2017 г.) обязательные выплаты составляют примерно 4200 тенге (13 долларов) в месяц, что составляет менее 5% от средней суммы получаемой мигрантами за строительные работы (примерно 100 000 тенге). В одном из интервью, житель Коканда, который ездит к одному и тому же бригадиру-посреднику в Шымкент уже 15 лет, сказал, что сознательно уклоняется от официального оформления, так как нелегальная регистрация стоит дешевле. Но все эти расчеты мигранты могут сделать, если заранее сознательно готовятся приехать на работу в Казахстан. В случае же внезапной информации о получении запрета и неподготовленного отъезда на работу в альтернативную страну назначения у мигранта может

не оказаться под рукой и такой суммы, которую нужно платить наперед.

Результаты исследования также показали, что нелегальная занятость в Казахстане иногда являлась результатом компромисса между мигрантами в ситуации крайне тяжелой нужды и работодателями и посредниками, использующими эту ситуацию ради своей собственной выгоды. В этом отношении и мигранты с запретами, и мигранты, кто долгое время не мог найти работу в Российской Федерации, становились легкими мишенями. Мурат, имеющий запрет, и его спутник Ясир, долгое время остававшийся без работы в России, обратились к посреднику в поисках работы в Казахстане и надеялись на его помощь с легализацией. Оба мигранта заботились только о быстром трудоустройстве, чтобы избавиться от чувства отчаяния и бездействия, с которым жили дома, поэтому они не думали о защите своих прав и были готовы пойти на риск пребывания в неурегулированном статусе в принимающей стране в обмен на работу: «Я сидел дома. Ничего не делал... Нечего было делать. Иногда как-то подрабатывал, зарабатывал что-то на еду... Мама и сестра обеспечивали семью...» (Мурат).

Через несколько дней Мурат согласился на работу в Астане, предложенную посредником, которого он плохо знал. По прибытии в место назначения Мурат и другие мигранты, включая Ясира, сдали свои паспорта под обещание оформить им регистрацию и приступили к работе без разрешения на работу. В результате у них отобрали документы и не заплатили за работу: «Мы сказали тому парню [узбекскому посреднику], что не знаем, куда идти за документами, [попросили] его помощи» (Мурат).

Еще одним фактором, способствующим неурегулированности уязвимых мигрантов, является нежелание работодателей содействовать легализации работников или тратить на нее свои средства, так как они не видят никаких в этом преимуществ. Для работодателей проще и дешевле договориться с местной полицией, а для работников — ежемесячно пересекать границу. Один работодатель признался: «С миграционной полицией, когда приезжает, как-то разводим [нелегально]. Я пока не разбирался с новыми законами. Говорят, нужно 7 тысяч тенге в месяц платить. Это много, было бы меньше, я бы, наверное, честно платил».

По этому поводу Хасан сказал: «У меня нет ни регистрации, ни разрешения на работу. Если меня останавливает полиция, я звоню своему работодателю, он им говорит, что я на него работаю. Меня отпускают».

Свидетельства опрошенных мигрантов и работодателей подтвердили предположение о том, что низкоквалифицированная рабочая сила — это выгодный бизнес как для работодателей, так и для посредников, успеху которого способствуют коррупция в рядах сотрудников полиции и низкая правовая грамотность мигрантов. Вследствие этого, находясь в нелегальном положении, мигранты оказываются беззащитны перед произволом своих работодателей и посредников, которые в одностороннем порядке решают вопросы с выплатой зарплат и выполнением неоформленных в письменной форме договоров. Респонденты рассказывали о фактах мошенничества, включая изъятие документов, удостоверяющих личность (Мурат и Ясир), невыплату заработной платы (Мурат, Ясир, Салман, Ибрахим, Исмаил) и получение угроз от работодателя (Исмаил).

Еще один немаловажный аспект положения мигрантов, имеющих запрет на въезд, — это их изолированность от внешнего мира, обусловленная их неурегулированным статусом и преимущественным использованием третьих лиц во взаимоотношениях с органами власти. Например, некоторые мигранты отмечали в ходе интервью: «У меня друг одноклассника там, в Актау, работал, сказал, что еще можно взять рабочих, мы сразу на такси прямо в этот двор приехали, где работаем, никто не видел [...] За ворота стараемся не выходить, у нас здесь много узбеки строят, машина полицейская прямо по улицам ездит, если увидят... Один раз приехала миграционная полиция, зашли в дом, хозяйки не было, они меня забрали, полдня я там просидел. Потом хозяйка приехала...» (Бахрам). «Заказчик перед домом получил все документы для нас. Мы даже не выходили из двора» (Групповое интервью с Билалом и Шерали).

Такое же отношение отмечалась среди молодых мигрантов, не имевших запрета, с небольшим опытом пребывания за границей, например, как в случае 22-летних Рашида и Дастана, впервые уехавших в эмиграцию: «Все вопросы с полицией решает заказчик, мы никогда не разговаривали с полицией». (Рашид) «Однажды я нашел работу через одного узбека, он этим

занимается за деньги [посредник]. Но ничего хорошего из этого не вышло. Заказчик забрал у нас паспорта и не заплатил. Он заставлял работать, шантажируя нас. Эти люди [посредники] обманывают даже своих земляков. Такое случилось со мной, с моими друзьями». (Дастан)

Сложности с законным наймом трудящихся-мигрантов в Казахстане создает и отсутствие у них справки о наличии профильного образования, без которой работодателям трудно легализовать иностранных работников для работы на юридическое лицо. К примеру, это обычная ситуация в частных компаниях, работающих в сфере услуг и транспорта. Один мигрант из Узбекистана, имеющий регистрацию в стране, но работающий в баре в Актау без разрешения на работу, так описал ситуацию:

«Пока оформляю как работу на физическое лицо. Налог ежемесячный. Когда делаешь такое разрешение на три месяца, оплачиваешь налог за каждый месяц сразу. Потом, когда эти три месяца заканчиваются, еще раз собираешь документы, еще раз оплачиваешь и продлеваешь. И так можно четыре раза. Я не могу работать на юридическое лицо, но нахожусь я здесь абсолютно легально. Просто я это делаю для удобства, чтобы не пересекать границу [...]» (Шавкат).

Тот факт, что у мигрантов нет возможности самостоятельно беспрепятственно легализоваться по месту работы, ставит их в еще более уязвимое положение: они не имеют доступа к медицинской и социальной помощи, а нелегальная форма занятости повышает их риски стать жертвами эксплуатации. Из всех участников интервью только четыре имели официально оформленный трудовой договор, и только один работал по тому адресу, который указывал в заявлении на получение разрешения на работу. Все мигранты-«запретники» были наняты на работу незаконно, за исключением двух человек, которым оказала помощь миссия МОМ.

Респонденты с неурегулированным статусом избегали выходить на улицу и старались не привлекать внимание полиции. Так могло создаться впечатление, что они прячутся от органов властей Казахстана, но на самом деле все их действия, возможно, контролировались работодателем. Даже став жертвами обмана посредников или работодателей, мигранты боялись, что их посчитают преступниками, а не пострадавшими. Наконец,

мигранты опасались, что наличие у них запрета на въезд в Россию вызовет подозрения у властей Казахстана. Хотя неурегулированный статус — распространенное явление среди мигрантов, по всей видимости, именно «запретники» больше всех боялись вступать в контакт с полицией. Неурегулированное положение респондентов отрицательно сказывалось на их шансах на успех, так как у них не было возможности защитить свои права в случае их нарушения.

Экономические барьеры, вытекающие из юридических

О скромных результатах эмиграции в Казахстан свидетельствовал тот факт, что с момента приезда в страну часть респондентов так и не смогли вернуть свои долги. В ходе интервью три мигранта заметили: «Я попросил денег в долг у соседа. Так все делают в наших краях [берут деньги в долг]. Я их еще не вернул. Уже год прошел» (Салмон). «Я никогда бы не попросил денег в долг у людей, но у меня кредит в банке, не знаю, как его вернуть» (Ибрахим) «У меня долги перед знакомыми и родственниками... Если смогу заработать, верну им деньги, как только будет возможность» (Муслим).

Все процитированные мигранты получали зарплату с опозданием и меньше оговоренной суммы, а иногда им вообще ничего не платили. Как уже было сказано выше, описанные факторы уязвимости (неурегулированный статус, низкие доходы, угроза мошенничества и эксплуатации) присущи не только мигрантам, получившим запрет на въезд в Россию, но характерны и для других мигрантов в уязвимом положении. Но отличительной чертой «запретников» является то, что вследствие резкой перемены в жизненных стратегиях после получения запрета на въезд и ухудшения экономического положения по возвращении домой они в считанные дни отправляются в Казахстан, как только узнают о возможности найти там работу. Так, Салмон и Ибрахим рассказали следующее: «Дома я не работал. Нужны были деньги. Когда я услышал о Казахстане, то проверил паспорт и сразу уехал. На следующий день» (Салмон). «Я уехал где-то через неделю... Не стал долго об этом думать» (Ибрахим).

С такой же поспешностью молодой мигрант-кыргыз, имеющий запрет на въезд в Россию, уехал в Астану всего через несколько дней, после того как услышал о месте на стройке в казахской столице: «Я приехал в Казахстан благодаря одному кыргызу, он собирал бригаду рабочих для работы на стройке в Астане. Я решил попробовать. Когда дела на стройке не пошли, я начал искать работу, где придется, по объявлениям, в Интернете. Ничего не получается. Я здесь никого не знаю» (Айдар).

Результаты исследования показывают, что, когда мигранты уезжают в Казахстан как в альтернативную страну назначения, риск стать жертвой мошенничества и эксплуатации очень высок, поскольку они не планируют тщательно свою поездку, не пользуются официальной информацией и безопасными каналами миграции. Некоторые из них взяли деньги в долг на оплату дороги до Казахстана и доверили организацию поездки посредникам, тем самым попав к ним в зависимость. Например, Салмон и Ибрахим стали жертвами одного посредника, завлекавшего трудящихся-мигрантов в Астану. Заказчик на стройке, куда их наняли на работу, не заплатил им обещанной суммы, и они оказались в крайне тяжелом финансовом положении, не имея возможности даже купить еды или позвонить домой, чтобы попросить помощи. У Мурата отобрали паспорт и не заплатили за работу на другой стройке. Когда им задали вопрос о том, как обстоят дела дома, у всех трех мигрантов было заметно сильное напряжение и смущение: «Это нелегкое положение. Мне неудобно... Я здоровый мужик и не могу кормить мою семью... Мужчина должен зарабатывать деньги...» (Ибрахим).

По словам одного опрошенного посредника, направляющего иностранных работников на стройки в Южно-Казахстанской области, люди в критическом положении, например мигранты, получившие запрет на въезд в Россию, согласны на более тяжелые условия работы по сравнению с другими уязвимыми категориями мигрантов: «Те, которые после России, у меня на дальней площадке работают, 60 км отсюда, только они согласились».

Так называемые мигранты-«запретники» в Казахстане ведут себя так, как будто участвуют в «гонке на время», пытаясь все силами компенсировать тяжелые экономические потери дома, отработать невыплаченные долги, «сохранить свое лицо» перед семьей и сообществом. Это особенно актуально для муж-

чин-мигрантов, ощущающих на себе бремя патриархальных традиций, по которым задача содержания семьи главным образом возлагается на ее мужчин Поэтому такие «поспешные» действия респондентов объясняются тем, что, по их мнению, нелегальная занятость в Казахстане — это меньшее зло, чем сидеть дома без работы.

Стратегии преодоления барьеров мигрантами

В отличие от Российской Федерации, в Казахстане мигранты, получившие запрет на въезд в РФ, не имеют надежных социальных сетей. Однако, как исключение, около 60% респондентов из Узбекистана воспользовались местными этническими сетями, существующими в основном благодаря географической близости к границе и многолетним трансграничным связям между людьми одной национальности в таких местах, как Шымкент. Так узбекским мигрантам-«запретникам» удавалось найти относительно надежную работу, хотя они по-прежнему оставались в неурегулированном статусе. Остальные мигранты, получившие запрет на въезд в Россию, полагались в основном на посредников и работодателей. Как показано выше, в их среде широко распространены мошенничество и эксплуатация, и такие мигранты живут в изоляции от внешнего мира, вне поля зрения органов власти. В свою очередь, таджикские мигранты в Казахстане, за исключением двоих из Петропавловска, социальными сетями не пользовались, и это стало для них дополнительным источником уязвимости, поскольку им некуда было обратиться в случае нужды. В результате они просили помощи у незнакомых соотечественников, надеясь на их чувство национальной солидарности. В Петропавловске один таджикский мигрант, имеющий запрет на въезд, рассказывал: «Я ездил в Орал, потом в Костанай, искал работу <...> В Костане я познакомился со своими земляками, они помогли и с работой, и с квартирой, и с документами» (Абубакр).

Другие мигранты считают случайные контакты рискованными даже среди соотечественников. Например, представитель таджикской диаспорной организации в Петропавловске отметил: «Недавно помогли нескольким нашим уехать домой, они

полгода работали на стройке, где-то в районе, куда их свой же таджик и устроил, обещал хорошую работу и условия, а сам исчез. Вот до сих пор его ищем уже два месяца, нет его нигде».

В Астане никто из опрошенных не имел социальных сетей, они общались с другими мигрантами и иногда с работодателями, с которыми установили хорошие отношения: «Теперь я живу у моего работодателя, работаю в его пашлычной, хотя у меня теперь нет паспорта. Он хороший человек, помогает мне, он понимает, что нам всем нужна помощь» (Мурат).

В Шымкенте и узбеки, и таджики могли бы рассчитывать на социальные сети в исторически сложившихся общинах, насчитывающих 500 000 узбеков и 40 000 таджиков, проживавших там со времен СССР и имеющих гражданство Казахстана. Тем не менее они часто пользовались услугами посредников в поиске работы, так как диаспоры активно не участвовали в решении миграционных вопросов. В Актау мигранты из Узбекистана чаще всего полагались на близких знакомых или родственников, но более обширных сетей не было. В Петропавловске у узбеков не было сетей, а таджикам иногда удавалось найти помощь у диаспоры, сложившейся из таджикских мигрантов, долгое время занимавшихся там торговлей. По-видимому, таджикская диаспора помогала и таджикам, и узбекам. Наконец, в Алматы только два мигранта из Таджикистана приняли участие в интервью и, по их свидетельству, у них не было социальных сетей в городе. Все вышесказанное дает основания полагать, что четкой закономерности в формировании социальных сетей в Казахстане нет, по большей части они остаются неформальными и стихийными (за исключением таджикской диаспоры в Петропавловске).

Общей характеристикой среди опрошенных мигрантов во всех местах проведения интервью было чувство изолированности и одиночества, усиленное постоянным страхом перед государственными структурами из-за своего неурегулированного статуса и время от времени подкрепляемое опасением, что их запрет на повторный въезд может привлечь внимание властей.

Одна женщина-мигрант из Таджикистана, имевшая запрет на въезд в Россию и работавшая поваром на стройке, где работал и ее муж, сообщила исследователю: «Я получила запрет на въезд в Россию, и мой муж тоже. Он нашел работу здесь, в Астане, через своих друзей. Но мы здесь одни. Работодатель заре-

гистрировал нас где-то за городом, не знаю почему. Мне было так страшно, что полиция нас остановит, знаете, нас легко могут принять за террористов: мигранты, таджики, с запретом, хуже некуда... Мы никого здесь, в Астане, не знаем. Когда полиция поймала меня и мне сказали, что я должна покинуть страну, мы с мужем просто пошли по стройкам, искали узбеков и таджиков <...> Посидели с ними, рассказали свою ситуацию, поспрашивали, где можно найти помощь».

Мигранты, имеющие запрет на въезд в Российскую Федерацию, проезжающие транзитом или работающие в Казахстане, нуждаются в правовой и экономической помощи для безопасного возвращения домой и в правовой помощи, если они решат остаться в стране и найти работу. Помимо государственных структур, решающая роль может быть отведена сообществам, включая диаспорные организации и НПО, в вопросах: 1) выявления мигрантов-«запретников»; 2) направления их в государственные органы или предоставления им необходимой информации о том, как легализоваться и где получить помощь. В этом отношении опыт таджикской диаспоры и местной НПО в Петропавловске и Костанаве может служить примером передовой практики, а также указать на имеющиеся недостатки.

Таджикская диаспора в Петропавловске активно участвует в оказании помощи мигрантам, получившим отказ во въезде в Россию на границе, и об этом известно местным органам власти. Мигранты, которым закрыт въезд в Россию из-за запрета, оказываются в Петропавловске, совершенно не зная города, без знакомых и родственников, к кому можно было бы обратиться за помощью; при этом у них есть только пять дней на то, чтобы оформить регистрацию или покинуть страну. Обычно они спрашивают других мигрантов на железнодорожном вокзале, и чаще всего им советуют идти на базар в южной части города, где можно найти всем известную диаспору таджикских мигрантов, занятых в торговле.

Представитель таджикского сообщества рассказал исследователям: «Это происходит каждые два-три дня, к нам приходит таджик, иногда с детьми, женщин еще не было, которого не пустили в Россию. Нас они находят или по совету миграционной полиции, или просто спрашивая на вокзалах и базарах, есть ли таджики. Нас ищут те, которые не могут сами уехать. Наверное,

есть те, кто сам уехал. Но эти, которые к нам приходят... приходится им помогать».

Таджикская диаспора помогает «запретникам» вернуться домой, собирая им необходимую сумму денег на дорогу, следуя мусульманскому принципу благотворительности садака. По возможности диаспора помогает найти и временную работу в Казахстане: «Мне повезло, один из наших достраивал магазин, и ему был нужен мастер по отделке интерьера, я ему помогал и жил у него. Он же меня зарегистрировал» (Абубакр).

По словам представителя таджикской общины в Петропавловске, с января по апрель 2016 г. около 50 человек получили у них помощь на безопасную дорогу домой. Тем не менее он добавил: «Не все хотят уезжать, говорят, дома нет работы и т. д. И уходят сами искать работу, потом пропадают, а потом снова приходят — помогите: денег не заплатили за полгода работы и т. д. Но чем мы можем помочь. Они ведь договоров не заключали и не регистрировались».

Таджикская диаспора в Петропавловске тесно сотрудничает с одной местной НПО и хорошо известна миграционной полиции. В прошлом информационные кампании, проводившиеся НПО, показали свою эффективность, обеспечивая мигрантам доступ к механизмам защиты и/или выход на кыргызские и таджикские диаспоры в городе. Распространялись брошюры, устанавливался непосредственный контакт с мигрантами, собиравшимися на железнодорожных вокзалах поблизости от российско-казахской границы.

Эта же НПО активно работает с местными органами власти, которые также сообщают мигрантам о таджикской диаспоре, что говорит о том, что барьеры недоверия преодолимы путем совместной деятельности государственных и негосударственных субъектов по установлению контактов с мигрантским сообществом. Однако недостаточное финансирование снижает эффективность и долговечность усилий НПО, поскольку организация может работать только над краткосрочными проектами. При таком подходе НПО не в состоянии охватить более широкий круг мигрантов, а совместные действия носят временный и случайный характер. В результате, многие мигранты обращаются в НПО, только когда уже окажутся в ситуации крайней нужды, после того как случайные связи не смогли им помочь

или только усугубили их положение. Очень показательны то, что из мигрантов, опрошенных в апреле-мае 2016 г., только два человека (один в Петропавловске и один в Актау) знали о деятельности НПО по прибытии в страну, а те, кто в итоге обращался в НПО, делали это уже после того, как истек срок действия их документов или когда они оказались в тяжелой экономической ситуации, работали в тяжелых погодных условиях, не получая заработную плату, были избиты или начали испытывать проблемы со здоровьем из-за неудовлетворительных условий труда. В таких условиях НПО сложно находить приемлемые решения или оказывать срочную материальную помощь, что только укрепляет представление в среде мигрантов, что официальные учреждения ничем не могут помочь.

В действующем законодательстве, по всей видимости, особо не оговаривается статус низкоквалифицированных иностранных работников, но результаты нашей социологической оценки показывают, что на трудящихся-мигрантов существует большой спрос в таких отраслях, как строительство, сфера услуг, сезонные работы и работа по дому. Это необходимо принять во внимание в целях содействия и поощрения законной занятости иностранной рабочей силы. НПО рекомендуется наладить сотрудничество с частными агентствами занятости и совместно с миграционной полицией и диаспорами действовать в качестве справочного бюро для вновь прибывших мигрантов, совмещая традиционные для мигрантов способы распространения информации («из уст в уста») с более официальными источниками.

Примеры из практики в Петропавловске показывают, что вполне возможно использовать неформальные сети и диаспорные организации для установления контакта между мигрантами и органами власти и возврата доверия к последним, а также для распространения информации не только о способах легализации, но и о преимуществах законного пребывания и трудоустройства. Для реализации подобных проектов необходимо дополнительное финансирование, чтобы усилия и деятельность НПО носили более постоянный характер и их присутствие было заметно в стратегических местах скопления мигрантов. Кроме того, более активные, конкретные меры по информированию и поддержанию коммуникации с мигрантами повысят эффективность мероприятий по профилактике рискованного поведения, тем са-

мым снижая вероятность попадания мигрантов в руки преступных лиц и группировок. Распространяемая информация должна содержать не только материалы о правах человека и нормах законодательства, но и практические советы о преимуществах получения справок о профессиональной подготовке для облегчения интеграции мигрантов в казахский рынок труда и укрепления их потенциала в планировании и улучшении своих стратегий.

Опыт сотрудничества НПО с сообществом и диаспорными организациями должен быть учтен в специальных программах по расширению спектра предоставляемых услуг и содействию занятости трудящихся-мигрантов на краткосрочных работах, например сезонных работах, с привлечением частных агентств занятости. НПО и диаспорные организации накопили большой опыт оказания помощи мигрантам в трудных ситуациях.

Как видим, в некоторых случаях (помощь в отправке домой, предоставление кратковременного жилья и питания для самых уязвимых категорий мигрантов) существующие барьеры преодолимы с помощью НПО, международных и диаспорных организаций. Но для большинства мигрантов барьеры по включению в казахстанский рынок труда, правовую и информационную систему оказываются пока труднопреодолимыми, поскольку в этом вопросе необходимо содействие организаций. Пока в ситуации, когда нелегальное трудоустройство более дешево и удобно по срокам, чем то, которое делается согласно установленным процедурам, значительное число трудовых мигрантов устраивается через неофициальных посредников, создавая новые барьеры между собой и казахстанским обществом. Конечно, инклюзия происходит и в этом случае, но в таких условиях мигранты включаются в криминальные закрытые от государства схемы и не вносят в бюджет государства суммы, связанные с их обустройством, и не могут рассчитывать на социальное содействие со стороны государства.

Российская Федерация

В период 2013–2016 гг. при участии автора была проведена серия исследовательских и прикладных проектов по разработке и внедрению в практику нескольких моделей локальной интег-

рации мигрантов в ходе повседневного взаимодействия. По сути, эти модели представляли стратегии преодоления сложившихся барьеров социальной инклюзии мигрантов. В 2013–2014 гг. работа осуществлялась НКО «Международное ненасилие» в рамках президентского гранта, в 2015 г. — в сотрудничестве с Институтом «Стрелка» и Центром межкультурной коммуникации, в 2016 г. — с Поликультурным центром, одного из районов Москвы.

Целенаправленно были апробированы разные контексты интеграции, разные модели и разные виды партнерского взаимодействия с различными государственными институтами. В каждом случае практической работе предшествовали социологические исследования, охватывающие как территориальный, так и тематический (экстерриториальный) аспекты интеграционной работы.

В рамках исследования территориального контекста проводилось фокусированное изучение факторов интеграции (социальной инклюзии) в конкретном микрорегионе:

1. В 2013–2014 гг. это была дворовая территория вокруг «этнического кафе» (район метро Войковская), в 2015 г. — пространство, прилегающее к библиотеке (район Хохловка), в 2016 г. — группа домов вокруг поликультурного центра (район Братеево).

2. В 2013 г. сотрудники НКО «Международное ненасилие» провели 16 экспертных интервью и 6 фокус-групп, охвативших различные категории населения:

— представителей местных жителей — как обычных граждан, так и активистов общественных организаций, депутатов муниципальных собраний, активистов органов местного самоуправления;

— представителей трудовых мигрантов из стран Средней Азии — коллективы мигрантов, активистов соответствующих этнокультурных и правозащитных организаций;

— представителей новых жителей Москвы — выходцев из Кавказского региона — группы студентов — уроженцев Северного Кавказа, представителей соответствующих этнокультурных организаций, активистов интеграционных инициатив.

Эта достаточно ограниченная и по масштабу, и по задачам исследовательская деятельность, тем не менее, позволила выявить несколько барьеров инклюзии мигрантов, предстающих в виде проблемных ситуаций, а также определить для них потенциальных действующих субъектов в том числе:

— Проблему противостояния жильцов группы домов и мигрантов, которых управляющие компании ЖКХ нелегально и без ведома самих жильцов селят в подвалах и чердаках домов, а также в выселенных домах, становящихся, по сути, нелегальными общежитиями. В подобных общежитиях жители видели угрозу в связи с антисанитарией, а в самих мигрантах — носителей антисанитарии и угрозу своему образу жизни и социальным нормам.

— Проблему тревожности местных жителей по поводу того, что работы по уборке территории дворов проводят различные группы незнакомых им людей, которые не вступают в разговоры с жильцами, видимо в силу незнания русского языка, из-за чего у жителей возникает ощущение, что в их собственном дворе их окружают «чужие».

Иногда в ходе исследований выясняется, что совершенно естественные процессы воспринимаются в массовом сознании через призму этнокультурных стереотипов. Это, в свою очередь, позволяет определить направления работы по восстановлению взаимопонимания и доверия, преодолению тех заблуждений, которые осложняют взаимодействие различных групп.

Так, в одном случае группа местных жителей высказалась в фокус-группе, что расположенное неподалеку кафе, где раньше было принято проводить неформальный досуг, после того как оно стало «таджикским», перестало быть общедоступным. Естественно, никакого формального запрета нет, но местным людям «неуютно», так как теперь там собираются группы земляков хозяев кафе, звучит другая музыка, повысились цены. Дальнейшее исследование показало, что доступность кафе изменилась, в основном, в связи с тем, что оно было преобразовано в современный ресторан достаточно приличного уровня, что и сказалось на ценовой политике.

Что может дать изучение ситуации?

Исследовательская деятельность способна помочь в определении стратегии дальнейшей работы по преодолению противоречий между различными группами населения тем, что она позволяет выявлять скрытые аспекты взаимодействия, определять лидеров сообщества, через которых возможно на него воз-

действовать, диагностировать интересы и потребности различных групп.

Разумеется, количество проблемных ситуаций, выявленных в ходе исследований, может быть значительным, но, скорее всего, они будут выстроены вокруг немногочисленных «линий разделения», которые и являются барьерами инклюзии, например:

- наличие взаимных предубеждений, отсутствие информации о причинах нахождения в городе мигрантов, об их вкладе в развитие города, присутствие в прессе материалов и публичных высказываний, эксплуатирующих взаимные фобии и стереотипы;
- отсутствие четких и отлаженных механизмов организации иностранной рабочей силы, площадок для позитивного и целенаправленного взаимодействия разных категорий жителей Москвы.

Для того чтобы определить направления действий по преодолению существующих барьеров, в ходе исследования важно выяснить возможные интересы и выгоды каждого сообщества от взаимодействия. Интеграция должна осознаться нужной не по абстрактным, а по совершенно конкретным мотивам (например: установление более доброжелательной атмосферы взаимодействия среди жителей и работников ЖКХ, продавцов и строителей во дворе, улице, спортзале, аудитории). Возможно, также использовать к взаимной выгоде ресурсы каждого из сообществ, например свободное время и опыт пенсионеров-старожилов, которое может быть посвящено повседневному просвещению «новожителей» правилам жизни в «нашем» дворе — в обмен на энергию и молодость «новожителей» или мигрантов, которые могли бы помогать пенсионерам. Исследовательская работа, даже самая элементарная, важна тем, что она позволяет «нащупать путь» к преодолению имеющихся противоречий и непонимания, выявить потенциальные точки взаимодействия и сотрудничества.

В ходе многих интервью среди жителей ряда домов в г. Москве было замечено, что зачастую, для пожилых местных жителей, мигранты и «новые» москвичи являются нежелательными не как носители конкретных неудобств или нежелательных последствий своего присутствия, а как символы нежелательных изменений. Они видятся как символы окончания «нашего» мира с понятными нам правилами, ценностями и нормами и наступления нового времени, которое часто совпало с окончанием актив-

ного возраста для нынешних пенсионеров 70–75 лет и их ухода на обочину «большой жизни». Поэтому, во всех новых явлениях (новые лица, новые традиции, новые голоса и языки на улицах Москвы) они склонны видеть признаки не только «иного», но и враждебного. Да и мигранты, живущие в съёмных квартирах, говорили, что чаще всего слышат неодобрительные высказывания в свой адрес именно от «бабушек».

Чтобы преодолеть эти тенденции, решено было провести специальную встречу в кафе «Микс-Макс» не только для Совета ветеранов Войковского района, располагающегося в этом же доме, но и для пенсионеров, переехавших в Москву в разные годы из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана. Встретившись в спокойной обстановке, ровесники смогли обсудить свои впечатления жизни «раньше» и «теперь» и убедиться, что в их восприятии мира больше сходного, чем отличного друг от друга. Это чувствовалось по их выступлениям и подтверждалось тем, что некоторые участники продолжили общение уже вне наших встреч. Вряд ли мы изменили что-то в самоощущении пенсионеров в целом, но мы помогли им осознать, что культурная «инаковость», отнюдь не означает социальной чуждости. Это поможет видеть им в лицах встреченных «новомосквичей» просто людей, ищущих в Москве решения своих проблем, а не носителей какой-либо враждебной воли.

Итоги исследований, в виде перечня наиболее неблагоприятных факторов взаимодействия (барьеров) в рамках конкретных ситуаций были обсуждены с их участниками и были выработаны стратегии их преодоления на основе интересов всех сторон. Например, в случае ситуации вокруг недовольства местными жителями «этническим кафе», которое представлялось им «чужим» в «их» привычном районе, были найдено следующее совпадение интересов:

— Совет собственников жителей домов был заинтересован в создании благоприятной атмосферы во дворе (куда выходит и кафе), так как население двора многонационально и иногда на стенах дома появляются националистические надписи. Жители также были озабочены проблемой досуга детей и рассматривали мероприятия проекта как условия для организации их досуга.

— Администрация кафе заинтересована в повышении лояльности жителей окружающих домов к своей продукции, к

доброму отношению со стороны жильцов. Эти мероприятия повысят узнаваемость кафе, помогут преодолеть отрицательное к нему отношение той части жителей, чьи квартиры расположены прямо над кафе.

— Этнокультурные организации заинтересованы в расширении площадок, где мигранты и «новожители» из числа их сообществ имели бы возможность на регулярной основе взаимодействовать со «старожилами» и вливаться в их социум.

Успешное преодоление напряженности и содействие интеграции разнокультурных сообществ, как правило, требует не только эффективной исследовательской деятельности и организации диалога различных сторон, но и проведения практических мероприятий, в ходе которых представители различных сообществ объединяют свои усилия. Важно, чтобы такая практическая деятельность отвечала двум основным условиям: 1) она должна вести к изменению ситуации, которая на уровне дискуссий описывалась как проблемная и неблагоприятная; 2) в ней должны реализовываться повседневные интересы или пожелания всех участников ситуации.

В нашем случае для того, чтобы это недоверие уменьшилось, нужно, чтобы эти «другие» вместе с «нами» решали бы общие с «нами» задачи, сохраняя при этом свое культурное своеобразие, но становясь членами «нашего» условного дворового социума. На протяжении года в этом кафе регулярно проводились совместные празднования Новруза, Пасхи, Дня победы, 8 Марта, мастер-классы по этнической кулинарии, рукоделию, встречи детей, ветеранов, творческих работников, в которых участвовали как «старожилы», так и «новомосквичи», живущие и работающие по соседству. Это позволило изменить ситуацию во дворе и заложить основы совместных действий разных организаций.

В рамках экстерриториального контекста были опробованы модели работы в двух клубах восточных единоборств. Таких клубов только киргизских в Москве насчитывается несколько десятков, некоторые из них моноэтничны и представляют собой способы сохранения для себя комфортной зоны для тех мигрантов, которые плохо говорят по-русски и не общаются за пределами «своих».

Именно на них были ориентированы упражнения по актуализации потребности в интеграции, которые представляют со-

бой не лекции, на которых спортсменов убеждают быть «более интегрированным», а игровые мини-тренинги, в ходе которых разыгрываются и анализируются различные стратегии взаимодействия в конфликте (избегание, компромисс, доминирование, сотрудничество) и участники через собственный опыт убеждаются, что те группы, которые использовали стратегию «сотрудничества», быстрее выполняли поставленные задачи.

Подводя итоги деятельности на нескольких площадках в Москве можно отметить, что важным результатом стали как многочисленные модели интеграционной деятельности, которые были опробованы или обсуждены участниками проектов, так и изменения в отношении к интеграционным процессам и своему месту в них. Об этом говорили как высказывания, так и действия участников проектов. Для мигрантов главным итогом проведенных мероприятий стали вера в себя как в активного участника своей собственной «миграционной истории» и как в человека, жизнь которого заслуживает интереса и внимания со стороны окружающих. Для старожилов Москвы очень важна возникшая у них способность, а может быть и потребность, увидеть в новых людях новые грани «нас», «нашего» общества. И эта потребность вытекает не из абстрактного гуманизма, а из понимания того, что, чем лучше мы будем знать людей, окружающих нас, тем уютней и комфортней будет наш собственный жизненный мир.

При проведении мероприятий, направленных на содействие интеграции, очень значительна роль организаторов из числа сообществ местных жителей. Если мигранты вынужденно объединяются в формальные или неформальные сообщества, то местные жители зачастую с трудом обретают способность к осуществлению совместных действий. Это повышает роль местных активистов или лидеров местного самоуправления: собственников жилья, жилищных кооперативов, старших по подъездам. На них должно быть обращено местных органов власти, которые будут осуществлять интеграционные мероприятия на локальном уровне.

Важно включать во все миграционные мероприятия непосредственных нанимателей иностранных трудовых мигрантов, поскольку они влияют на характер работы и свободного времени мигрантов. Это организации ЖКХ, строительства, торговли.

Без их искреннего желания невозможно объяснить местным жителям вклад и роль мигрантов в социальном развитии Москвы в целом и отдельного двора в частности. И без них же невозможно активно привлекать мигрантов в интеграционное взаимодействие. Учитывая, что, по разным причинам, наниматели не всегда настроены содействовать успешной интеграции своих подчиненных, представляется разумным, чтобы городские власти стимулировали их на подобную деятельность.

Успех интеграционной работы зависит от сотрудничества с различными общественными организациями — от Советов ветеранов до «диаспорных», просветительских и миротворческих гражданских объединений. В рамках подобной работы могла бы осуществляться практическая подготовка тех сотрудников государственных и общественных институтов, которые призваны реализовывать общественно значимые проекты в сфере укрепления внутреннего единства граждан. По итогам работы подготовлена брошюра с практическими рекомендациями.

Общие выводы

Несмотря на то, что ситуации с инклюзией возвратных мигрантов из Центральной Азии в Казахстане и с трудностями включения трудовых мигрантов в повседневную жизнь московского социума выглядят совершенно несхожими, барьеры инклюзии, формируются из сходных групп факторов.

Плохая информированность возвратных мигрантов об условиях и процедурах регистрации и трудоустройства не позволяет им эффективно включаться в рынок труда и общество Казахстана. Также непонимание того, кто привлекает в Москву трудовых мигрантов, каковы условия и задачи их работы там, приводит к тому, что местные жители воспринимают их как чужих в своем городе.

Отсутствие прозрачных и легкодоступных процедур регистрации и трудоустройства трудовых мигрантов как в Казахстане, так и в Москве, приводит к тому, что они используют неформальных и криминальных посредников, которые не заинтересованы в прозрачном режиме их работы и проживания, что не способствует их инклюзии в принимающее общество.

Мигранты и принимающее общество не видят общих друг для друга целей совместной деятельности и взаимной необходимости друг другу. Это обуславливает взаимное недоверие и слабую потребность в инклюзии со стороны заметной доли мигрантов.

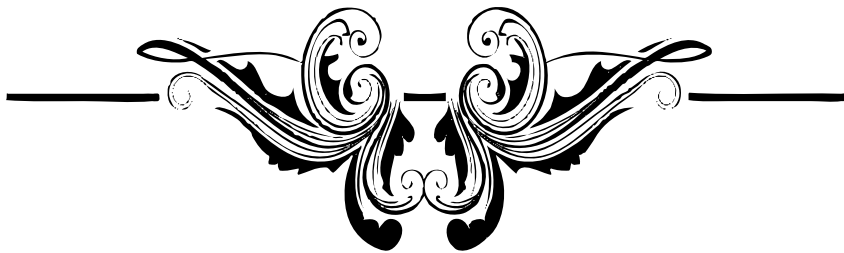
Соответственно, в основе стратегий преодоления барьеров коммуникации должны лежать:

- повышение уровня взаимной информированности двух сообществ (принимающее общество и мигранты) друг о друге;
- упрощение официально установленных процедур для регистрации и трудоустройства мигрантов;
- создание площадок для взаимодействия мигрантов и местного населения на основе совместной взаимовыгодной деятельности по решению общих задач.

Другими словами, барьеры социальной коммуникации возникают не из-за особенностей ее участников (этнических, религиозных, языковых и т.д.), а из-за неспособности государства и гражданских институтов как в отправляющих, так и в принимающих странах создать условия, в которых взаимодействие мигрантов и местных сообществ максимально прозрачно и понятно для всех. Соответственно, преодоление этих барьеров означает формирование коммуникационных моделей, облегчающих как непосредственные контакты людей, государственных институтов и сообществ, так и информационное сопровождение.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Таджикистан	10915	10193	12917	18463	33036	48 697
Кыргызстан	93848	103001	93127	94313	114385	157 227
Узбекистан	404468	431919	495167	530683	797982	1 059 210
Всего	509231	545113	601211	643459	945403	1 265 044

Таблица 1. Граждане стран Центральной Азии, временно зарегистрированные в Казахстане

А.В. Воробьев

§ 4. Многовекторность политических коммуникаций в постсоветской Центральной Евразии: пример Узбекистана

Формирование новых независимых государств в Центральной Евразии после распада СССР в 1991 году стало интересным политическим, экономическим и социальным феноменом. С одной стороны, новые постсоветские государства Центральной Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — продолжают оставаться весьма молодыми по историческим меркам государственными образованиями. История современного суверенитета вышеназванных государств насчитывает не более 30 лет. С другой стороны, общества стран Центральной Азии в той или иной степени прошли через опыт древней и средневековой государственности, имевшей значительное присутствие на территории центра Евразии. Социумы государств Центральной Азии исторически имеют более чем богатый опыт экономического и политического взаимодействия как с Востоком, так и с Западом, как с Севером, так и с Югом. Это взаимодействие включало в себя политико-дипломатические отношения, завоевательные походы, караванную торговлю и многое-многое другое.

Пожалуй, наиболее примечательным государством для изучения политической многовекторности в Центральной Евразии

на современном этапе является Узбекистан. Имея относительно недавний опыт государственности Коканда, Хивы и Бухары, общество Узбекистана весьма успешно прошло модернизационный период своего развития в составе Российской империи и СССР. Благодаря дореволюционному и советскому периоду своей истории Узбекистан добавил в копилку собственной многовекторности интенсивные отношения на северном и западном — европейском — направлении. Обогатившись российско-советско-евразийским опытом, Узбекистан в то же самое время сохранил глубинные коды собственной государственной и общественной системы, которые восходят к государственности Коканда, Хивы и Бухары и к более древним историческим пластам.

Первые два с небольшим десятилетия современной узбекской государственности вошли в историю как «эпоха Каримова». В этот период времени — с 1991 по 2016 г. — Узбекистан проходил через этап государственного становления под руководством первого президента страны Ислама Каримова. Политическая многовекторность Узбекистана, несмотря на наличие интенсивных политико-экономических и гуманитарных связей с другими бывшими советскими республиками, включая Россию, в этот период времени была выражена относительно слабо. Стремясь оградить Узбекистан от деструктивных политических и экономических процессов, захлестнувших в начале 1990-х годов постсоветское пространство, власти республики взяли курс на политическую и экономическую обособленность. В плане внутренней идеологии ставка была сделана на узбекскую национальную идентичность и истоки собственной государственности. При этом необходимый для нормального функционирования государства уровень международно-политического и экономического взаимодействия с другими участниками международной жизни — Россией, Китаем, США, соседями по Центральной Азии — в основном поддерживался. За два с лишним десятилетия руководства Каримова Узбекистан превратился в достаточно крепкое в экономическом, политическом и военном плане государство, относительно устойчивое к внешней турбулентности. Таким образом, были созданы предпосылки для дальнейшего укрепления и развития политической многовекторности Узбекистана. Однако реализацией этих задач занялся

уже не сам Каримов, а сменивший его в 2016 г. на посту главы государства Шавкат Мирзиёев, ранее занимавший должность премьер-министра.

Четыре с небольшим года, прошедших с момента прихода Мирзиёева к власти, — безусловно, не такой большой срок для внешней и внутренней политики страны. Однако этого времени вполне достаточно для подведения ряда важных промежуточных итогов и акцентирования внимания на продемонстрировавших себя тенденциях. Значительные изменения, хорошо видные не только для профессионала аналитической работы, но и для вполне рядового наблюдателя, произошли во внешней политике Узбекистана. Она стала более динамичной, конструктивной, прагматичной. Изоляционизма — как политического, так и экономического — в ней, напротив, стало меньше.

В первую очередь, обращает на себя внимание значительно возросший интерес Ташкента к политической и экономической повестке родного региона — Центральной Азии. Так, избранный в 2016 г. президентом Мирзиёев свой первый зарубежный визит нанес не в один из «центров силы» — Россию, Китай, США. Глава Узбекистана первым делом отправился в Ашхабад и Астану. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев предложил создать Ассоциации глав регионов стран Центральной Азии.

При этом Ташкент явно не демонстрировал намерения брать на себя максимум инициативы и ответственности, а стремился подключить к процессу соседние государства. Прежде всего речь идет о Казахстане. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев откликнулся на инициативу Мирзиёева, и Астана в итоге сыграла значительную роль в углублении процесса взаимодействия стран региона. 18 октября в Астане состоялся форум «Регионализация Центральной Азии. Роль Казахстана», а 29–30 октября 2018 г. в Ташкенте и Бухаре состоялся Первый Центральноазиатский экспертный форум с участием руководителей аналитических центров стран Центральной Азии. В марте 2019 г. в Ташкенте должна была состояться вторая консультативная встреча глав стран Центральной Азии, однако ее заседание прошло в ноябре 2019 года. Встреча откладывалась несколько раз, но в итоге состоялась. В ней приняли участие лидеры всех пяти стран региона. Следующая, третья по счету, консультативная встреча глав государств Центральной Азии

должна пройти в 2020 году в Бишкеке. Весьма вероятно, что она будет содержать результаты, носящие более практический и конкретный характер, нежели первые два заседания.

Очевидно, что руководство Узбекистана полагает, что активность Ташкента в региональных делах даст стране возможность укрепить лидирующие позиции в Центральной Азии и через максимально полное задействование своего политического и экономического потенциала добиться эффективной реализации собственных национальных интересов в регионе.

С этой целью власти Узбекистана радикально изменили риторiku в отношении сотрудничества с соседними Кыргызстаном и Таджикистаном, отношения с которыми были омрачены территориальными и рядом других споров. Нормализация приграничного режима, налаживание торговли между странами, автобусного и железнодорожного сообщения существенно повлияли на жизнь региона в экономическом и гуманитарном контекстах. Нельзя однозначно говорить о том, что все проблемы были решены: определенная напряженность сохранилась, как и имели место ряд эксцессов. Так, совсем недавно — 6 января 2020 года — произошел конфликт между узбекскими пограничниками и жителями Кыргызстана, в поисках собственного скота зашедшими на спорную территорию. Узбекские пограничники были вынуждены открыть стрельбу в воздух и добились ухода граждан Кыргызстана со спорной территории. Похожие инциденты были и осенью 2019 года. Тем не менее изменились риторика и настрой Ташкента: от разжигания конфронтации к минимизации подобных рисков, поиску компромиссов и сглаживанию острых углов.

Что касается отношений Узбекистана с Казахстаном и Туркменистаном, то здесь особых прорывов за период руководства страной не произошло, главным образом, потому, что отношения Ташкента с Нур-Султаном и Ашхабадом были достаточно ровными и в предшествующий период. Тем не менее и здесь можно ожидать дальнейшего прогресса в улучшении взаимной торговли и развитии транспортных коммуникаций: автомобильных и железнодорожных.

Несмотря на плюсы от смены политики Ташкента в Центральной Азии, ряд экспертов увидели в ней и определенные вызовы. Так, высказывалось мнение о том, что усиление позиций

Узбекистана в регионе вызовет недовольство Казахстана и обернется усилением конкуренции между этими двумя наиболее крупными государствами Центральной Азии. Действительно, Казахстан на протяжении двух с лишним десятилетий являлся ведущим государством региона, получавшим главное внимание внерегиональных участников международной жизни — России, Китая, США, Евросоюза. Пока Узбекистан предпочитал оставаться в тени, статус-кво сохранялся. Однако активизация Ташкента изменила расклад сил в регионе.

Однако представляется более объективным, что на самом деле такая ситуация обернется не усилением региональной конкуренции между Ташкентом и Нур-Султаном, а укреплением уровня экономического и политического взаимодействия между ними. Косвенным подтверждением тому уже стали прошедшие раунды встреч глав государств Центральной Азии, где главными моторами внутрорегиональной интеграции выступали именно Казахстан и Узбекистан. Кроме того, для укрепления сотрудничества Ташкента и Нур-Султана есть и другие объективные предпосылки. Значительные и растущие потоки экспорта и импорта Узбекистана направлены в сторону России и других государств бывшего СССР. Соответственно, Казахстан только в силу географии становится неотъемлемым связующим для Ташкента в укреплении его политической многовекторности¹. Немаловажно также и то, что 2019 год для Узбекистана прошел под знаком дискуссий о возможном вступлении страны в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), плюсах и минусах подобного шага для страны. Казахстан является членом ЕАЭС и стоял у истоков работы Таможенного союза и ЕАЭС, поэтому движение Ташкента в данном направлении объективно укрепляет контакты властей Узбекистана с Казахстаном.

Власти Узбекистана не ограничились лишь активизацией отношений со соседями по региону Центральной Азии. Наряду с этим узбекское руководство существенно активизировало политический и экономический диалог с «центрами силы»: Москвой, Пекином. Разумеется, не остался без внимания и За-

¹ А.В. Воробьев. Курс России в Центральной Азии: между Ташкентом и Астаной. [Электронный ресурс] // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kurs-rossii-v-tsentralnoy-azii-mezhdu-tashkentom-i-astanoy/> (дата обращения: 10.01.2020).

пад — Брюссель с Вашингтоном. Свою первую поездку в Москву президент Мирзиёев осуществил в апреле 2017 г. Интенсивная подготовка к визиту и переговоры делегаций в ходе поездки привели к внушительным результатам. Москва и Ташкент подписали соглашения на 16 млрд долл. Не менее успешной была первая поездка Мирзиёева в Пекин, которая была приурочена к проведению саммита «Один пояс — Один путь» в мае 2017 г. КНР и Узбекистан подписали контрактов на внушительную сумму в более чем в 20 млрд долл¹.

В октябре 2018 г. двухдневный визит в Узбекистан совершил президент России Владимир Путин. Состоявшийся визит российского лидера, который был весьма и весьма продуктивен, продемонстрировал отчетливую восходящую динамику в отношениях Москвы и Ташкента. Неиспользованный в должной мере в предыдущие годы потенциал двустороннего взаимодействия России и Узбекистана сегодня начал раскрываться так, как он должен был раскрываться. Осуществляется упрочение обоюдовыгодных двусторонних экономических связей, со стороны Москвы возрастает интерес к Ташкенту как к государству — лидеру Центрально-Азиатского региона. Также в ходе переговоров делегаций двух стран существенно возросло внимание к сотрудничеству в гуманитарных областях.

Говоря о непосредственных результатах визита Путина в Узбекистан 18-19 октября, следует отметить, что совокупная сумма заключенных деловых и межгосударственных контрактов, инвестиционных соглашений и прочих сделок превзошла 27 млрд долл. Всего в результате переговоров стороны поставили свои подписи под 800 документами². Товарооборот между двумя странами также растет стремительными темпами: в 2017 г. он увеличился на 34%. За первые восемь месяцев 2018 г. товарооборот прибавил еще 30%³.

¹ Ходжаев А.И. Визит Мирзиёева в Китай: стороны подпишут 100 договоров на \$20 млрд. [Электронный ресурс] // URL: <https://uz.sputniknews.ru/politics/20170510/5370915/Uzbekistan-KNR-Mirziyev-vizit-kontrakty.html> (дата обращения: 05.01.2020).

² Узбекистан и РФ подписали соглашения на 27 миллиардов долларов. [Электронный ресурс] // URL: <https://uz.sputniknews.ru/economy/20181019/9740980.html> (дата обращения: 07.01.2020).

³ Путин рассчитывает на расширение базы взаимодействия России и Узбекистана. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/5694277> (дата обращения: 07.01.2020).

Согласно распространенному в России, Узбекистане и Казахстане экспертному мнению, Россия сегодня становится лидером в энергетике Узбекистана. Российская и узбекская сторона договорились, что специалисты «Росатома» возведут в Узбекистане атомную электростанцию. Будущая АЭС станет первой не только для Узбекистана, но и для всей Центральной Азии. Таким образом, можно вести речь о новой вехе регионального экономического и энергетического развития.

Необходимо отметить, что возведение АЭС — отнюдь не первый масштабный проект двустороннего сотрудничества в энергетической сфере. Весной текущего года в Бухарской области Узбекистана был введен в строй Кандымский газоперерабатывающий комплекс. Кандымский ГПК возводился совместными усилиями Узбекнефтегаза и российской нефтяной компании Лукойл. Возведение комплекса стало крупнейшим инвестиционным проектом российского нефтяного гиганта в Узбекистане. Общая стоимость проекта составила свыше 3,4 млрд долл¹. Запуск Кандымского ГПК позволяет создать свыше двух тысяч новых рабочих мест в стране. В ходе реализации проекта было задействовано более 10 тысяч рабочих рук.

Для двустороннего взаимодействия России и Узбекистана типичен ряд актуальных черт: именно эти черты дают отношениям Москвы и Ташкента поступательно продвигаться вперед. Во-первых, взаимодействие России и Узбекистана характеризуется ситуацией «низкого старта». То есть в отношениях двух стран имеется значительный нереализованный потенциал, поскольку многие потенциально выгодные проекты тормозились в предыдущие годы из-за не самой лучшей политической конъюнктуры. Сегодня этот накопленный за годы массив проектом начал активно реализовываться благодаря изменениям в политической конъюнктуре. Однако, конечно же, нельзя утверждать, что экономические и политические отношения Москвы и Ташкента строго делятся на «до» и «после». Нет, сотрудничество продуктивно развивалось и ранее, просто масштабы были несколько другими — более скромными.

¹ Семенова А.Н. ЛУКОЙЛ сдержал обещание. Досрочно запущена 2-я очередь Кандымского ГПЗ в Узбекистане. [Электронный ресурс] // URL: <https://neftegaz.ru/news/view/170870-LUKOYL-sderzhal-obeschanie.-Dosrochno-zapuschna-2-yaochered-Kandymского-GPZ-v-Uzbekistane> (дата обращения: 20.01.2020).

Немаловажно и то, что российская и узбекская экономики не только тесно взаимосвязаны: они еще и в значительной степени комплиментарны. Узбекистан зачастую отправляет в Россию те товары и услуги, которые российская экономика по вполне объективным причинам сама произвести не может. Так, речь идет о плодоовощной продукции — как свежей и переработанной, изделиях текстильной промышленности и так далее. Москва же отправляет своему центральноазиатскому партнеру электрическое и механическое оборудование, нефть и товары, произведенные из нефти, металлы и изделия из них. Плюс, способствовавшим интенсификации двусторонних отношений, является и то, что они развивались в двустороннем формате. Очевидно, что и в будущем данный двусторонний формат будет способствовать гибкости межгосударственного взаимодействия.

Если в первые годы после прихода к власти Мирзиёева между Россией и Узбекистаном шла интенсификация политических и экономических контактов, то 2019 год ознаменовался двумя качественно новыми тенденциями. Первой стало то, что Москва и Ташкент приступили к обсуждению возможности институционализации отношений, а именно: в 2019 году начались предметные переговоры по вопросу вступления Узбекистана в ЕАЭС.

Данный вопрос, безусловно, является весьма сложным и дискуссионным для узбекского общества и элит, привыкших за два с половиной десятилетия независимости к обособленности своей республики от других стран в экономике и политике. «Сокращение дистанции в отношениях» с Россией, которая хотя и является давним и проверенным партнером Узбекистана, представляется для многих потенциальным вызовом независимости на среднесрочном и долгосрочном треке.

Сложные перипетии взаимоотношений ряда действующих участников ЕАЭС друг с другом настораживают Ташкент. Так, на слуху часто оказываются разногласия между Москвой и Минском по поводу поставок российских энергоносителей в Беларусь и критика в адрес ЕАЭС со стороны Лукашенко. Власти Узбекистана также присматриваются к результатам членства в ЕАЭС Казахстана и Кыргызстана. Применительно к казахстанскому кейсу узбекские экономисты и политологи видят, что вступление Казахстана в ЕАЭС привело к экспансии российского капитала и товаров в казахскую экономику, при том, что Нур-

Султан оказался не особо успешен в попытках нарастить экспорт собственной продукции в Россию. Санкционное давление на Москву и сложные отношения России с Западом также настораживает тех, кто видит во вступлении Узбекистана в ЕАЭС потенциальные риски¹.

Однако на другой чаше весов находятся экономические выгоды от вступления в интеграционное объединение, а именно: возможность существенно нарастить поставки собственной продукции на рынки России и других стран участниц ЕАЭС, которые в случае невступления в интеграционное объединение окажутся менее доступными для узбекских производителей. Кроме того, членство в ЕАЭС предполагает более тесную промышленную и технологическую кооперацию с Россией и другими странами объединения. А для Узбекистана, который страдает от переизбытка населения и перемещения сельских жителей в города, сегодня более чем важна возможность создания совместных производственных цепочек, создание трудоемких и капиталоемких производств.

Вероятно, 2020 год и запланированные на этот период новые встречи высшего руководства России и Узбекистана внесут больше ясности в вопрос о вступлении республики в ЕАЭС. Вполне возможно, что результат окажется где-то посередине между двумя крайностями — вступлением Узбекистана в интеграционное объединение и решением не присоединяться к союзу. Ташкент в 2020 году может стать государством-наблюдателем при ЕАЭС с перспективой последующего вступления в евразийское интеграционное объединение в 2023–2024 годах, — после завершения подготовительной работы. Объем этой подготовительной работы представляется весьма внушительным: Ташкент должен будет переработать значительную часть своего национального законодательства, приведя его в соответствие с нормами, принятыми в ЕАЭС, а также модернизировать собственную таможенную инфраструктуру.

Второй важной тенденцией конца 2018–2019 годов стало то, что межгосударственное взаимодействие России и Узбекистана

¹ Воробьев А.В. Казахстанско-российские отношения являются стрессовыми для ЕАЭС — российский эксперт. [Электронный ресурс] // URL: https://www.kazembassy.ru/rus/press_centra/novosti/?cid=0&rid=3274 (дата обращения: 07.01.2020).

наконец-то вышло за рамки сугубо политического и экономического партнерства и затронуло сферу образования и науки. На долгосрочной дистанции именно сотрудничество государств в гуманитарном направлении создает прочные предпосылки для стратегического партнерства.

В октябре 2018 года в Ташкенте состоялся двусторонний российско-узбекистанский образовательный форум, по итогам которого было подписано свыше 150 соглашений о сотрудничестве. Вскоре в Узбекистане открылся филиал МИФИ. В октябре 2020 года в республике должен заработать филиал МГИМО. На 2020 год также запланировано расширение научно-образовательного сотрудничества между регионами России и Узбекистана. Кроме того, по словам начальника департамента Управления президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами Алексея Власова, двустороннее взаимодействие Москвы и Ташкента в этой сфере должно затронуть не только высшее, но и школьное образование¹.

Подводя итог перспективами развития сотрудничества России и Узбекистана в различных сферах, с большой долей вероятности можно предположить, что Узбекистан намерен в первую очередь получить для себя экономические преимущества путем осуществления совместных с иностранными участниками проектов, вхождения на новые рынки сбыта и расширения своего присутствия на уже имеющихся, привлечения инвестиций в страну. Также для Ташкента весьма значимо поддержать определенный баланс между двумя ключевыми соседствующими с Узбекистаном экономическими и политическими центрами силы — Россией и Китаем. Окажется ли данный стратегический подход успешным или неудачным, покажет развитие событий в среднесрочной перспективе.

Необходимо также обратить внимание на такой аспект, как сотрудничество Узбекистана со странами Запада. Коллективный Запад по-прежнему остается и в обозримой перспективе будет важнейшим источником технологий, инвестиций и политического влияния. Президент Каримов, проводивший полити-

¹ А. Власов анонсировал новые образовательные проекты РФ и Узбекистана. [Электронный ресурс] // URL: <https://uz.sputniknews.ru/radio/20190910/12398608/Vlasov-anonsiroval-novye-obrazovatelnye-proekty-RF-i-Uzbekistana.html> (дата обращения: 06.01.2020).

ку относительного экономического и политического изоляционизма, умеренной закрытости Узбекистана внешнему миру не форсировал развития отношений с Западом. Мирзиёев, напротив, полагает, что прагматичное и интенсивное взаимодействие с ЕС и США выгодно Ташкенту. С момента прихода Мирзиёева к власти, отношения Узбекистана с ЕС и США продвинулись вперед. Так, еще в январе 2017 г. возобновил свою работу в Узбекистане после значительного перерыва Европейский банк реконструкции и развития. Осенью того же года Мирзиёев посетил Южную Корею, где объявил о возобновлении усилий Ташкента по вступлению в ВТО. Руководство Южной Кореи дало лидеру Узбекистана обещание оказать содействие вступлению центральноазиатского государства во Всемирную торговую организацию: путем помощи в консультировании и решении возникающих проблем.

В мае 2017 г. президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев отправился в США со своим первым официальным визитом. Примечательно, что инициатором поездки Мирзиёева в Вашингтон выступил президент США Дональд Трамп. Поездка лидера Узбекистана в США привлекла к себе пристальное внимание в России и других государствах СНГ. Ташкент для США важен как в силу своего политического и экономического влияния в регионе, которое растет, так и в силу своей существующей и возможной роли в процессе внутриафганского мирного урегулирования. Основной интригой встречи стал вопрос о том, насколько Мирзиёев сумеет выдержать необходимый баланс между российскими интересами, ведь Москва — значимый партнер Ташкента, и американскими.

В итоге лидеру Узбекистана удалось найти некую «золотую середину» благодаря тому, что Ташкент проводит свою внешнюю политику, ориентируясь прежде всего на свои собственные политические и экономические интересы. Зачастую Ташкент делает это достаточно жестко — как в отношениях с Пекином и Москвой, так и в отношениях с Вашингтоном и Брюсселем. В результате продуктивных переговоров президенты двух стран приняли совместное заявление: «Узбекистан и США: начало новой эры стратегического партнерства». Лидеры государств поставили свои подписи под документами, касающимися усиления взаимодействия в области торговли, экономики,

финансов, инвестиций. Пакет договоренностей, заключенных Мирзиёвым в Вашингтоне, оказался объективно полезен для Узбекистана, но при этом он не был направлен против интересов третьих стран — России и Китая.

Конец 2019 – 2020 г. ознаменовались попыткой активизации внешней политики США в регионе. Эта попытка затронула главным образом Казахстан и Узбекистан как две наиболее влиятельные страны Центральной Азии. В феврале 2020 г. Ташкент и Нур-Султан посетил с визитом государственный секретарь США Майк Помпео. В ходе встреч с руководителями Узбекистана и Казахстана представитель Вашингтона призвал власти этих стран к перезагрузке собственной внешней политики и внешнеэкономической активности, рекомендовав отойти от сотрудничества с Россией и Китаем к большему сотрудничеству с США, Евросоюзом. Взамен Помпео посулил поддержку суверенитета Узбекистана и Казахстана, активный приток инвестиций в эти страны¹.

Позиция Госдепартамента США понятна: по мнению Вашингтона, страны Центральной Азии чересчур сильно ориентированы на Россию и Китай, и с этим нужно что-то делать. Ранее Помпео призвал власти Узбекистана тщательно взвесить свои планы по вступлению в Евразийский экономический союз и вместо этого подумать над вступлением во Всемирную торговую организацию (ВТО). Однако думается, что попытки Вашингтона переориентировать политику Узбекистана и Нур-Султана окажутся в целом не слишком результативными. Причина тому: слишком крепкий фундамент двусторонних связей Узбекистана и Казахстана с Москвой и Пекином. Тем не менее какие-то совместные проекты со странами Запада безусловно будут реализованы, ибо это — в интересах экономического развития государств Центральной Азии².

¹ Майк Помпео прибыл в Узбекистан. [Электронный ресурс] // <https://uz.sputniknews.ru/politics/20200203/13371875/Maykl-Pompeo-pribyl-v-Tashkent.html> (дата обращения: 15.02.2020).

² Мирзаян Г. Точки давления: что скрывает новая стратегия США по Центральной Азии. [Электронный ресурс] // URL: <https://uz.sputniknews.ru/columnists/20200211/13439860/Tochki-davleniya-chto-skrivaet-novaya-strategiya-SShA-po-Tsentrallyy-Azii.html> (дата обращения: 12.01.2020).

В начале 2020 года был также опубликован примечательный документ: новая стратегия Вашингтона относительно Центральной Азии. В документе отмечается, что США будут и далее поддерживать политическую и экономическую независимость стран региона, наращивать инвестиции и экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии, а также поддерживать в государствах региона «демократические институты»¹. Оценивая данную стратегию, нельзя сказать, что она содержит в себе какие-то радикально новые элементы: скорее, она является структурированным и обобщенным изложением уже существующей программы действий Вашингтона в Центральной Азии. Однако само появление подобной стратегии может свидетельствовать о возросшем интересе США к региону. И дело здесь прежде всего заключается не в энергетических ресурсах региона, а в геополитике: крепкие позиции в Центральной Азии позволят Вашингтону более действенно влиять на Китай и Россию «с тыла».

Также власти Узбекистана стали уделять больше внимания вопросу того, насколько страна соответствует существующим международным стандартам в области ведения бизнеса, каков политический и экономический имидж Ташкента за рубежом. Это — позитивный сигнал, поскольку внимание к имиджу и вопросам соответствия наиболее продвинутым международным практикам и стандартам являются и будут являться для властей Узбекистана стимулом,двигающим страну вперед.

За последние два года Ташкент достиг в этом определенно-го прогресса. Власти провели реформы, которые оказали благоприятное воздействие на ведение бизнеса в стране. Так, улучшились условия регистрации бизнеса, были облегчены правила получения разрешений на строительство, усилилась защита миноритарных инвесторов, было реформировано налогообложение и улучшены условия подключения к системам электроснабжения. Однако бизнес-среда Узбекистана пока что всё же далека от комфортной. В рейтинге Doing Business-2019 Узбекистан находится на 76-м месте из 190. К примеру, соседний Казахстан находится на 28-й строчке рейтинга, а Российская Фе-

¹ United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (дата обращения: 14.02.2020).

дерация занимает 31-ю позицию. Но здесь важно отметить и прогресс: в рейтинге Doing Business-2015 страна находилась на 103-м месте¹.

Свою значительную роль во влиянии на формирование внешнеполитического курса Ташкента в несколько последних лет сыграли сразу несколько факторов. Одним из них стало существенное снижение отпускных цен на ряд ключевых товаров, а также экономическое торможение России и КНР — двух государств, которые являются важнейшими торгово-экономическими партнерами Узбекистана. В результате подобного развития событий Ташкент столкнулся со значительным сокращением внешнего спроса и уменьшением выручки от реализации за рубежом ключевых товаров собственного экспорта. Речь здесь идет о природном газе, хлопке и золоте.

В 2015 г. на евразийском пространстве состоялось значительное политико-экономическое событие, а именно: начал свою работу Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Тогда участниками объединения были только три страны: Россия, Белоруссия и Казахстан. Старт работы евразийского интеграционного объединения де-факто разделил Центральную Азию на две группы стран: группу государств, входящих в ЕАЭС (Казахстан и Кыргызстан), и группу стран, не присоединившихся к работе экономического союза (Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). Одним из последствий начала работы ЕАЭС стало негативное влияние на функционирование ряда отраслей узбекской экономики вследствие появившихся на пути экспорта из Узбекистана барьеров. Так, экспорт автомобилей, произведенных в Узбекистане, на рынки Российской Федерации и Казахстана резко сократился уже к 2016 г.

Однако там, где есть вызовы, там же есть и возможности. ЕАЭС, который, казалось бы, разделил Центральную Азию на два лагеря, одновременно поспособствовал укреплению экономических связей между государствами региона, усилив экономическое взаимопроникновение. Так, вскоре после того, как созданные в рамках ЕАЭС таможенные границы воспрепятс-

¹ Ease of Doing Business Ranking & Ease of Doing Business Score. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.doingbusiness.org/en/data/doing-business-score> (дата обращения: 20.01.2020).

твовали поставкам автомобилей из Узбекистана на территорию стран-участниц интеграционного объединения, производство машин узбекского бренда RAVON оперативно наладили в казахстанском городе Костанай¹. Сборка автомобилей на новом заводе стартовала в конце весны 2017 г. Достаточно бюджетные автомобили стали вскоре весьма популярными у казахстанских автомобилистов. Однако потенциал возможной локализации производства предприятий Узбекистана на территории Казахстана и других стран ЕАЭС отнюдь не ограничивается автомобильной промышленностью: есть множество потенциально перспективных проектов и в других отраслях экономики.

Помимо начала работы Евразийского экономического союза второе десятилетие XXI века ознаменовалось активизацией Пекина в Центральной Евразии. Начиная с 2013–2014 гг. власти Китая значительно изменили политику и экономику региона путем реализации собственной инициативы «Один Пояс — один путь». Отличительной чертой стало и то, что ранее Пекин уделял внимание главным образом инвестициям в нефтегазовый сектор, избирая при этом Казахстан в качестве основного государства-партнера. Но в последние два-три года Пекин активно вкладывается в развитие транспортной инфраструктуры региона. Китай существенно разнообразил круг актуальных для взаимодействия секторов экономики. Китайские власти в последние годы весьма активно присматриваются к Узбекистану, видя в нем страну, на которую в перспективе можно сделать ставку как на лидера растущего и все более втягивающегося в глобальную экономику Центрально-Азиатского региона. В Пекине полагают, что Узбекистан имеет достаточно диверсифицированную экономику по меркам постсоветского пространства. Кроме того, Узбекистан уже прошел через процедуру транзита власти — сложный процесс, который еще только предстоит пройти соседнему Казахстану. То, что Ташкент оставил период транзита в прошлом, дает китайским властям право ждать в будущем определенной политической стабильности в Узбекистане.

Однако политика и стратегия любого государства, будь-то

¹ Багдасаров Е.Н. Шокирующая Азия: узбекские авто вернутся в Россию. [Электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru/923845/evgenii-bagdasarov/shokiruiushchaia-aziia-uzbekskie-avtomobili-vernutsia-v-rossiiu> (дата обращения: 20.01.2020).

Узбекистан или Казахстан, Россия или Белоруссия, Франция или Германия, определяется прежде всего не внешней конъюнктурой, а внутренними потребностями. Ключевой потребностью, побуждающей власти Узбекистана к активизации торгово-экономической политики и интенсификации контактов как внутри Центральной Азии, так и во «внешнем мире», является потребность в продолжении и сохранении высоких темпов экономического развития.

В правление Ислама Каримова в Узбекистане был создан значительный задел в развитии национальной экономики. В сухих цифрах доля аграрного сектора составляла 37% на момент распада СССР. Однако в 2013 г. она была уже менее 18%. Государство значительно приросло за этот период промышленностью, а также сектором услуг. Активные вложения государства в экономику в течение двух первых постсоветских десятилетий ускорили создание в республике крупных, капиталоемких производств и развитие современной транспортной инфраструктуры. Темпы экономического роста также были весьма внушительны по мировым меркам: последние несколько лет они составляли 5–6% согласно данным Всемирного банка¹.

Тем не менее на новом этапе власти Узбекистана вынуждены подсчитывать не только достижения. В стране накопился и значительный груз социально-экономических проблем. Промышленность Узбекистана испытывает острую потребность в модернизации, обновлении основных промышленных фондов. Пристального внимания требует и аграрный сектор. Доля сельского хозяйства в экономике страны существенно сократилась, о чем было сказано выше. Однако порядка 40% населения Узбекистана по-прежнему остаются занятыми в аграрной отрасли². Руководству страны в среднесрочной перспективе придется вплотную заняться вопросами трудоустройства больших масс населения, которые в ходе процесса неминуемой урбанизации будут двигаться из сельской местности в города Узбекистана, усиливая и без того существующее социальное напряжение. Это потребу-

¹ World Bank Data. GDP growth (annual %). [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.zg> (дата обращения: 20.01.2020).

² Показатели сельского хозяйства. [Электронный ресурс] // URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika?catid=0&id=2049> (дата обращения: 05.01.2020).

ет создания трудоемких отраслей промышленности — таких, например, как текстильная. Трудоемкие отрасли промышленности в перспективе смогут дополнить уже имеющиеся капиталоемкие. Значительной проблемой для Узбекистана является низкий уровень транспарентности в работе государственных органов власти, который сочетается с типичным для многих постсоветских стран повышенным уровнем коррупции.

Шаги, предпринимаемые властями Узбекистана для поощрения предпринимательской активности, увеличения потока прямых иностранных инвестиций и облегчения условий ведения внешнеэкономической деятельности в подобных условиях представляются совершенно логичным и рациональным шагом. Вероятно, отнюдь не является случайным то, что одними из самых первых мер, реализованных президентом Мирзиёевым еще осенью 2016 г., стали шаги по либерализации валютной политики государства. Их практически сразу подкрепили меры, облегчившие условия ведения внешнеэкономической деятельности.

В настоящее время, безусловно, Узбекистан оказался в ситуации «окна возможностей», когда экономический рост может быть ускорен вследствие удачного применения ряда благоприятных факторов. Вероятно, что те задачи, которые касаются предоставления больших свобод в ведении внешнеэкономической деятельности, могут быть достигнуты ценой меньших усилий и в более короткие сроки. А более масштабные задачи, касающиеся модернизации экономики, изменения предпринимательской среды в стране, изменения отношения к правам собственности и системы отношений по линии «бизнес–государство», безусловно, потребует больше внимания и целенаправленных усилий. Успехи на этом направлении, очевидно, будут скромнее. При всём при этом именно от решения задач глубинной модернизации экономики в большей степени и зависит успех Узбекистана, его глобальная конкурентоспособность. Немаловажно и то, что сложившаяся ситуация открывает окно возможностей не только для Ташкента, но и для его внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров: России, Китая, США, ЕС, Японии, Кореи, Турции и других стран. От того, в какой конфигурации и с кем эти возможности будут реализованы, также зависит будущее экономики Узбекистана. Однако определенным, пожалуй, является то, что в основе этих конфигураций и реализованных возможностей

будут лежать национальные интересы Узбекистана.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аликберов Аликбер Калабекович — к.и.н., заместитель директора Института востоковедения РАН, руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья.

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович — к.и.н., независимый исследователь, Узбекистан.

Атабаки Турадж — д.и.н., старший научный сотрудник Института общественной истории Королевской академии наук Нидерландов.

Бобровников Владимир Олегович — к.и.н., с.н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

Воробьев Александр Вячеславович — к.и.н., н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа, Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

Грозин Андрей Валентинович — к.и.н., в.н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

Джунусбаев Серик Мутанович — к.и.н., директор Центра истории и этнологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова.

Дятленко Павел Иванович — к. и. н. доцент кафедры истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета.

Кадырбаев Александр Шайдатович — д.и.н., в.н.с. Отдел истории Востока, Институт востоковедения РАН.

Перепелкин Лев Станиславович — к.и.н., с.н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

Раванди-Фадаи Лана Меджидовна — к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, доцент РГГУ.

Савин Игорь Сергеевич — к.и.н., с.н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН, в.н.с. Центра истории и этнологии Южно-Казахстанского государственного университета.

Скаков Александр Юрьевич — к.и.н., с.н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

Тахнаева Патимат Ибрагимовна — к.и.н., с.н.с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

Научное издание

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Коллективная монография

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ
ТЕРРИТОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Ответственный редактор и составитель: А.К. Аликберов

Редактор-корректор: А.А. Конькова
Разработка оформления,
компьютерная верстка: С.Н. Чеботарёв

Подписано в печать
Формат Бумага офсетная
Гарнитура Georgia
Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета